

Настоящее время

Драма

Союз писателей Москвы

Настоящее время

Драма

Москва
«Воймега»
2019

УДК821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Н32

*Книга издана с использованием гранта
Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов*

Настоящее время. Драма / Сост.: Р. Белецкий, А. Гейжан,
Н32 Е. Исаева, А. Железцов; Союз писателей Москвы. — М.:
«Воймега», 2019. — 288 с. — (Путь в литературу).

ISBN 978-5-6042671-2-7

Проект «Путь в литературу» объединяет молодых авторов из России и зарубежья, пишущих на русском языке. Все они очень разные. Кто-то уже известен читателям и обратил на себя внимание литературных критиков, кто-то находится в самом начале творческого пути. И каждому из них, вне зависимости от возраста и места проживания, свойственны творческая смелость, равнодушие, бережное отношение к родному языку и русским литературным традициям.

В том драматургии представлены девять пьес, написанных авторами из России и Белоруссии. Все эти произведения современные и остросоциальные, но даже если описанная реальность оказывается слишком жестока к своим персонажам, молодым драматургам удается увидеть свет и на самой темной стороне.

ISBN 978-5-6042671-2-7

© авторы материалов, 2019
© Союз писателей Москвы, 2019
© «Воймега», 2019

Пьеса как мотор

Пьесы, составляющие сборник семинара Союза писателей Москвы, — это тексты людей увлеченных, талантливых, пытающихся разобраться и в жизни, и в профессии драматурга. Каждая пьеса — это узнаваемый голос автора. Диалоги участникам семинара даются легче, чем построение сюжета, создание крепкой, работающей конструкции. Профессионалы знают, что построение диалогов — это самая приятная часть работы драматурга. А вот над сюжетом приходится покорпеть. Почти в каждом тексте семинара находились сюжетные дыры, с которыми приходилось работать, и с ответственностью можно сказать, что работа эта не прошла даром. Еще одна особенность текстов, вошедших в сборник, — это их очевидная кинематографичность. Подробные ремарки, описание крупных планов, много натур. Авторы, как и многие в наши дни, люди насмотренные, сериалы и кино оказали на них свое влияние. Театральная реальность такова, что режиссер, не понимая, как поставить очередную киношную ремарку, будет придумывать что-то свое и, скорее всего, отойдет от авторского замысла. Драматург в наше время как солдат на войне. Он должен «победить» режиссера. Есть такая шутка в среде драматургов. Но есть в этих словах и доля правды. Настоящая пьеса — это работающий мотор. Она самодостаточна. Вынешь из такого «мотора» маленькую деталь, и он заглохнет.

Родион Белецкий,
руководитель семинара драматургии

Каждый такой сборник интересен прежде всего тем, что это своеобразная «проба воздуха». Чем и как дышит литература (в нашем случае — драматургия) 2017—2018?

Не великая, не выдающаяся — просто та, которая сложилась, написана, появилась (и была представлена на нашем семинаре).

Главной составляющей я бы назвал социальность. Слово, конечно, слишком общее, но оно вполне способно объединить и жесткие разборки молодых столичных интеллектуалов, недавних выпускников элитарной школы, и не менее жесткие конфликты пожилых пенсионеров.

Ну а где социальные страсти — там и социальные сети! Со свойственной им категоричностью и умением в упор не видеть то, чего видеть не хочется (Аня Кизикова, «Я и мои собаки», Алексей Синяев, «Взломанный»). Поскольку театр всегда занимается личным. Чем он и хорош (бывает, если повезет).

Пронзительный интерес к этому самому личному объединяет очень разные пьесы. Отчаянная личная решимость больной пенсионерки движет действие по-настоящему смешной лирической комедии (Алексей Еньшин, «Угонщица»), скрытый, почти неразличимый драматизм повседневной жизни отчетливо проступает сквозь вроде бы случайные разговоры обычных людей (Алексей Макейчик, «Обживая бетон»).

К сожалению, не удалось сказать обо всех пьесах сборника, но он перед вами — вперед, отважный читатель!

Александр Железцов,
руководитель семинара драматургии

Аня Кизикова

Я и мои собаки

Монолог при счастливой жизни

Действующее лицо

М а р и н а.

Г о л о с. Давайте по порядку.

М а р и н а. Впервые за два года у меня был настоящий, качественный, чувственный поход в ресторан. Итак, платье будет опять белое, в подружках невесты пускай Наташа теперь. Ибо на свидание он пришел с цветами. Фотография прилагается.

Предложила Егору переехать к нам. Спасибо Петькиному папе — квартира большая. Кстати, от стеллажа в большой комнате я бы избавилась уже, громоздкий, много места занимает. Егор пока не соглашается. В смысле не стеллаж, конечно, выкидывать, а переезжать. Не думаю, что боится. Просто... Просто я всё еще не могу поверить своему счастью! Нет, он точно не боится, раз не испугался завести отношения с матерью двоих не очень замечательных детей с собакой на каждого. Понимает — всякое в жизни бывает.

В понедельник у нас прорвало трубу. Пришел слесарь, а он такой своеобразный очень. Четвертый раз женат и дети по всем городам. Завидный жених, видать. Пришел, сел в ванну в позу лотоса, посидел, помычал, покряхтел и сказал: «Ссыт». Я и мои собаки были в шоке. Не оттого, что ссыт, хотя слово и грубоватое, а от лотоса. А потом слесарь вообще начал говорить про деньги. Не люблю я таких тем. Позвонила Егору, он поржал над моей беспомощностью, приехал и всё сделал. Люблю. Потом кино смотрели, не запомнила какое и о чем.

Переехал. Дети пока в лагере и в неведении. Вот такой сюрприз. Не скажут же, что мама с ума сошла? Да он им нравится, я знаю. Лично я никогда не была в лагере. Шумно слишком. Надеюсь, это не счита-

ется вот сейчас, что я проецирую на них свою нереализацию или как это называется? Надо почитать литературу по такому поводу. А стеллаж мы выкинули.

Осознание факта новой жизни для детей прошло без проблем. Сюрприз удался, молодец мама! Петька маленький и поэтому просто рад, что появился мужчина, который его поймет и правдоподобно изобразит войнушку или самолетики, не знаю уж, во что они там играют. Мужчины. С дочкой сложнее. Все-таки возраст такой. Она Петькиного папу за своего тоже считает, а своего не видела и не увидит. Фотография прилагается. Развод — это непросто, и думаю, тихо и мирно обоюднo — это редкий случай. Почему, когда люди вместе живут, создают семью, всё так гладко, хорошо, всё конфетно-букетно, ну, не без перца, и всё же любовь. Но стоит подойти к завершению отношений — и понеслась!..

Г о л о с. Это точно важно?

М а р и а...Оскорбления, унижения, подлянки и в конце — чужие люди друг другу. Сколько людей годами возьтятся в прошлом, выскивая за болью боль, каждый раз переживают по новой выстраданное расставание, а бывшие давно устроились под новым боком и живут полноценной жизнью! Неужели в этом счастье — заниматься самодедством и упрекать в том, что персонаж, для которого вы не стали любовью всей его жизни, испортил вам всё, сделав другой выбор? Абсолютно каждый принадлежит только себе, а значит, быть счастливым здесь и сейчас или заложником выстраданного прошлого — дело только личное, конечно. В общем, не думаю, что для нее Егор — это большая травма.

У дочи увлечение есть — музыка. Нет, она не дурацкая, конечно, но я просто классику не очень люблю. Сядет за свое (перешедшее по наследству от меня) пианино и туда-сюда классику гоняет. Фотография прилагается. Попробовала бы джаз. Я бы подпеть даже могла. Я ей и предлагала. Такое личико изобразила, что ладно, пускай дальше свое это скучное играет. Может, еще вырастет, осознает. Осознает, никуда не денется. А что я в ее возрасте? Я в ее возрасте мечтала готом стать. И даже волосы в черный покрасила. Ну как черный... с синим отливом получились. Но так даже интереснее и интригующее. Что нам, тем готам, еще надо было? Внимание привлекали. А моя... нет, ей внимания особо и не надо...

Г о л о с. Дальше можно пропустить.

М а р и а...правильно. Главное — внутренняя работа. Надеюсь, она насмотрелась на меня и мечтает выйти замуж за хорошего человека.

Егор сам предложил, чтобы его квартиру сдавали, а денюжку в семью. У меня теперь снова настоящая семья. И денюжка — это кстати. Моя любимая работа не очень благодарна в плане денег, но сутки пропадать заставляет. Детям веселее будет. У Егора нормальная, среднестатистическая работа с восьмью тридцати до семнадцати ноль-ноль. Хотя что по ночам без меня веселиться? Пускай спят. Надо сказать Егору, чтоб смотрел, чтоб в телефонах своих не заживались.

Хотели детей в цирк повести, но вспомнили, что сцены с дрессированными животными всю охоту отбивают. Эти измученные дикие зверюшки проходят через все круги ада и ломаются под гнетом человека. Только прошу, не надо рассказывать, как на самом деле их любят и отборным мясом кормят и вообще они рождаются в клетках и для них это всё норма. Чтобы зверь принял вас за авторитета, ему нужно показать свою силу. Через насилие добиваются подчинения и выполнения команд. Так Егор сказал. Зрелищнее видеть достижения и возможности людей! Вот вчера приехали замечательные костюмчики моим собакам — тигренка и обезьянки. Фотография прилагается.

Всей семьей ходили в зоопарк. Собаки в обновках, как раз к случаю. Идиллия. Мне было, правда, немного скучно. Животных я и на работе вижу: свиней, козлов, коров, ослов, пару овец... А всем остальным было очень весело. Особенно с сахарной ватой. Конечно, им за фигурой и зубами еще рано следить. Фотография прилагается.

Егор сказал, что он мой муж.

Работа, работа, работа, работа, много работы.

Две наши собаки боятся Егора. По ящику идет передача, где приходят звериные психологи и всё психическое состояние животного по полочкам раскладывают, исправляют. Был похожий случай. Сделали всё как там. Он покатался с собаками на автобусах, чтоб те научились доверять. Фотография прилагается. Не помогло. Видимо, йорки почувствовали, что Егор врет и у него есть машина. Мол, что вы нам какой-то вонючий автобус подсовываете, мы декоративная порода, на секундочку. Да понятно, что ревнуют просто. Ну а что поделывать? Жизнь — сложная штука. Пускай привыкают.

Есть люди принципиально несчастные оттого, что они дошли до такой степени душевной усталости или неряшливости, когда каждое усилие воли становится почти физической болью. Быть несчастным легко. Счастье же, как всё прекрасное, дается с трудом.

Г о л о с. То есть такими суждениями вы хотите сказать...

Ма р и а. Я редкий человек, у кого всё наоборот. Мой день никогда не начинается с вопросов и нытья: «Как жить? Мне сложно утром вставать! Как же тяжело! Я устала! Всё плохо!» Именно мы задаем себе жизненный ритм! Именно от нас зависит, насколько счастливая, легкая и беззаботная будет жизнь. Бывает ли мне плохо? Нет! Как справиться с депрессией? А что это? Голова болит? А если внимательней прислушаться к себе?.. Может, просто кому-то нужно внимание и единственный способ — это пожаловаться на всё? Я наслаждаюсь каждым днем, и редкий случай, когда могу позволить себе инфантилизм или разрешу лени быть хозяйкой на пару дней. Да.

Мама устала. Такое бывает раз в месяц. Сына к бабушке (хотя бабушка хотела бы видеть меня, посмотреть в глаза и поговорить за душу). Дочку с мужем в кино. Собак под замок. Наташку к себе в гости на пару часиков. А потом и саму себя в ванну с пенкой можно... и с бокалом вина, если после Наташки останется.

Пришла как всегда веселая Наташа. Фотография прилагается. Слушали Земфиру и «Мумий Тролля»... Наташка вообще сказала, что мы слушали их до того, как это стало мейнстримом. Пили армянское вино, потому что Наташка сейчас официантка в армянском ресторане. О том, что она могла бы быть хорошим экономистом, а не вот это вот всё, я ей, конечно, не говорю. Главное, чему научил ее общепит: «Чужая шуба — не одежда, чужой мужчина — не надежда». А ведь она у меня красивая, и вот такая фигня с ней происходит. Когда пьяная Наташка уходила, она сказала: «Марина... красавица... не страшно?» К чему это вообще? Моя любимая пьяница. Фотография прилагается. Мне вот реально такие «подруги» не совсем понятны. То есть пока ты одна, то готова и дружить, и рядом быть, и обмениваться какой-то инфой (так устроен человек — без общения никуда), а как появился потенциальный партнер, так можно на время забить на дружбу, а то и вовсе исчезнуть до первой проблемы. Как-то эгоистично это всё! Дружба не должна стоять на последнем месте. К тому же кто, как не друг, будет помогать зализывать тебе раны любви израненного сердца? Получается, пользуешься дружескими отношениями, только когда выгодно тебе. Но так не бывает, всегда приходит конец таким отношениям... И, не научившись ценить чужие чувства, будешь всю жизнь размениваться на мелочи. Не всех людей можно пускать в свою душу, а лишь тех, кто этого достоин (кто может ее осветлить как-то, а не нагадить в нее). Что касается пользы, то ее можно извлекать из отношений со всеми людьми, какими бы они ни были. Пользу! Но не удовольствие...

Г о л о с. Опять нить мысли путается.

М а р и н а. Не нужно ждать от некоторых людей больше того, на что они способны. Давать им ничего не нужно. Не надо метать бисер перед теми, кто его топчет. Искать необходимо таких людей, которые подходят для тех отношений, на которые вы рассчитываете и в которых нуждается. И главное, надо быть взаимно нужным. Во всём нужна гармония.

Купили мужу собаку. Такого же моего любимого йоркширского терьера. Чтоб мальчик не обижался, что его не любят. Надеюсь, другие посмотрят на новенькую и тоже Егора уже наконец примут. Ревнивицы. Может, она потом третьему карапузу перейдет?.. Кого я обманываю. Это всё мои собаки. Дома стало еще веселее. Фотография прилагается.

Если я не могу уснуть, то не могу уснуть. Вроде и спать хочется, и надо, но... Особенно если надо, то точно не могу. Попью, открою форточку, послушаю соседей, сопение, а потом храп мужчины под боком, дам под дых мужчине и продолжу слушать сопение, подумаю, что вообще-то всё хорошо. И всё это с закрытыми глазами. И всё у нас правда хорошо. Мне цветы дарят. Но уснуть не могу. Первые полтора часа просто лежу, думаю. Думаю о том, в каком порядке и что буду делать утром при условии, что не высплюсь, вспоминаю, что надо сделать на работе, купить в магазине и что надо придумать, как праздновать сынин день рождения, хоть он и через месяц. Через полтора часа мысли начнут путаться, а здоровый сон Егора раздражать. Не люблю быть злой. Поэтому лезу в телефон. Смотрю, сколько стоит такси до работы, чтобы поехать сейчас, чтобы отработать сейчас, если уж всё равно не сплю, а домой пораньше, к семье, к собакам, к телевизору, в конце концов. Пролистаю новостные ленты, вряд ли поржу, но прокомментирую. Начну сердиться еще больше, потому что мало друзей онлайн. Конечно, все спят, суки...

Голос цокает.

М а р и н а. ...а те, кто не спит, — в других часовых поясах. Видимо, мысленно и я где-то не тут. Не люблю быть злой. Это как-то неестественно... хотя, если случается, значит, вполне себе естественно, да? Нашла рецепт успокаивающего чая перед сном (запах покупных меня изначально раздражает): девять грамм цветков ромашки, шесть грамм корня валерианы, пятнадцать штук плодов тмина. Измельчить. Залить ноль-пять литров кипятка. Настоять. И вуаля! Вы — настоя-

щая чародейка, сыпьте себе в лицо сонной пылью... Если буду мало спать — потолстею. Если, конечно, мало спать не из-за Егора. С Егором я готова не спать ночами напролет. Двойко получилось. Скажу прямо — я имела в виду ниточку в иголочку. Но в последнее время он устает на работе. Все болезни от нервов, а вот от чего я не сплю — непонятно.

Третья несколько дней болела. С другими собаками такого раньше не было. Как бы не заразились. Мы ей имя-то еще до конца не выбрали. То ли Бусинка, то ли Пуговка. Стонет, еле ходит, не ест, не пьет. Вызывали ветеринара. Приехала малолетняя девочка-цветочек, серьезно покачала головой, содрала три тысячи рублей. Стерва и наверняка дрянь. Жалко. И Егора очень жалко. Егору очень грустно... Но приняли решение усыпить. Ну а что с ней делать? И она мучается, и мы мучаемся, когда смотрим на это. Подождали, пока дети лягут спать, вызвали круглосуточную ветеринарку. Егор спустился у подъезда ждать, чтобы домофоном не разбудили. На этот раз приехали два рослых Васи. Сделали укол, накрыли простышкой в коридоре и уехали, взяв деньги, конечно.

Даже если вы уже слышите шорох своих крыльев, а нимб освещает вам дорогу, то это не значит, что за вами нет косяков. С того момента, как осудили, вы начинаете падать в ту же яму, а гордыня, которая вас ослепила, еще и бетонной плитой сверху придавит. В общем, сидим с Егором на кухне в полумраке. Пьем водку. Поминаем и успокаиваемся. Я думаю о том, что это всё значит. Ну, кошки там как-то на себя смерть переманивают. А собаки что? Я вообще-то не суеверная, но... И тут я под ноги смотрю, а там она стоит, хвостом машет... Таких круглых глаз у Егора я никогда не видела... В общем, детей все-таки разбудили. Точнее, разбудила. Я. Своим криком. Собака абсолютно здоровая. Фотография прилагается.

Работа, работа, работа, работа, приходишь домой, а они все всё съели.

Тут заметила, что в нашем доме стало меньше музыки. Влюбилась, что ли, моя маковка, пропадает всё время где-то. Ладно. Поговорим. Надо просто говорить и слушать.

Теперь удобно, можно ходить на оба родительских собрания. Еще не решили, куда Егор пойдет, а куда я. Вот мамашки офигеют. Дети в шоке, конечно, и ужасе. Хотя чего им бояться? Никогда их не ругали. Никогда. Мои котятки. Да и вообще, собрания для чего-то другого созданы, а не для отчетов родителям. Всё дело в том, что мы не запряцаем. Хотите, чтоб ваш ребенок развивался? помогал? делал,

а не сидел в телефоне? Тогда объясните ему, как правильно! Небольшая травма типа синяка, мозоли, занозы и даже ушибы — это норма для человеческого тела... один фиг споткнемся на ровном месте, стукнемся мизинцем об косяк, заденем бедром край дивана. Хотите, чтоб ребенок умел? Дайте ему возможность научиться. Иначе, оберегая его от всех бед (делая работу за него), вы сами растите в нем инфантилизм. Надо угомонять свою гиперопеку, иначе ребенок найдет другое применение молодой энергии.

Дочь знакомила нас со своим мальчиком. Фотография прилагается. Ну, как знакомила, мы быстро приехали из «Икеи». Заходим, а они на кухне, на столе, разложили сухари свои и сидят едят. В кастрюльке пельмени варятся, хотя в холодильнике еще курица оставалась. Согласна, пора предупреждать, когда домой идем. Хотя бы в дни, когда сын на борьбе или рисовании. Хороший мальчик, кудрявенький, чуть старше, молчаливый. Родители разведены, у обоих бизнес. Сестер и братьев нет, только двоюродная в Краснодаре. Молчаливый. Говорю потом дочке, когда он ушел: «Детки красивенькие будут, кудрявенькие». А она мне: «Ну, у него, может, и кудрявенькие». Он чем-то на Егора похож. Вся, да не вся в мамку свою. Егору парень не понравился, потому что «я сейчас банальщину скажу, но я тоже когда-то был в его возрасте и думал об одном. Не отрицаю, может, он и особенный». Ну и пускай. На ошибках учатся, и пока что им делать их можно... но не внуков мне. Хотя бы годика через три, на крайний случай... а лучше через пять.

Прихожу домой. Дочь с мужем на кухне. Дочь в слезах. Зашла на моменте, когда Егор говорил что-то типа «сиди лучше дома, книжки читай». Увидели меня, дочь бегом к себе в комнату. Не знала, что Егору настолько не понравился тот парень. Чужая ему девочка, грубо говоря, а он как настоящий отец. Доча дверь мне не открыла.

Всё же у тебя в жизни есть? Семья, работа, три собаки, приятное времяпровождение и даже то платье, которое ты хотела целый месяц. Что еще надо? Может, на фитнес записаться? Как же сохранить брак и интерес друг к другу? Как показывает практика, истории у всех похожи, но кто-то хочет сохранить брак, а кому-то и нафиг это не надо. Я из тех, кому нафиг это не надо... но если это стоит чего-то, то лучше сохранить. Часто гордость берет верх над любым разумом. Хочется взять и послать всё к чертям! Но если притушить в себе эту слабость под названием «гордость», то можно увидеть много того, что она не дает увидеть! Почти каждая женщина находится в состоянии жертвы. Причем сами себя в эти рамки загоняют! В этом есть часть

правды — пока беременная, потом кормящая, практически нет возможности строить свою карьеру, а также, благодаря гормонам, эмоционально уязвима. И так год за годом. А затем, с новыми морщинами и лишними кило, мы чем-то недовольны! Вроде как семья норм, а как муж... претензии...

Г о л о с. И это тоже можно опустить.

М а р и н а. Почему? Конечно, надо уметь вовремя выходить из состояния жертвы. Наше умение рожать — это жизненный бонус. Мои дети — это моя отдушина и радость. Именно ярлык «я родила для тебя» убивает все отношения. Я рожая только для себя. В первую очередь это мои дети и только потом наши. Я из тех женщин, кто не будет своего сравнивать с другими мужьями. Так как подруги всегда расскажут о том, какие у них золотые мужья, и ты понимаешь, что твой однозначное говно! А если глубже смотреть? То у каждой! У каждой одна и та же ситуация. Муж теряет интерес. Разумеется, теряет! Смотрим в зеркало и честно отвечаем на вопрос: мы-то сами себя хотим? Когда я последний раз мозг выносила? А СМС «Ты где почему трубку не взял?» Когда живешь со своей второй половиной как с другом, когда не забываешь его привлекать в свою материнскую жизнь, тогда мужчины, конечно, по-другому начинают относиться к тебе, они принимают участие, они на одной волне. И все-таки я с мужем умудрилась быть другом, с которым хорошо переспать. Он открывает мне свои горизонты, я ему — свой мир. Мы научились слышать друг друга.

Егор сказал, что ему нужно личное пространство, а я этого не понимаю. Нет, я понимаю, всем нужно личное пространство, но это значит, что он от меня устал. Он взял подушку и ушел в ванную. Через полчаса вышел, надел куртку и уехал.

Дочки нет вторые сутки. Это всё возраст. Рано или поздно детей приходится отпускать. Егор не берет трубку. И это всё возраст. При кризисе среднего возраста у мужчины нельзя винить себя, особенно если ты умная женщина.

Частенько слышу, как буквально с гордостью заявляют о себе «я упертый/упертая». Возможно, для достижения цели это неплохо, когда человек с упорством (опять же таки упорство, а не упертость) добывается своего. Но быть упертым относительно каких-либо ситуаций или окружающих — это сравнимо с глупостью. Не зря же говорят «упертый, как баран». Бараны же тупые? Умные только мои собаки. Пора бы учиться быть гибкими во всех смыслах. Кстати, замечено, что люди гибкие умом часто имеют гибкое тело и так же наоборот — упертые жалуются на шею, колени, спину. Уверена, что такую черту харак-

тера чаще приобретают, нежели она передается по наследству, а значит, ее легко можно поменять.

Никого из подружек ее я не знаю. И в чатик мамашкам одноклассников не написать: «Всем приветик, у кого мое сокровище?» Эра родителей в ватсапе началась уже только на сыне. Кто-то скажет, я его больше люблю. Дети маленькие были, фотография прилагается, — всё время спрашивали: «Мама, а кого ты больше любишь?» Понятно, что это старшая подговаривала маленького и довести его хотела. А я им отвечала: «Вот вы кого больше любите, ручки или ножки?» — «Ручки. Я ими на пианине играю!» — «И от ножек бы отказалась?» — «Не-е-е, я ими на педали на пианине жму». Тут, конечно, получалось, что дочь всё это использует в своих интересах как бы, а метафора-то о другом, конечно... но суть ясна.

В «Красном и Белом» сказали, что оптимальная температура потребления пива колеблется в пределах от плюс шести до плюс двенадцати градусов, шампанского — от плюс семи до плюс десяти. Виски — напиток уникальный. Его можно пить как в чистом виде, так и с различными добавками. Шотландцы и ирландцы, например, пьют виски со льдом и чистой водой, а американцы разбавляют его колой или содовой. Единственное, чего не терпит виски, — это соседства другого алкоголя. В Мексике, которую традиционно считают родиной текилы, ее пьют залпом, ничем не закусывая и не запивая. За пределами же Мексики самый распространенный вариант — это «лизни — опрокинь — кусни». На внешнюю сторону ладони, между указательным и большим пальцем, насыпается соль, пальцами зажимается долька лайма или лимона, а дальше всё просто: лизнули соль, выпили залпом рюмку текилы и закусили лимоном. Кстати, в Германии текилу пьют по такой же схеме, только вместо соли используют корицу, а вместо лайма или лимона — апельсин. Но я бы съездила в Мексику. Оптимальная же температура потребления пива колеблется (для разных сортов) в пределах от плюс шести до плюс двенадцати градусов. Традиционно считается, что в теплое время года употреблять стоит светлые сорта пива, а в холодные, наоборот, темные. Всё это неправда, ложь, чепуха и вообще всё не то. Я проверила. Фотография прилагается.

Дома тихо. Я и мои собаки. Сын где-то в уголке сидит.

Оказывается, с работы могут уволить за запах! Ладно, не уволить, а сказать: «Мы алкоголикам только белую зарплату платим».

Скажите, с каких таких пор «правда» приравнялась к понятию «поливать грязью»?! Если я где-то накосячила, то признаюсь в этом!

И мне, конечно, стыдно за мои косяки, потому и стараюсь исправить эти ошибки. Шила в мешке не утаить.

Вот как я люблю эту фразу: «Хочешь быть счастливым? Будь им!» Счастье есть у каждого, а точнее, оно живет в каждом из нас. Мы делимся тем, что нашли или открыли в себе. Мы показываем свой мир таким, как его видим сами...

Г о л о с. Но...

М а р и н а. ...И вроде бы чего я тут нового сказала? Однако унылое говно продолжает, как мантру, твердить о том, что его мечта — быть счастливым человеком, при этом, глядя в лужу, видит там только грязь. Я очень люблю мультик про крошку енота, где он пошел на пруд за сладкой осокой и, увидев свое грозное отражение, испугался и убежал. Вот так и мы, глядя на себя со стороны, не понимаем, где оно, счастье-то, и боимся сами себя. Можно всем улыбаться, но при этом остаешься один на один с собой, снимаешь маску, сидишь и думаешь: «А что тебе для счастья надо?» Да у тебя и так всё есть, это ты сам! Нет смысла ждать, что кто-то его принесет и в руки как подарок даст (да, будет счастье на пять минут, и не более того). Также нет смысла когослибо обвинять, что твое счастье украли! Счастье живет внутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье.

Егор вернулся. С цветами. Фотография прилагается. И двадцатью пятью килограммами корма. Я прочитала, что мужчинам в кризисе среднего возраста мешать страдать нельзя, ну и, конечно, себя винить вообще нельзя. Повторяю. Идиллия будет снова.

Сидели всей семьей, пили чай, смеялись. Фотография прилагается. Дети спать ушли, еще долго с Егором не ложились.

Как правильно открывать рот? Речь пойдет о том, что мы говорим! Через яркие эмоции проще узнать, кто перед тобой: поднимешь горячую тему, и сразу натура считывается. Почему? Расклад не мной придуманный, но мной проверенный: в любом вопросе, который вас возмущает, агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично! Открыв рот, воспользовавшись даром говорить, люди будут рассказывать о себе! Поэтому я никому ничего плохого никогда не говорю. Теперь точно никогда.

На завтрак: собакам — морковку тертую, диета, бедняжки, мужу — кофе и бутерброд, обязательно и с кетчупом, и с майонезом, доче — йогурт, сыне — омлетик. Он так и сказал: «Хочу омлетик». Цыплечек, зайка мой, ну такой милашечка!

А ведь скоро у нас день рождения. Ну куда ему взростеть? Играть и играть. Не представляю своих деток взрослыми. Вот пойдут они

в какой-нибудь МОУ ДОД ЦВР ОД и ПК в серьезных костюмах и с угрюмыми лицами своих детей записывать, а им скажут: «Перерыв».

День рождения Петьки. Дети — самые чистые души, искренние и настоящие. Часто учат меня жить иначе. Они умеют радоваться дню, потому что солнце светит, они умеют прощать и умеют любить просто так. Фотография прилагается. Дочь с друзьями, муж с друзьями, я прибиралась. Смысла, конечно, не очень много делать это перед шайкой его, но всё же. Пока прибиралась, нашла дочкин дневник... бумажный! — ну моя дочка, моя, только более романтичная, что ли, не буду говорить, что старомодная. Я на самом деле не очень знаю, для чего свое это всё пишу сюда. Что хотите обсудить? Какие рубрики мне добавить? Может, больше про собак? Почему вы меня вообще читаете? А дочинога найденыша я читать не буду. Жизнь-то и в самом деле ее.

Егор сказал, что Марина сама к нему первая полезла.

Пауза.

Г о л о с. Марина?

Марина откладывает планшет. Оглядывает всех.
Несколько секунд смотрит в сторону. Суд.

М а р и н а. На этом записи в блоге кончаются. Дальше вы знаете. Мама пошла, взяла кухонный нож с лиловой рукояткой и всадила Егору куда только можно, по самое не хочу, ну и главное... ну вы поняли куда. Фотографии прилагаются. И чё? Правильно! Сам виноват! Он меня совратил вообще-то. Я не лезла... первая. И мама не виновата. Это она защищалась. Нет, она виновата, что тупая (*смотрит в сторону*), что мир у нее такой или что дочь у нее может быть такая как я, ну а так-то чё? Это почти самооборона, считайте. Ее бы тетки с работы засмеяли, и меня бы из школы поперли. Меня и так поперли... но это уже из-за вас! Мне вообще-то пятнадцать. Только пятнадцать, и я жертва. Я вам говорю, а вы не верите. Не верите, потому что молодежь щас такая пошла или чё там, как вы там думаете? Совратил, совратил, совратил. И вообще до шестнадцати нельзя вообще ничего там. Нет, я это не в паблосах прочитала и даже не по телеку вашему дебильному увидела, и никто не подсказал, и нет, не придумала я, это так оно и есть. Он меня и девственности лишил и еще сказал: «Не ожидал, что ты целка». А чего он, интересно, ожидал? И квартиру он свою не сдавал, только иногда посуточно, предло-

жил даже однажды прийти за деньги прибраться там, я ж женщина... Вот видите, он еще и по налогам чего-нибудь там виновен, я отвечаю, проверьте-проверьте. Может, недаром он мне на экономиста советовать идти, а? Десять раз сдаст, и под тридцать выходит. А мама, дура, рада. Она-то не знает, чё в этой квартире между мной и ним происходит... что со мной происходит! Я не знаю, может, она на меня мало внимания обращала, может... хотя мне уже кажется, что это я тогда напридумывала. Она с детства эту сказку про ручки и ножки рассказывала. Да мама идеальная у нас! (*Смотрит в сторону.*) А Егор, когда к нам приехал, сказал: «Пиво будешь?» А по ТВ магазин на диване начался, и там, короче, тетка в ужасном сарафане с психоделом каким-то говорит: «Сегодня с нами Алена, и она знает о нефритах всё. Сейчас она поделится своим богатым опытом». А я думаю: капец, у меня нигде богатого опыта нет, даже в нефритах. А про талант, достижения и цели я вообще молчу. Только пиликаю по клавишам. Даже собаки именно моей дрессуре не поддаются. А у Егора глаза такие голубые-голубые, что почти зеленые. Ну как цвет морской волны типа. Ладно, хорошо, убедили, это не мама тупая, а я тупая. Хотя она ведь тоже... Запутали. Ну а чё? Да, я влюбилась. И чё? А потом она нас отправила двоих в кино. Если б она этого не сделала, не было бы вот этого вот всего. Да. Мы только половину фильма посмотрели, а потом поехали к нему. Я вам не буду всего описывать, и так понятно. Это гадко. И однажды нас тетя Наташа видела вместе, шурующих на хату. (*Смотрит в сторону.*) Вот сука, простите, но вот сука, матери ничего ведь не сказала. Хотя всё и так понятно ей было. Взрослые как-то защищать же должны детей. Да ведь? Почему вы-то такие... и не оправдываете ее? Агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично. Или вам меня не жалко? Не жалко? Вы мне не верите? Он меня и психологически во все щели. Я не буду вам несчастную любовь свою описывать. Как у всех, чё. Ну, на пианино перестала играть, я классику вообще-то люблю, не знаю почему, а Егор гаражный рок, это инфантилизм какой-то... Ну чё еще? Ну, спала всё время и решила наконец на сообщения там одного пацана ответить. Он хороший оказался. А главное, в меня влюбленный. Чё? Егор ничего не дарил, потому что «ну Маришка, ну ты ж понимаешь, что палево, ты у меня такая взрослая, ну всё-всё понимаешь и знаешь». Он маме букеты дарил. Желтые чаще всего, между прочим, ага. Ну и типа получается, я тоже могла на них смотреть, нюхать, щупать и фоткаться. Вот. А тот пацан, короче, на первой же прогулке мне розу розовую подарил. Потому что я юная и романтичная. Понимаете? Не знаю. Может быть. Не знаю.

Только с Егором всё продолжалось. Я не планировала их всех знакомить. Егор потом разорался. Понятное дело — ревнует. Но я и не планировала, чтоб он ревновал... Наверное, не планировала. Короче, он наговорил какие-то ужасные вещи, и я расстроилась. Наговорил, что таких замуж не берут и давно пора маме о моем поведении рассказать. Нет, я не расстроилась даже, а испугалась... или стыдно стало, или это подсознание говорило, что он козел. Для меня фактов мало, мне еще подсознание нужно. И я решила, что выйду замуж за богатого и старого, обязательно с темными глазами. Всё логично и нетравматично. (*Смотрит в сторону.*) А потом не смогла смотреть на маму и ушла из дома, короче. Куда? А чё, вариантов много? Подружки? О-о-о, они-то поддержат. И особенно их родители переполнятся пониманием. Варианты, блин. Да я всем только с дневником делилась и в твиттере немножко, но у меня там типа фейк. Фейк, где я сопли распускаю. Хочу еще один с политической тематикой создать... Куда ушла? К Егору я ушла из дома. Он тоже ее, маму мою, свою жену, считайте, видеть не мог. Это так сложно всё. Я б детей ему кудрявеньких родила. Но потом. А пока мы наплакались, наорались и вернулись. Сидели дома, всей семьей, чай пили мило. Может, мой талант врать? Но не как мама... Не, не, сейчас я искренне всё, хоть где-то это надо. Я его не люблю. Я его ненавижу. Мне за себя и за маму обидно. Правильно она всё сделала. Она говорит всегда так много и всё фигню какую-то, но... Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, мама, мама, мама, мама. У нас же была красивая нормальная семья наконец-то. Понимаете? Тогда, сначала, когда его не было. Нам на самом деле не нужен никто был, она где-то прочитала, что нужен... Хочешь быть счастливым? Будь им! Счастье есть у каждого, а точнее, оно живет в каждом из нас... Только тогда мы думали, что счастье — это Егор... Егор, Егор, Егор... А Егор — это уже инвалид, правильно я говорю, а? Счастье живет вовнутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье. Вы о Петьке подумайте, если обо мне не хотите. Мама не виновата, что мир неидеальный. Ну зачем она прочитала мой дневник, я не хотела, чтоб всё вот так... не хотела... Она не виновна. Вы поняли? И чтобы вы до конца знали, где белое, а где черное... Это я отравила ту, третью собаку, потому что она его была. Это, по-моему, страшнее... или чё?

Голосов становится много. Гул. Марина плачет.

Тоня Яблочкина

Юра

Действующие лица

А с я.
Ю р а.
Д е н и с.
М и ш а.
М а м а.
П а п а.
Л е н а.

Сцена первая

Небольшой военный городок. Лена и Ася играют в бадминтон.

Л е н а. А один раз он в канаве валялся вместо уроков. Представляешь, ну? В канаве вместо первых уроков валялся. Может, он там и спал всю ночь. Офигеть, да? Я просто с него офигеваю.

А с я. Так я не поняла, почему он в канаве-то спал?

Л е н а. Набухался.

А с я. Он что, пьет?

Л е н а. Бухает. Дэн — нет, столько не пьет. А этот самый младший, и бухает. Офигеть, да? Зато его весь городок знает.

А с я. Естественно.

Л е н а. Не, он типа крутой. Они вообще типа такие известные.

А с я. А это вон тот, что ли, который к нам идет?

Л е н а. Где?

А с я. Ну, вон, вон, тот коротышка.

Л е н а. Да. Всё, тише. Типа ты ничего про него не знаешь вообще.

А с я. А с чего ты его позвала сюда?

Л е н а. Просто погулять.

А с я. Ну и урод.

Л е н а. Тише ты, чего это урод сразу? Ты его братьев не видела. Знаешь, какие клевые!

А с я. Не знаю, если такие же короткие, то...

Л е н а. Аська!

Подходит Юра.

Ю р а (*Лене*). Здравóво!

Л е н а. Привет. Ну чё ты с людьми-то не здороваешься-то?

Ю р а (*Асе*). Ну, привет.

А с я. Привет!

Ю р а. Чё, играете?

Л е н а. Ну а чё еще тут делать?

Ю р а. Долго играете?

Л е н а. Да нет, недавно вышли.

Ю р а. Смотри, а эта подружка твоя нормально так играет, да?

Л е н а. Да, это Ася.

Ю р а. Да знаем мы.

А с я. Это еще откуда?

Ю р а. Ну а кто тут кого не знает. Дайте сыграть тоже, что ли?

А с я. Ага, сейчас. Только сами вышли.

Ю р а. Ленк, ну чё ты, дай сыграть.

Лена передает ракетку Юре.

А с я. Лен, я не буду с ним играть.

Ю р а. Я не буду с ним играть, я не буду с ним играть. Чего ты как маленькая-то?

Юра делает подачу. Ася отбивает.

А с я. Я не маленькая, я просто не хочу с тобой играть, вот и всё.

Ю р а. Конечно, не маленькая, жопа вон уже какая.

А с я (*бросает ракетку*). Что? Какая у меня жопа?

Ю р а. Хорошая.

А с я. А ты себя видел, карлик?!

Ю р а. За языком своим следи, жопастая!

А с я. Лена! Пусть этот урод свалит.

Л е н а. Ребят, ну вы чего. С чего завелись-то?

Ю р а. С того, что она крыса зубастая. Приходи познакомиться с симпатичной девчонкой, приходи познакомиться с симпатичной...

Ася хватает камень, кидает в Юру.

А с я. Да никто тут с тобой знакомиться не собирался, я еще издалека сказала, что ты урод. Лен, скажи ему, что я сказала, что он урод.

Л е н а. Ребят, ну правда, ну вы что?!

Юра хватает ракетку, гонится за Асей.

Ю р а. Я сейчас тебе по твоей крысиной жопе настучу.

А с я. Давай, давай, коротышка, догони сначала.

Л е н а. Да вы офигели, что ли?

Ася убегает. Юра бежит за ней.

Сцена вторая

Ася заходит домой. Молча идет в свою комнату.

П а п а. Чего опять надутая?

А с я. Я не надутая, просто.

П а п а. А почему не разговариваешь?

А с я. Я разговариваю, почему?

П а п а. Как ты разговариваешь?

А с я. Нормально я разговариваю.

П а п а. Ты считаешь, что нормально так с отцом разговаривать?

А с я. А как я разговариваю, я нормально разговариваю.

П а п а. А почему лицо такое недовольное? Приходишь домой, вечно лицо у тебя недовольное.

А с я. Я с нормальным лицом прихожу, что ты придираешься?

П а п а. Что значит — придираешься? Ты почему отцу грубишь?

А с я. Где я грубила, ты чего?

П а п а. Что значит — ты чего? Ты почему чевокаешь отцу?

А с я. Я отвечаю просто.

П а п а. Сколько ты будешь мне отвечать на каждое слово? Пришла недовольная, хамишь.

А с я. Я не хамила! Ты совсем уже?

П а п а. Что ты сказала? Ты как отцу сказала? Это я совсем? Ты мне говоришь «совсем»? Охамела вообще. (Маме.) Лапуль, ты слышала? Лапуль! Ты посмотри, какая хамка.

М а м а. (выходит из кухни). Что случилось?

П а п а. Ты посмотри, какая хамка. Ты слышала, как она с отцом разговаривает? Ты чё, совсем, она мне говорит.

М а м а. Ася, ты чего опять грубишь папе?

А с я. Я не грубила, я просто ответила.

П а п а. Ты посмотри, какое хамло! Она еще и огрызается.

М а м а. Ася, ну хватит уже отцу отвечать.

П а п а. Не, ну лапуль, ну что я, неправ?

А с я. Пап, ты неправ, потому что я не...

П а п а. Вырастили просто овцу какую-то упрямую. Ты ей слово, она тебе в ответ, ты ей слово, она в ответ.

М а м а. Ась, прекращай уже, честное слово.

П а п а. Дома сидеть будешь.

А с я. За что?

П а п а. За язык твой длинный, вот за что.

А с я. Так я ничего такого не сказала.

П а п а. Вот сиди и думай, как ты с отцом разговариваешь.

А с я (маме). А дискотека?

М а м а. Я не знаю, спрашивай у папы.

П а п а. Какая дискотека? Разговаривать научись с родителями нормально.

Ася смотрит в пол.

Что ты теперь молчишь?

А с я. Я не знаю, что сказать.

П а п а. Так иди и думай, что сказать. Мать пришла, замолчала она сразу.

М а м а. Папик, ну хватит уже. Пусть идет. Ась, иди в свою комнату.

Ася уходит в комнату. Родители — на кухню.

П а п а. Не, ты посмотри, выросла дылда такая и хамит. Заходит, как к себе домой, и хамит с порога.

Сцена третья

Ася стоит перед отцом.

А с я. Я была неправа.

П а п а. Танцевать очень захотелось, неправа она была!

А с я. Нет, просто.

П а п а. В пол не смотри, на меня смотри, когда разговариваешь.

А с я. Я поняла, что была неправа.

П а п а. Ты что, забыла, как нормально прощения просить?

А с я. Папа, прости меня, пожалуйста. Я был неправа.

П а п а. На меня смотри.

А с я (*поднимает глаза*). Папа, прости меня, я была неправа.

П а п а. В чем ты была неправа?

А с я. Я тебе нагрубила.

П а п а. Дальше.

А с я. Я больше так делать не буду.

П а п а. Дальше.

А с я. А что еще сказать?

П а п а. Ты понимаешь вообще, за что ты наказана?

А с я. Я была неправа, я тебе нагрубила.

П а п а. И?

А с я. И я хочу извиниться за свои слова, потому что была неправа.

П а п а. И еще?

А с я. И постараюсь больше так не делать.

П а п а. Маму пожалей. Я мужик, я всё вынесу, а она женщина, ей труднее всего смотреть на всё, что ты творишь.

А с я. Я поняла.

П а п а. Хорошо. Иди.

А с я. Всё?

П а п а. Что всё? Иди, можешь поесть.

А с я. Я только хотела спросить, можно мне сходить на дискотеку, потому что все...

П а п а. Меня не волнуют все. Меня волнует моя дочь. И я сказал свое слово, ты наказана сегодня.

А с я. Но я же извинилась.

П а п а. Очень хорошо, молодец. Теперь иди, ешь и занимайся уроками.

А с я. Я уже сделала.

Папа. Очень хорошо. Иди учи билеты, иди готовься к экзаменам там. У тебя дел нет? (Маме.) Лапуль, Ася у нас что, уже ко всем экзаменам подготовилась?

Мама выходит из кухни.

Мама. Не знаю, но она готовится.

Папа. Пусть еще подготовится. Или потом папе за институт отстегивать? Ася, папе потом отстегивать за всё?

Ася. Нет.

Папа. Умница, иди готовься.

Мама. Ася, иди поешь и готовься.

Ася (маме). А можно я поем и схожу на дискотеку, на часик?

Мама. Ну вы с папой договоритесь.

Папа. Повторяю, я не разрешил.

Мама. Ась, ну если папа не разрешил... Иди быстро ешь и посиди уже дома. Тоже ходишь где-то постоянно.

Мама уходит на кухню, говорит из кухни. Папа — в другую комнату. Ася стоит одна.

Займись чем-нибудь, поделай там что-нибудь, по дому поделай что-нибудь. Как будто все на дискотеки ходят. Что, Лену папа всё время на дискотеки отпускает? Нет. А она всё время родителей слушает, и тоже не всегда ее отпускают. Ничего страшного на дискотеку не сходить. Ася-а-а! Иди ешь, сколько тебя звать нужно?!

Сцена четвертая

Ася, Лена, Юра, Денис, Миша стоят возле ДК, где проходит дискотека. Девочки и мальчики немного в стороне друг от друга.

Лена. Всё, это, конечно, жопа сейчас будет. Тебе жопа будет, потом мне жопа будет.

Ася. А тебе-то за что будет?

Лена. Сейчас к моим побежит выяснять, где ты, с кем ты?

Ася. Ну, твои-то не знают, что я здесь.

Лена. А то непонятно, что если я здесь, то и ты здесь. Ну жопа, Ась, что я могу сказать.

Ася. Ну а тебе-то что будет?

Л е н а. Не, ну вот представь, сейчас приходит твой папаша за тобой, а я тут такая рядом стою. Мы же вроде вместе. И давай орать.

А с я. На меня же орать будет, не на тебя.

Л е н а. Как будто никто не знает, что ты моя подруга. И парни еще с нами.

А с я. Парни? Где с нами?

Л е н а. Ну вот стоят. Вот, вот. Как будто ты их не знаешь. Юру знаешь.

А с я. А почему это они с нами, они вообще не с нами.

Л е н а. А с кем они? С нами, конечно.

А с я. Ты что, сама позвала?

Л е н а. Нет, мы просто договорились.

А с я. А этот зачем приперся?

Л е н а. А он с братьями старшими.

А с я. Ну мне вообще-то неприятно, что он здесь и как бы с нами.

Л е н а. Да забей, и всё, просто не обращай на него внимания.

А с я. Вообще он меня крысой зубастой обозвал сегодня.

Л е н а. Ой, что ты его слушаешь, нормальные у тебя зубы.

А с я. А жопа?

Л е н а. Жопа тож нормальная.

А с я. Не откляченная?

Л е н а. Да нет вроде.

Ася поворачивается боком.

А с я. А вот так если смотреть, не сильно выпирает?

Л е н а. Ну, чуть-чуть выпирает. Ну это же жопа, что ты хотела?

А с я. Ну, получается, что большая тогда.

Л е н а. Да нормальная, посмотри на мою и успокойся. Мне Деня вчера сказал, что на мой зад нужно повесить табличку «Занос».

А с я. Почему занос?

Л е н а. Как у КамАЗов.

А с я. А ты ему что?

Л е н а. Ничего, поржали. Я не обидчивая. Это ты у нас нежная вся. И жопа будет, если твой папашка придет.

А с я. Можем на дискотеку зайти, туда он точно не пойдет.

Л е н а. Ага. Все здесь, а мы, как дуры, пойдём танцевать.

Подходит Денис.

Д е н и с (Лене). Ну, чего стоим? Пойдем посидим там, мы пива взяли.

Л е н а. А нам что-нибудь взяли?
Д е н и с. А эта с нами, что ли?
Л е н а. Это моя подруга Ася.
Д е н и с. Крыса которая, что ли?
Л е н а. Ой, ну прекрати.
А с я. Да не пойду я с вами, наверное.
Л е н а. Ну начинается. Вот возьми тебя за компанию.

Лена берет Дениса под руку, идут к Юре и Мише. Ася медленно идет за ними.

Ю р а. А эта тоже с нами будет?
Л е н а. Хватит, Юрчик. Миритесь уже давайте.
Ю р а. Да мне всё равно, пусть стоит.

Разливают пиво.

А с я. Я не буду, наверное.
Л е н а. Блин, ты из дома свинтила, чтобы постоять просто?
Ю р а. А она что, из дома сбежала? Типа не отпускают, что ли?
А с я. Отпускают, просто не всегда.
Л е н а. Да у нее просто папик строгий очень.
Ю р а. Ну, это нормально.
Д е н и с. Нормально? Ты же уже вроде такая вся выросла, а тебя гулять не пускают!
А с я. Ну поступать же надо, я готовлюсь.
Д е н и с. Так ты готовишься? Или тебя не отпускают?
Ю р а (Асе). Пей уже, чё ты на этот стакан молишься?
М и ш а. Не хочет — пусть не пьет.
Ю р а. О, это наш старший патруль. Не обращай на него внимания.
А с я. Здравствуйте.
М и ш а. Я что, такой старый?
А с я. Да нет, просто. А сколько вам лет?
М и ш а. Двадцать два.
А с я. Ого.
Ю р а. Ну давайте уже пить, стоим тут мнемся.

Все молча пьют. Ася пьет еле-еле.

М и ш а (забирает у Аси стакан). Да давай уже сюда, не давайся.
Л е н а (висит на шее у Дениса). Пойдемте уже танцевать, что ли?

Ю р а. Ну ща допьем и пойдем.
Л е н а. Там как раз медляки ставить уже должны.
Ю р а. Тебе лишь бы тискаться.
Л е н а. Пошляк. Не тискаться, а танцевать.
Ю р а. Ой, видел я ваши танцевать.
Л е н а. А тебе лишь бы нажраться.

Миша пытается забрать стакан у Юры. Тот не отдает.

Ю р а. Ну и круто же, зато драйв.
М и ш а. Не переусердствуй.
Ю р а. Начинается.
М и ш а. Я не могу за тобой до ночи следить, мне еще на работу завтра.
А с я. О, ты уже работаешь?
Ю р а. Вот и не следи, тебя просят, что ли.
М и ш а (Асе). Слушай, давай я тебя домой отведу? То есть провожу до дома давай.
Ю р а. Не, ну нормально?
М и ш а. А что, она домой потом одна пойдет?
Ю р а. Ой, да ладно, провожу я ее.
М и ш а. Ну смотри. Ладно, пойду я.
А с я. До свидания.

Миша уходит.

Ю р а. Достал уже.
Д е н и с. И замерли все. Чё, пойдёте?

Сцена пятая

Зал дискотеки. Лена и Денис целуются в танце. Ася и Юра стоят у подоконника.

Ю р а. Чё, может тоже?
А с я. Что тоже?
Ю р а. Ну, потанцуем, что ли?
А с я. Ладно.

Выходят танцевать.

Ю р а. А парень-то у тебя есть?

А с я. Нет пока.

Ю р а. И что, никто за тобой не бегаёт?

А с я. Бегаёт, наверное.

Ю р а. И кто?

А с я. Одноклассник.

Ю р а. Блин, ну, с одноклассником гулять — это как-то...

А с я. Так я не гуляю.

Ю р а. Чё, только с Ленкой всё время?

А с я. Ну, не только.

Ю р а. Теперь еще типа с нами, да?

А с я. Не знаю, наверное.

Ю р а. Типа да, я тебе говорю.

А с я. Хорошо, с вами еще.

Юра хочет поцеловать Асю.

(Отворачивается.) Ты что?

Ю р а. А чё такого? Дэна вон с Ленкой два танца уже сосутся.

А с я. Я не буду при всех.

Ю р а *(снова пытается поцеловать)*. Да все тут сосутся.

А с я *(отталкивает Юру)*. Да не буду я!

Ю р а. Чё ты тут, самая скромная, что ли? Сюда иди!

Ася не двигается.

Сюда подойди, говорю.

Ася не двигается.

Сюда подойди, чё ты дерганая такая, нормально себя вести можешь?

А с я. Я нормально себя веду.

Ю р а. Пихаешь меня при всех.

А с я. А чё ты лезешь?

Ю р а. Кто к тебе лез? Я к тебе лез?

А с я. Ты ко мне лез.

Ю р а. Сдалась она мне, чтоб к ней лезть.

А с я. Я сама домой дойду.

Ю р а. Дойдешь. Ты думаешь, кто-то еще потащит тебя провожать? Иди давай, давай, иди!

Ася уходит. Юра выходит следом за ней. Идет в стороне, чтобы она его не увидела.

Ася замечает Юру, делает вид, что не видит.

Сцена шестая

Ася сидит и ест на кухне одна. В кухню заходит папа.

П а п а. Ну что, Асенька? Нагулялась вчера?

Ася молчит.

Ты скажи спасибо, что я вчера при матери этот разговор не начал.

Ася молчит.

А отмалчиваться не получится. Ты мне сейчас отвечать будешь.

Ася молчит.

Ты мне сейчас за всё отвечать будешь. Нагулялась, спрашиваю?

А с я. Нагулялась.

П а п а. Ну, рассказывай давай, кто тебе это разрешил?

А с я. Никто.

П а п а. А чё ты цедишь сквозь зубы? Нормально отвечай!

А с я. Я нормально отвечаю.

П а п а. Жрать перестань, когда с тобой отец разговаривает!

Ася продолжает есть. Папа подходит к столу, сметает со стола тарелку.

Перестань жрать, я сказал!

А с я *(вскакивает)*. Я ничего такого не сделала!

П а п а. Ты ничего не сделала? Ты ушла из дома без разрешения, плюнула мне в лицо.

А с я. Не плевала я!

П а п а. Ты еще орать на меня будешь? Я сказал вчера сидеть дома, чтобы ты никуда не ходила, а ты плюешь мне в лицо!

Ася молчит.

Что ты опять замолчала? Отвечай, тварь, я тебя отпускал? Я тебя спрашиваю, отпускал я или нет?

А с я. Нет.

П а п а. Ты у меня теперь вообще из дома не выйдешь, до школы и обратно, до школы и обратно. Понятно тебе? До школы и обратно, понятно?

А с я. Непонятно.

П а п а. Тебе непонятно? Ей непонятно! Я тебе сейчас покажу непонятно, я тебе покажу, непонятно ей!

Выбегает из кухни. Возвращается с армейским кителем в медалях. Начинает им трясти перед Асей.

А это тебе понятно? Это тебе понятно? Что я ради таких свиней, как ты, воевал, теперь тебе понятно?

А с я. Я не просила за меня воевать.

П а п а. Ах ты паскуда, ты еще издеваться будешь?!

Замахивается на Асю кителем, она уворачивается и бежит в комнату.

Ты на нее посмотри, она еще юродствует, жрет за мой счет и усмехается. Вернулась на место, я сказал. Вернулась на место!

Раздается звонок в дверь. Папа открывает. Заходит мама.

М а м а. На весь подъезд слышно.

П а п а. А кто ее воспитывать будет, ты, что ли?

М а м а. Может, хватит уже? Каждый день это воспитание устраиваем.

П а п а. А ты что, забыла, где она вчера была? Мы еще не знаем, с кем она была. Давай, лапуль, давай всё будем спускать ей с рук, давай. Я потом посмотрю, чем всё это закончится. Потом только не беги ко мне плакаться, когда она тебе устроит представление.

М а м а. Да какое представление?

П а п а. Давай, воспитывай сама, я потом посмотрю. Если она ни меня, ни тебя ни во что не ставит, я потом посмотрю, чем всё это закончится. Ася, иди сюда, с тобой мама хочет поговорить.

М а м а. А что с ней говорить, если ты уже всё сказал?

П а п а. Ася, сюда иди!

Входит Ася.

А с я. Привет, мам.

М а м а. Привет. Ну что ты?

А с я. Я ничего.

М а м а. Ну а зачем ты ушла, знаешь же, что потом будет скандал.

П а п а. Да потому что ей плевать на нас, вот и уходит.

М а м а. Ася, ну нельзя же так.

А с я. Я не хотела.

М а м а. Ну это как обычно.

П а п а. Да она издевается просто, и всё.

Ася бросается к маме.

А с я. Мамочка, я не хотела, правда. Я буду отпрашиваться, только не закрывайте меня дома. Только не закрывайте меня дома, я правда больше не буду!

П а п а. Нечего тут на жалость давить. До школы и обратно, я сказал.

М а м а. Ась, ну я не понимаю, в чем трагедия? Просто не делай всё наоборот, и всё. Сказали дома посидеть, посиди дома.

А с я. Кто сказал? Ты такого не говорила.

М а м а. Папа сказал.

А с я. А ты сама что-нибудь сказать можешь? Почему всегда — как он сказал? Почему у нас всегда — как он сказал?!

П а п а. Ты слышишь, как она об отце говорит?

М а м а. Потому что это отец. В конце концов, можно пойти на уступки.

А с я. Потому что ты всегда идешь на уступки?

М а м а. Что ты сказала?

А с я. Я сказала, сама иди на уступки! Сама иди на уступки! *(Идет к себе в комнату.)* Сама иди на уступки, я не буду. Сама пусть идет на уступки.

Сцена седьмая

Ася сидит одна в каком-то дворике рядом с детской площадкой, читает книгу. Подходит Юра, садится рядом, закуривает.

Ю р а. Здорóво.

А с я. Привет.

Ю р а. Чё одна?

А с я. Не знаю, Лены дома нет.

Ю р а. Чего читаешь?

А с я. Биологию учу.

Ю р а. Сидишь на улице биологию учишь?

А с я. Ну да.

Ю р а. А дома что, не учится?

А с я. Дома скучно.

Ю р а. Опять, что ли, сбежала?

А с я. Да нет, почему сразу сбежала, просто вышла на улицу.

Ю р а. Да ладно тебе, можешь не стесняться.

А с я. Я не стесняюсь, просто вышла на улицу, и всё. А ты что один ходишь?

Ю р а. Дэна дома с Ленкой закрылся, выставил меня. *(Пауза.)* Я это, немного пьяный был тогда на дискотеке, мир?

А с я. Мир. *(Пауза.)* Ну а ты потом куда?

Ю р а. Потом по делам пойду.

А с я. Нет, я имею в виду, после школы куда пойдешь?

Ю р а. Никуда.

А с я. Как это?

Ю р а. Чё, всё учиться, что ли, должны?

А с я. Нет, но что-то же делать надо.

Ю р а. Ну я и буду делать, работать буду, с Дэном работать буду.

А с я. А Дэн где работает?

Ю р а. Ты чего, куку? Нигде не работает, у него свой бизнес.

А с я. Да? Я не знала.

Ю р а. Ну еще бы.

А с я. Просто не знала.

Ю р а. А что, все должны типа как наш Мишаня быть, да?

А с я. Не знаю.

Ю р а. Работает как идиот. Каждый день в пять сорок на электричку в Москву. Каждый день в пять сорок. Выучился типа и ездит. Квартиру себе здесь снял, типа чтобы с нами не жить, и ездит.

А с я. Ну и что?

Ю р а. А то, что я сосать за их копейки не буду, вот что.

А с я. Ну правильно.

Ю р а. Вот у тебя бы свои деньги были, ты бы что сделала?

А с я. Поехала бы жить в Москву.

Ю р а. И что там делать?

А с я. Здесь-то точно делать нечего.

Ю р а. Ну, поступишь — поедешь.

А с я. Наверное.

Юра протягивает Асе пачку сигарет. Ася берет одну.

Ю р а. Ой, да ладно. Как будто ты куришь.

А с я. Я пробовала.

Ю р а. Ну а еще что-нибудь пробовала?

А с я. Опять?

Ю р а. Что опять, у тебя спросить ничего нельзя, что ли?

А с я. Ну и спроси что-нибудь нормальное.

Пауза.

Ю р а. Есть у тебя там братья или сестры?

А с я. Нет. Я одна.

Ю р а. Понятно. Жалко, конечно.

А с я. Мне не жалко.

Ася затягивается. Пауза.

Ю р а. Ну что, пойду я тогда?

А с я. Ладно, пока.

Пауза.

Ю р а. А слышишь, ты это, давай вечером приходи к нам.

А с я. Куда?

Ю р а. Ну, к нам домой. Сорок шестой, второй подъезд, этаж шестой, сто тридцать шестая. Легко.

А с я. Хорошо, только я... я одна, наверное, не пойду.

Ю р а. Да не, Ленка там твоя точно будет. Всё время у нас сидит. Ты, в общем, как хочешь, если что, я тебе сказал.

Уходит.

Сцена восьмая

Ася, Лена, Юра и Денис дома. Денис скручивает косяки. Лена прижимается к нему.

Д е н и с (*Юре*). Вот возьми, отнесешь, куда и вчера.

Ю р а. Сейчас, я с Асей немного посижу.

Д е н и с. Не сейчас, а прямо сейчас.

А с я (*Юре*). Я тут одна сидеть не буду.

Л е н а. Я же здесь.

У Дениса рассыпается трава.

Д е н и с. Задолбала она уже своим нытьем.

Л е н а. У них там какие-то дела просто.

Д е н и с (*Юре*). Тащишь сюда всех подряд.

Ю р а. Да она никому не скажет.

Д е н и с. Еще бы, если не хочет, чтобы я ей съездил.

А с я. Вообще я могу уйти.

Д е н и с. Вообще-то давно пора.

Ася растерянно смотрит на Юру.

Ю р а. Никуда она не пойдет.

Д е н и с. Ты тоже по роже захотел, борзеть начал, таскаешь сюда своих?!

А с я. Я пойду.

Юра идет следом за Асей.

Д е н и с. Я сказал тебе не приводить сюда всяких, что непонятного?

Ю р а. Чего это всяких, тебе, значит, можно, а мне нет?

Л е н а. Эй, я тебе не всякая там.

Д е н и с. Если тебе очень надо, я сам приведу, кого считаю нужным.

Ю р а. Не надо мне твоих. Идем, Ась.

Д е н и с. Слышишь, ты что-то очень разговорился!

Ю р а. А тебе вообще какая разница? Ася, иди в комнату посиди. (*Ася продолжает стоять растерянно.*) Иди в комнату посиди, говорю.

Ася идет в комнату.

Д е н и с. Пошел и передал.

Ю р а. Сказал же, передам.

Раздается вскрик Аси. Она выбегает из комнаты.

А с я. Там, там кто-то!

Д е н и с. Ну куда ты поперлась, давай еще мать подними, чтобы мы тут до ночи потом с ней веселились!

А с я (*Юре*). У вас что, мама дома?

Ю р а. Да она спит, в мою комнату идем, не туда пошла.

А с я. А ничего, что мы тут?

Ю р а. Да ей всё равно, она напьется и спит, не мешает нам, если не будить.

Д е н и с. Эй, ты там рот-то закрой про мать.

Ю р а. Да ничё я про нее не говорю.

Сцена девятая

Ася и Юра в его комнате.

А с я. Дэн меня не любит.

Ю р а. Забей, вообще не обращай внимания.

А с я. Ну как это. Я сижу здесь, а он не хочет, чтобы я здесь сидела.

Ю р а. Так мы в моей комнате, ему вообще-то без разницы, это он просто так.

А с я. Так это ты про этот бизнес говорил?

Ю р а (*протягивает ей пиво*). На.

А с я. Ты понимаешь, что это опасно?

Ю р а. Где опасно?

А с я. Этим заниматься опасно.

Ю р а. Мамочку только не включай, моя мамочка в другой комнате спит и не вмешивается.

А с я. А Миша поэтому с вами не живет?

Ю р а. Нет, Миша просто хочет этого всего не видеть, вот и всё. Мамка забухала, он институт свой закончил, и всё, свалил.

А с я. Не приходит?

Ю р а. Что-то там приходит, контролировать приходит типа. Пожрать приносит. Да мы сами ему можем пожрать принести, у нас всегда бабки есть.

А с я. Ну а со школой как? Ты заканчивать собираешься?

Ю р а. Ась, выпей, что ты как не знаю, школа всё время, учиться всё время, не знаю. Ну что ты там нормально учишься, куда не ходишь, тебе кто спасибо за это сказал? А?

Ася молчит.

Не, ну серьезно, чё тебе это дало?

А с я. Учиться поеду.

Ю р а (*обнимает Асю*). Ага, конечно, поедет она. Если папа денег даст, а папа, может, и не даст, и так всю жизнь, даст кто-то, не даст

кто-то, даст — не даст. (*Хочет Асю поцеловать, она отодвигается.*)
А я сам себе хозяин, мне ни у кого просить не надо.

А с я. Конечно, хозяин он. Что тебе Денис скажет, то ты и делаешь.

Ю р а. Денис мне Светку предлагал вообще-то, а я тебя выбрал. (*Настойчиво пытается поцеловать Асю.*) Ну, ну, ну хватит уже, Ась, ну. (*Крепко обнимает, целует.*)

А с я. Может, мы музыку включим?

Ю р а. Зачем?

А с я. Послушаем.

Ю р а. А какую ты хочешь?

А с я. А какая есть?

Ю р а. Так, «Металлика» есть, так, этих я не знаю, не знаю, чё это такое, о, «Продиджи» есть. Smack my beach up, smack my beach up!

А с я. Не хочу это.

Ю р а. Ну а что включить? Эту хочешь, хочешь про ромашки? Привет, та-та-та.

А с я. Лучше ее.

Ю р а. Сейчас сделаем. (*Включает музыку, начинают целоваться.*)

А с я. Это значит, что мы теперь вместе?

Ю р а. В каком смысле?

А с я. Как бы серьезно это у нас или как?

Ю р а. Не знаю, а надо, чтобы серьезно?

А с я. Мне несерьезно не надо.

Ю р а. Ну, значит, серьезно.

Продолжает целовать Асю и пытается ее раздевать.

А с я. Что ты делаешь?

Ю р а. Ась, тебе прямо всё называть надо?

А с я. Просто только что поцеловались как бы.

Ю р а. И?

А с я. И что, так сразу следующее?

Ю р а. Так и бывает обычно.

А с я. Я думаю, что лучше попозже.

Ю р а. Типа по правилам, что ли?

А с я. Нет, я как-то так сразу, наверное, не смогу.

Ю р а (*продолжает попытки раздеть Асю*). Да ладно тебе.

А с я. И еще люди вокруг.

Ю р а. Какие люди? Мы с бывшей здесь такое вытворяли, никто внимания не обращал.

А с я. В смысле вытворяли?

Ю р а. Забей, мы же в моей комнате. Давай музыку погромче включу.

Юра пытается уложить Асю в кровать. Ася пытается сопротивляться.

А с я. А вдруг ты потом не будешь со мной общаться?

Ю р а. Да буду, почему это не буду!

А с я. Так часто бывает.

Ю р а. Меньше всяких шлюх слушай.

А с я. Почему это сразу шлюх?

Ю р а. Ну, если нормальная девчонка, чё с ней не общаться?

Юра снимает с Аси штаны. Дверь пытаются открыть.

Что?

Д е н и с. Открывай, что!

А с я. Не открывай!

Д е н и с (*толкает дверь, открывает*). Что значит — не открывай? Какого хрена ты тут раздеваешься? Дома у себя раздеваться будешь!

Ю р а. Да ладно тебе, Дэн!

Ася быстро натягивает штаны, выбегает из комнаты.

Д е н и с. Ой, и побежала, побежала.

Ю р а. Ты чего вламываешься?

Д е н и с. Я у себя дома, хрен ли ты закрываешься?

Ю р а. Как будто ты не понимаешь.

Д е н и с. Успеешь еще. Я же сказал, сейчас передать надо.

Входит Лена.

Л е н а. Ты достал уже, орешь всё время!

Д е н и с. А ты чё вешиваешься?

Л е н а (*обнимает Дениса*). Дэна, ну отстань от них, пусть делают что хотят, а мы вдвоем побудем.

Ю р а. Давай, что там передать надо?

Д е н и с. Да задолбала висеть на мне, дела я решаю! (*Юре.*) На кухне.

Л е н а. А ты задолбал обдалбываться, потом орешь!

Юра выходит. Голоса слышны из комнаты.

Д е н и с. За подругой своей следом пойдешь сейчас, еще раз такое услышу. Поняла? Поняла?

Л е н а. Да поняла я.

Юра застаёт Асю у двери.

Ю р а. Аська, ты это, ты не обращай внимания. Приходи завтра, когда его не будет.

Ася молчит.

Не, ну серьезно, не обижайся, я ж не виноват.

Ася молчит.

Приходи, мы просто посидим, что-нибудь посмотрим.

Ася молчит.

Или хочёшь, я к тебе могу прийти, а?

А с я. Ко мне нельзя.

Ю р а. Ну тогда заходи сама, я честно, я даже приставать не буду, просто посидим.

Слышно, как в комнате Денис и Лена занимаются сексом.

Ю р а. Ну ладно, давай я это тогда, провожу тебя.

Быстро выводит Асю из квартиры. Чмокает на прощанье. Закрывает дверь.

Сцена десятая

Ася сидит в подъезде, курит. По лестнице поднимается Миша.

М и ш а. Вот это да! Привет.

А с я. Здравсте.

М и ш а. Здравсте, здравсте. И где ты это взяла?

А с я. Где-где, дали.

М и ш а. А что ты вообще в нашем подъезде делаешь?

А с я. Сижу.

М и ш а. Ну, это я заметил, ты к нам, что ли, приходила?

А с я. Приходила, а лифт что, не работает?

М и ш а. Работает.

А с я. Ну и что ты пешком ходишь?

М и ш а. Да так, привычка. А что ты здесь сидишь-то?

А с я. Сидеть, что ли, нельзя?

М и ш а. Можно. Просто сидишь здесь одна, куришь. А к нам зачем приходила?

А с я. К кому к вам? Я к Юре приходила, ты же там не живешь.

М и ш а. Ага. Понятно. Значит, так, сейчас бросаешь эту гадость и идешь домой, а к нам ходить тебе не надо.

А с я. Это почему?

М и ш а. Будем считать, что я так сказал, потому что знаю...

А с я. Что ты знаешь?

М и ш а. Ась, ты не обижайся, я правда только как лучше. Я же вижу, что...

А с я. Что ты видишь?

М и ш а. Да подожди, не перебивай, я же не со зла, а наоборот.

А с я. Все вы наоборот.

М и ш а. При чем тут все вы, ты просто меня послушай.

А с я. Уши у меня болят уже вас всех слушать!

М и ш а. Ась, я серьезно.

А с я. Уши, уши, уши мои, уши мои болят!

М и ш а. Да перестань ты, совсем, что ли?

А с я. Это вы совсем, что ли! Сам совсем, что ли.

М и ш а. Да что случилось-то?

Ася молчит.

Ась, что случилось?

Ася молчит.

И сколько ты теперь здесь сидеть будешь? Ты время видела?

Ася молчит.

Ну и сиди, сиди. Если тебе так хочется, сиди.

Уходит. Возвращается.

(Садится рядом с Асей.) Ну ты же понимаешь, что не можешь здесь вечно торчать?

А с я. Я домой не хочу.

М и ш а. Я понимаю, но что теперь делать?

А с я. Юра не знает, что я здесь сижу?

М и ш а. Юра ушел.

А с я. Вот и хорошо.

М и ш а. Ась, домой идти надо. Всё равно же пойдешь.

А с я. Боюсь.

М и ш а. Да ничего там страшного не будет, ну, поорут, ну и что? Всегда же орут?

А с я. Всегда.

М и ш а. Ну, вот видишь, еще раз поорут, и что? Ты думай о своем, и всё.

А с я. А отвечать кто будет?

М и ш а. Что отвечать?

А с я. Ну ты говоришь, думай о своем, а отвечать на вопросы кто будет?

М и ш а. А ты отвечай, но думай о своем.

А с я *(встает, начинает спускаться вниз)*. Миш, ты работаешь вроде уже, а всё равно тупой какой-то.

М и ш а. Зачем ты такое говоришь?

А с я *(продолжает спускаться, говорит сама себе)*. Думай о своем, говорит, не отвечай. Ха, ха-ха, думай о своем, ха-ха-ха, не отвечай.

Сцена одиннадцатая

Комната Аси.

П а п а. Выходи, это что еще за номера?

Ася молчит. Перелистывает какую-то книгу.

(Пытается открыть дверь.) Ася, выходи, мне надо с тобой поговорить.

Ася молчит.

Я тебя спокойно прошу, я тебя пока спокойно прошу, выходи.

Ася молчит.

Ты будешь с отцом разговаривать тогда, когда я сказал! (*Дергает ручку двери.*)

А с я. Да наговорились уже.

П а п а. Что ты сказала?

А с я. Я сказала, что наговорились уже.

П а п а. Перестань меня доводить, открывай дверь.

А с я. Я открою, когда мама придет.

П а п а (*дергает дверь*). А нечего за маму прятаться, сама за свои поступки отвечай. Открывай, открывай, открывай, я говорю! Совсем вышла из-под контроля, шляется она до ночи, ты еще вообще перестань домой приходить.

А с я. Перестану.

П а п а. Что ты сказала?

А с я. Перестану приходить.

П а п а (*выбивает дверь*). А ну повтори, что ты сказала!

Ася продолжает листать книгу.

(*Хватает Асю за руку.*) Вставай, когда с тобой говорят! Что ты сказала?!

А с я (*вырывает руку*). Перестану приходить сюда.

П а п а. Посмотри, на кого ты похожа стала, перестанет она приходить! Сшалавиться решила?

Ася молчит.

Ты кем становишься?

А с я. Никем я не становлюсь.

П а п а. Вот и будешь никто.

А с я. И буду.

П а п а. Вырастили на свою голову.

А с я. А кто тебя просил?

П а п а. Кто меня просил? (*Хватает Асю за волосы, начинает лупить.*) Кто меня просил?! Да если бы не твоя мама, я бы не рос! Кто меня просил, ты посмотри, что она творит, не просила она меня!

Ася замахивается на него книгой. Папа останавливается.

Ты чё творишь? Ты на отца еще руками махать будешь?

А с я (*продолжая размахивать книгой*). Буду, буду махать, буду махать, а ты меня больше трогать не будешь! Ты меня лучше не трогай, только попробуй еще раз!

Папа. Да что у тебя в голове?

А с я. А ничего у меня в голове! Пустота у меня в голове, пусто у меня в голове!

Папа еще раз замахивается, Ася начинается визжать и пытается ударить его книгой.

Не трогай, козел ты! Козел ты, козел, все козлы!

Папа. А ну перестань орать!

Вбегает мама.

Мама. Вы с ума посходили? Вы хотите, чтобы соседи начали в милицию звонить?

А с я. Пусть звонят, я им как раз расскажу, что меня отчим бьет, и они мне поверят, мама!

Мама. Кто тебя бил?

Папа. А, теперь я, значит, отчим, теперь я, значит, никто!

А с я. Он меня бил, муж твой меня бил.

Мама. Ася, что ты такое говоришь вообще?

А с я (*показывая на разбитую губу*). Ты что, слепая? Ты ослепла совсем?

Папа. Да ты еще на мать покричи!

Мама. Ты что, ее правда бил?

Папа. Кто ее бил? По губам один раз шлепнул, развела здесь истерику!

Мама. Ася, ну кто тебя когда бил дома-то?

А с я. А когда ты дома вообще бываешь? А, мама? Ходишь где-то всё время, ходишь.

Папа (*маме*). Ну что, довольна?

Мама начинает плакать. Папа уходит из комнаты.

Мама. Ну и что мне делать теперь? Развестись? А кто тебя поднимать будет, кто тебя учить будет?

Ася молчит.

Нет, Ась, ты мне скажи, мне развестись? Разведусь, ты только скажи.

Ася молчит.

Что ты теперь молчишь? Я разведусь, а жить мы как будем?

Ася молчит.

Ты плохо живешь, что ли?

А с я. А ты?

М а м а. Я живу, чтобы тебе хорошо жилось, чтобы ты... чтобы ты одевалась как человек.

Ася достает вещи из шкафов и тумбочек.

А с я. На, забирайте. Всё забирайте.

М а м а (*начинает всё складывать обратно*). Обязательно на каждое слово отвечать? Молчала бы, и не было никаких скандалов.

А с я (*выбрасывая вещи обратно*). Забирай, я сказала!

М а м а. И будешь голая ходить, и я с тобой.

А с я. И буду, лучше я буду голой!

М а м а (*швыряет в Асю вещами*). Ну и убирайся тогда, убирайся. Иди куда хочешь, ходи как хочешь. Раз тебе никто не нужен, убирайся, давай-давай, иди, никто тебя больше не держит. А я разводиться не буду из-за тебя, я и так из-за тебя много чего сделала. Она меня еще упрекать будет, вся в своего папашу, упрекать меня еще будет! Я бы посмотрела, где бы ты сейчас была, если бы тебя тот растил!

Ася выходит из комнаты. Мама продолжает говорить и складывать вещи в шкаф.

М а м а. И она еще хочет, чтобы я с мужем развелась, чтобы я сама всё на себе тащила. Не все такие упрямые, как ты, чтобы, как баран, в свое упереться. Учить она меня еще будет, как мне жить, ходит вся такая. Не нужно ей ничего от нас, я посмотрю, как тебе ничего не нужно, я посмотрю.

Постепенно умолкает.

Сцена двенадцатая

Квартира Юры. Ася стоит на пороге, дверь открывает Денис.

А с я. Юра сказал, что тебя дома не будет.

Д е н и с. Здраваться тебя не учили?

А с я. А где Юра?
Д е н и с. По делам ушел.
А с я. По твоим, что ли, делам?
Д е н и с. Тебе какая разница?

Ася проходит в квартиру мимо удивленного Дениса.

Э-э-э!.. Я тебе разрешил заходить?
А с я. Я не к тебе пршла.

Идет в комнату Юры. Денис за ней.

Д е н и с. Что-то не понял, ты чего это творишь?
А с я. Что я творю? Подожду здесь.
Д е н и с. Не понял.
А с я (*повышая голос*). Я к парню своему пришла.
Д е н и с. Чё ты орешь, мама спит.
А с я (*улыбается*). Так она всё время у вас спит.
Д е н и с. Чё ты приперлась сюда, лыбится она?!
А с я. Хочу и приперлась.
Д е н и с. Никакой он тебе не парень, нужна ты ему.
А с я. Он сам мне сказал.
Д е н и с. Вышла отсюда!

Ася усаживается на диван, берет с полки диски, начинает разглядывать.

Я что сказал, вышла отсюда вон!

Ася молчит, перебирает диски.

Ты что, больная?

Ася молчит.

Я тебя сейчас выведу, вставай давай! Вставай, говорю.

Ася продолжает сидеть. Денис хватает ее за руку, пытается стащить с дивана.
Ася упирается, падает на пол. Вскрикивает, толкает Дениса.

А с я. Отстань!
Д е н и с. Ах ты ж сука мелкая, руки убрала!

Пытается тащить Асю к выходу, та упирается.

А с я. Отстань от меня, отстань!
Д е н и с. Совсем уже!

Ася пытается вырваться. Денис продолжает ее тащить по коридору, она падает. Денис хватает ее за ногу, со злостью тащит к двери.

А с я. Отстань, отстань, отстань!

Входит Миша. Подбегает к Денису, оттаскивает его. Ася остается сидеть на полу.

М и ш а. Дэн, ты что? Ты что делаешь?
Д е н и с. Она сама.
М и ш а (*толкает его*). Совсем мозги расплавились?
Д е н и с. Я ее не трогал, она сама.
М и ш а. Совсем, спрашиваю, мозги потерял?
Д е н и с. Да она сама пришла!
М и ш а. Господи, ты с кем связываешься, это ж ребенок?!

Подходит к Асе, поднимает ее с пола. Та испуганно смотрит на него.

(Асе.) А ты что?

Д е н и с. Какой она, в жопу, ребенок, шляется к нам постоянно.
М и ш а. Заткнись. Я тебя знаю, я тебя сам когда-нибудь придушу.
Д е н и с. Да она к мелкому приходила, не трогал я ее. Чё молчишь, трогал я тебя, что ли?

Входит Юра.

Ю р а. Что такое?
Д е н и с. Ничего такого.
М и ш а. А ты где ходишь?
Ю р а. Не понял, чё случилось-то?
Д е н и с. А я тебе говорил, чтобы она сюда не таскалась!
М и ш а. Где ты ходишь всё время?
Ю р а. Что значит — где ходишь, по делам хожу.
М и ш а. Ась, иди давай уже.

Ася стоит в полной растерянности и не двигается.

Ю р а. А чё ты распоряжаешься, куда ей идти?
М и ш а. Ну, встречал бы тогда ее дома, по каким делам ты ходишь?
По каким делам, я спрашиваю?

Ю р а (*демонстративно протягивает деньги Денису*). Вот.
Д е н и с. Молодца.

Миша бьет Дениса в лицо.

М и ш а. Его-то зачем, мы же договаривались?! Мы же договаривались!

Д е н и с. А жрать он на что будет, на то, что ты даешь?

М и ш а. Юра, ко мне жить быстро.

Ю р а. Ага, сейчас.

М и ш а (*хватая его за шиворот*). Не ага, а сейчас, ты не понимаешь, чем всё это грозит.

Д е н и с (*пытаясь освободить Юру*). Отпусти, строит он из себя папашку теперь.

Все трое сцепились.

М и ш а. Я тебе сказал мелкого не втягивать!

Д е н и с. Слыш, Юрец, это всё из-за девки твоей, он думает, я к ней приставал.

Денис с силой отталкивает Мишу. Из комнаты раздается голос мамы.

М а т ь. Заткнитесь! Когда вы уже все успокоитесь?

Все начинают говорить тише.

Ю р а. Чё за брат ты нам, а?

М и ш а. А тебя почему тогда здесь не было? Сам бы увидел всё, а? Раз взрослый такой.

Ю р а. А что бы я увидел? Не, ну что бы я увидел? (*Асе*.) Что бы я увидел?

М и ш а. Как твой брат обращается с твоей подругой.

Д е н и с. А как я с ней обращался? Пришла как к себе домой, мне грубит, как хочет разговаривает.

М и ш а. И что теперь?

Д е н и с. А ничего теперь, выметайтесь теперь оба.

М и ш а. Это не только твой дом.

Д е н и с. Я в своем доме живу, а не заглядываю сюда, так что ты вали и крысу мелкую забирай.

М и ш а. Юр, ну что, валить нам? Асе валить?
Ю р а. Да всё равно мне уже.
М и ш а. Всё равно тебе?
Ю р а. Да, всё равно мне.
М и ш а. А чего ты на меня смотришь? На Асю смотри.

Юра замолкает. Миша берет Асю за руку, ставит перед Юрой.

Говори.

Юра смотрит в пол, потом на Мишу. Молчит.

Говори, я сказал.

Юра смотрит на Дениса.

Д е н и с. Говори уже или хочешь у него жить?
Ю р а (*смотрит на Мишу, потом на Асю*). Всё равно мне, понятно тебе? И тебе понятно?

М и ш а. Ей понятно, а тебе понятно вообще, что ты делаешь?

Ю р а. Что я делаю? Кому я что обещал? Я тебе что обещал? Или тебе что обещал? Или вам я всем что-то обещал? Мамаше я нашей что-то обещал? Это она нам наобещала, а сама спилась! Спит круглыми сутками. И как мне должно быть? Всё равно мне, Миша, на твои запреты. Чё, чё надо сделать, чтобы ты врубился?

М и ш а (*Денису*). Доволен теперь? Пойдем, Ась.

Ася всё так же продолжает в отупении смотреть на Юру. Миша выводит ее из квартиры.

Ю р а. Иди, Асенька, иди. Правильно, ты же такая послушная.

Уходят. Миша и Ася идут молча. Ася идет туда, куда идет Миша. Останавливаются.

М и ш а. А ты куда?

А с я. Меня из дома выгнали.

М и ш а. Да никто тебя не выгонял.

Ася молча смотрит на него.

Ладно, посидишь у меня.

Продолжают идти.

Сцена тринадцатая

Квартира Миши.

М и ш а. Есть ты будешь?

А с я. Он же это не всерьез?

М и ш а. Конечно, нет. Ты есть-то будешь?

А с я. Нет, наверное.

М и ш а. А зря, есть вот... что тут есть у нас вкусенького?..

А с я. Всё равно, говорит.

М и ш а. Да нет, не так это, просто что он еще скажет.

А с я. Думаешь, это не так?

М и ш а. Курицу будешь есть? Или что ты там любишь?

А с я. Я вообще есть не люблю.

М и ш а. Почему это не любишь?

А с я. Противно.

М и ш а. Есть противно?

А с я. Да, мама моя тоже готовит противно, и папа противно готовит, все противно готовят.

М и ш а. Ну-у, ты попробуй, может, я не противно готовлю.

А с я. Я есть не буду вообще.

М и ш а. Это до поры до времени.

А с я. Нет, ну если человек говорит, что ему всё равно, значит, ему всё равно, иначе не говорил бы.

М и ш а. Да он не виноват.

А с я. А кто виноват?

М и ш а. Да никто не виноват.

А с я. Тогда я виновата?

М и ш а. Ты-то почему?

А с я. Тогда я виновата, что сама пришла, что вести себя не умею, что из дома меня выгоняют. Что мама у меня такая, ходит вечно где-то. С мужиком каким-то ходит. Папа меня лупит. Тогда я виновата? И математичка эта, валит меня и валит, не сдашь ты у меня экзамены, говорит, и всё. И куда я пойду? Не дам, говорит, тебе экзамены сдать, и всё. Мне и не нужна эта математика, но не сдам — и куда? Говорят, что она раком болеет или чем там еще, может, умрет еще до экзаменов.

М и ш а. Аська, ты что, нельзя так про человека!

А с я. Почему это нельзя? Почему человеку так можно, а мне про него так нельзя? Пусть сдохнет. Математичка пусть сдохнет, и мама моя тоже пусть сдохнет. И никто не виноват, никто.

Миша выходит в другую комнату. Ася идет за ним.

А что, Миш, пусть сдохнут, ты со мной не согласен? Или нет, пусть их Бог к себе позовет, так же красивее звучит. Бог позовет, и тогда точно никто не виноват, что они сдохли, просто их Бог позвал, как тебе моя идея? И никто не виноват. А что ты уходишь? Ты же есть хотел. Я тебе есть помешала? Жрете и жрете, жрете и жрете. И братья твои тоже пусть сдохнут. Оба, оба пусть! А они и сдохнут, но ты тоже не будешь виноват. И никто, никто не виноват, никто, никто не виноват, никто.

М и ш а. Замолчи!

А с я. Ну давай, давай, выгоняй меня, давай, выгоняй меня давай. Давай, как все, выгоняй, а я и пойду, я пойду.

Миша подходит к Асе, обнимает ее.

М и ш а. Ну тише, тише, мы что-нибудь придумаем, что-нибудь придумаем, и всё будет хорошо, всё будет нормально, нормально всё будет.

Сцена четырнадцатая

Квартира Миши. Ася и Миша едят. Раздается звонок в дверь. Миша подходит к двери.

М и ш а. Кто?

Л е н а. Это я.

М и ш а. Подруга твоя, открывать?

А с я. Открой.

Миша открывает дверь. Входит Лена. За ней из-за лестничного пролета быстро входят папа и Денис.

Л е н а. Чё рот раскрыл, думаешь, будешь морды бить кому захочешь?

А с я (Лене). Ты что? Ты зачем сюда...

П а п а (Мише). Ну что, педофил, в тюрьму захотел? Я тебе это быстро устрою.

А с я. Я сама сюда пришла.

П а п а. Немедленно домой! А тебя, тебя... я еще раз узнаю, что она у тебя...

М и ш а. Она никуда отсюда не пойдет.

Д е н и с. Еще как пойдет.

Папа (*хватает Асю за руку, пытается вытащить*). У нас из-за тебя дома одни проблемы!

Ася. Миша!

Миша пытается не дать увести Асю. На него набрасываются Денис и Лена.

Миша. Да вы что, с ума все походили?!

Папа (*быстро выволакивает Асю за дверь*). Засужу, тварь, еще раз узнаю! (*Асе*). Иди! Иди, я сказал! Мать места себе не находит, а ей сейчас нервничать нельзя. Не хватало еще, чтобы из-за тебя...

Ася молча спускается по лестнице. Папа идет следом.

Сцена пятнадцатая

Ася, мама и папа сидят за столом.

Мама. Ну как хорошо, что все вместе. Ась, мы же тебя так ждали, чтобы собраться всем вместе. У нас же такая новость радостная, да, папик?

Папа. Да.

Мама. Ну, кто, кто скажет? Даже не знаю, как сказать.

Папа (*Асе*). Я очень надеюсь, что ты отнесешься к этому серьезно. Теперь всё должно быть по-другому.

Мама. Да.

Папа. Маме нервничать нельзя категорически. Мы семья, мы должны создать все условия.

Мама. В общем, у нас, у нас с папой будет ребенок! Представляешь?!

Папа. Мы просто хотим, чтобы ты восприняла эту новость серьезно.

Мама. Ой, я уверена, что теперь у нас всё будет прекрасно. Маленький в семье — это такая радость!

Папа. Ну что, сказать нечего?

Ася. Я рада, можно идти?

Мама. Нет, я имею в виду, что мы можем теперь лучше как-то понять друг друга, да, папик?

Папа. Да.

А с я. Ну, у вас с папой теперь есть свой ребенок, всё нормально. Я пойду, мне еще к экзаменам готовиться. *(Встает.)*

П а п а. Сидеть, я сказал! Серьезней надо к этому отнестись.

Ася медленно садится обратно.

М а м а. Просто папа хочет...

П а п а. Лапуль! Я просто хочу убедиться, что Ася всё поняла. Ася, тебе понятно? Чтобы без всяких твоих теперь, понятно?

Ася смотрит на папу, потом на маму.

А с я *(маме)*. Его-то хоть?

М а м а. Что его?

А с я. Ребенок его-то хоть? А то, может, опять чужого растить будет?

Папа вскакивает, толкает Асю. Ася падает на спину вместе со стулом.

Сцена шестнадцатая

Дом Аси. Раздается звонок в дверь. Мама открывает. На пороге стоит Миша.

М а м а. Мишенька, здравствуйте.

М и ш а. Здравствуйтесь.

М а м а. Ой, как хорошо, что вы пришли. Заходите, заходите.

Миша идет в комнату Аси.

Как хорошо, что вы иногда приходите, а то больше ведь никто не приходит. Да у нее и друзей-то особо не было, как я понимаю. Раньше тоже вроде никто не приходил.

Миша останавливается перед дверью.

М и ш а. Всё молчит?

М а м а. Молчит. Но доктора снова говорят, что говорить может, просто...

Миша входит в комнату. Закрывает дверь. Ася сидит в инвалидном кресле. Миша сначала просто ходит по комнате.

М и ш а. Я всё надеюсь, что приду как-нибудь, а ты раз — и что-нибудь скажешь. *(Пауза.)* Но я всё равно приходить буду, даже если ты не будешь со мной разговаривать.

Ася молчит.

Долго не заходил. Просто мы тут с Юрой ремонт в квартире делаем. Небольшой. Он же ко мне переезжает. Подруга эта твоя забеременела, с Денисом жить будут вроде, а Юра ко мне. Работу вот ищет. Я рад, конечно.

Ася молчит.

В Москву переезжать хочет потом, представляешь?

Ася молчит.

Математичка твоя, кстати, умерла. Рак у нее был, действительно. Зато экзамен потом сможешь сдать без проблем. Нельзя, конечно, так про людей, но...

Ася молчит.

Разговаривать начнешь, сдашь экзамены в школе, а потом, может, и... *(Пауза.)* Ась, всё еще будет нормально. Нормально всё еще будет. А говорить надо. Это же не конец. У тебя всё будет хорошо, всё еще хорошо будет у нас.

В соседней комнате раздается плач ребенка.

Алексей Синяев

Взломанный

Блог Экста

Действующее лицо

Э к с т — выпускник вуза. Videоблогер.

О т г о л о с к и

Б р а т.

О т е ц.

В и т я — друг Экста.

С е с т р а В и т и.

1-й и 2-й старшекласники.

Г о л о с а

1-й г о л о с и з с к а й п а — молодой.

2-й г о л о с и з с к а й п а — старый, надтреснутый.

Ф о н

Подписота, друзья из «ВКонтакте», друзья из «Одноклассников», фолловеры, ретвиттеры и проч.

Вместо начала

Однокомнатная. Резиновый матрас на полу. Голые стены, на гвоздях бубны висят. Коллекция барабанов, то тут, то там джембе, тамтам, у окна барабанная установка. Стол с ноутбуком, оттуда раздаются барабанные ритмы. Вход в ванную, дверь закрыта, на двери матовое стекло, за ним тень танцует под ритмы. Ритмы из ноутбука. Барабанные ритмы. Напротив стола штатив с видеокамерой, за ней стена, белый

задник, на нем куча всяких стикеров и мемов приклеено, а еще полотно экрана. На камере кнопка красная горит, запись идет, запись того, как тень танцует за стеклом. Ритмы усиливаются, трек слишком раскачался, в самый пиковый момент, когда тень подпрыгивает, в ноутбуке переключается песня.

— Еще чуть-чуть, и прямо в рай, и жизнь удалась, вона бьютифул лайф!

Крик.

— Эй? Это как сюда попало?

Выбивает дверь ногой. Перед нами бритый налысо парень, худой, без футболки, бледный, на груди татуировка песочные часы. Волосы короткие. На руках перчатки по локоть, свечным воском покрыты. Воск теплый, стекая по перчаткам, застывает несорвавшимися каплями. Парень подходит к ноутбуку.

— Не, ну как так-то? Он же позже был!

Смотрит на перчатки, кликает мышью, снова включает ритмы. Видит, что попал в объектив камеры. Машет, улыбается. Пытается нажать на кнопку, выключить, не испачкав камеру, не получается. Пытается снять перчатки — не получается, слишком припотели. Снова пытается выключить, не выходит. Махнув рукой, уходит. Останавливается в дверях.

— Хер с ним, начнем!

Возвращается. Встает на белый фон, направляет камеру на себя и начинает монолог Экста.

Запись 1

Э к с т. Привет! Приве-е-ет, босота-подписота! Это снова Экст! Сколько не видались? А? *(Начинает считать по пальцам, видит, что в перчатках, прячет руки.)* Черт! Перчи не скинул! Да, извините, что без фрака, но зато прикрыта срака!

Пытается снять перчатки, не выходит.

Только не спрашивайте: «Экст, а нахера тебе перчатки?» Что значит — зачем? Это мой новый проект! Что за проект? В двух словах: все же играли в стрелялки? Момент, ты в тупике, дверь закрывается, ловушка.

И либо я сижу в конуре, либо бросаю под ноги грону. Начинаешь с контрольной точки, все места знакомы, как будто в прошлое попал. Такой проект! Если всё получится, вы о нем услышите! *(Хочовет.)* Услышите! Ха-ха! Может, увидите даже! Гм! Да! Может, поучаствуете! Мы не виделись что-то вроде двух месяцев, да? Что я делал? Батарейки собирал, например! Я побрился, сделал татуировку, это всё поиски себя! Ну, это всё проект! Надо просто решиться на него, и всё! Типа поступить или поступиться? За два месяца отвалилась половина подписчиков, я их, правда, другим словом называю. Да, не увидел я свои золотые десять тысяч подписотинцев. В общем, отписанты — будьте счастливы и горите в аду. Ладно, дальше я анонсирую! Анонсирую, пока никто не видит. Ха! Вот и прозвучала лучшая шутка, дальше их не будет. *(Отдирает от задника все мемы, стикеры и цитаты: вечное и утомленное лицо Дауни-младшего с закатившимися глазами, надпись «Цвет настроения — вставьте свое» и прочее.)* Я не буду делать стримы, это стремно, не будет подкастов, обзоров, мата будет мало, засёра звезд тоже не будет, и обмусоливание чужих инстапостов не предполагается, и прочей шлакоты, короче, можете начинать отписываться. Вообще этот выпуск — моя самоликвидация, видеокатапульта во внешний мир. Будет откровенно и поэтому скучно. Повторяюсь — отписывайтесь. Я надеюсь на пару десятков человек в конце, если вы останетесь, может, вы меня поймете? Только не думайте, что это уловка какая-то! Если останетесь, ну, спасибо!

Берет ножницы и разрезает перчатки. Уходит из кадра, пьет воду, барабанит на джембе пару рудиментов. Возвращается к камере.

Я недавно ел кусок хлеба, черного, горбушку. Знаете, натер его чесноком, посолил, как в детстве, начал есть, ум-м, вкуснятина! Но к концу кусок заплесневел, прямо у меня в руках. Горечь! И мои воспоминания отравлены, теперь мне кажется, что в детстве я ел хлеб с плесенью. Понимаете? Нет-нет, погодите. Ха-ха! Это типа зашквар, да? Если так, то он не последний! Тогда давайте заново? Сначала! Наверное, лучше с детства начать? Ведь там в нас закладывают фундамент, а в кого-то — тротилтовую шашку! Правда, так на полчаса длиннее, похер, что терять-то? Терять нечего! Мы жили с родителями в шахтерском поселке. Из достопримечательностей у нас на отшибе стоял террикон с отработанной породой, говорят, он был горячий внутри, и если кто-нибудь на него залез, то провалился бы и сгорел в рудных отбросах, но мы вот ни разу не сгорели! Так-то весело было. Бабушка с дедом

через дорогу жили, у них хозяйство, куча коров, покос летом. Не понос, а покос! Для городских, у которых гаджеты вместо рук, — это когда ты берешь в руки не смартфон, а палку с железным накопечником, не для селфака, а косить. Заготавливаешь пищу для домашних животных, типа сено, сушеная трава. У нее сказочный запах! Помню его. Помню, отец берет вилами огромную копну сена, поднимает над головой, он без футболки, труха на его спине, а ему хоть бы что, он даже не чешется, у меня так никогда не получалось. Помню, я сам первый раз попробовал закинуть копёнку в кузов и пырнул брата вилами в зад.

Б р а т. Ты что творишь, рукожопый?

Э к с т. Извини, я не специально.

Б р а т. Какая разница? За случайно бьют. Сильно бьют, понял?

Э к с т. Да у меня рука соскочила! Извини! Сильно больно?

Б р а т. Соскочила? Вечно у тебя всё соскакивает! Отец мне барабан купил, а ты его солдатиком порезал! Убей уже себя, а?

Э к с т. Да он...

Б р а т. Соскочил, да? Я в курсе! Меня-то отец научил на барабана играть, а ты, рукожопый соскочила, теперь никогда не научишься!

Э к с т. Почему это?

Б р а т. Он сказал, рукожопых не будет учить!

Э к с т. А ты? А ты тогда виложопый, понял?

Б р а т. Иди сюда, упырюга!

О т е ц. Так, хлопцы, ей-бо, хватит визжать, а ты хватит стонать! Зачем брата травмишь?

Б р а т. Да он меня вилами пырданул!

Э к с т. Не пырданул, а пырнул!

Б р а т. Ты чё, меня еще поправлять будешь? Башкой об стенку распластайся!

О т е ц. Почему тебя пырнули, а он ревет?

Б р а т. Вот у него и спрашивай! Я работать пошел!

О т е ц. Давай-давай, поактивнее, надо к ужину успеть! Хватит реветь, а? Как бабешка, ей-бо! Некогда страдать, работать надо!

Э к с т. А он... а он... а он...

О т е ц. Ты тоже хорош!

Э к с т. А он сказал, что ты меня на барабана никогда не научишь!

О т е ц. Ты его разрезал? Значит, не надо, ей-бо! Давай, стонать хорош и с вилами прощайся! Грабли в руки и падаль собирай!

Э к с т. Я всегда хотел, чтобы отец говорил: смотрите, это мой сын идет! Хоть с вилами, хоть с граблями, какая разница? Правда, после

этого вилы мне в руки не давали, так и ходил с граблями, а в основном гулял с собаками. (Смеется.) Зашквар? Может быть, но с ними было легче найти общий язык! Вот к собаке я и веду! Бабушкину собаку звали Чара, а мне было шесть, я только в сказках о чарах слышал, а тут собака настоящая. Ча-ра! Она была необычная дворняга, у нее низ живота был иссиня-черный, с запекшимся наростом и крапинками нормальной светлой кожи. Она всегда дышала тяжело и чаще всего лежала на камнях, причем выбирала самые горячие. Я спрашивал у взрослых, что с Чарой, а они говорили: да так, болячка. У меня к тому времени на коленях постоянно были зеленые коросты, я переболел ветрянкой, а однажды отец горлом бутылки выбил ядро фурункула из моей ягодицы, в общем, я знал, что такое болячка, и у Чары было явно что-то серьезнее. Вторую собаку звали Серый. Отгадайте, какого он был цвета? Это был Чарин щенок, который вымахал в три раза больше матери. Злой, агрессивный пес, как только видел кого-нибудь из нас, он ложился на живот и подползал мелкими шажками, виляя хвостом, особенно старательно к Чаре, к матери, к ней он это делал метров за пятнадцать. Болячка! Я ее каждый день разглядывал и чувствовал, как мне щемит внутри, как будто грудная клетка растет, вот тут, где солнечное сплетение. Не знаю, что это было за чувство, наверное, переживание, что ли? Мне никогда не говорили, почему я плачу или смеюсь и почему щемит там, где солнышко. Я пытался разобраться, иссиня-черное пятно, с белыми крапинками нормальной кожи, оно было похоже на копию звездного неба, срисованную на собачий живот. Правда, знакомых созвездий там не было, какие-то жуткие сочетания. Сначала я боялся и тыкал ее в живот палкой, Чара жалобно скулила, а рядом лежал Серый и скулил еще жалобнее. Потом, осмелев, я начал трогать это место пальцем, и так каждый день я гладил собаке низ живота, по этому черному наросту, высохшим соскам, а Чара благодарно лизала мне руки и, успокоившись, засыпала. Ей было легче, мне так казалось. Серый тыкался мордой мне в колено, смотрел с благодарностью... Что? Что я несу? (Смеется.) Снова зашквар, да? Только не думайте, что я извращуга какой-то. Нас закидывали на копну сена в кузов и увозили, а собаки бежали следом, но в поселке всегда были раньше нас. Однажды Серый прибежал один, а Чары нигде не было, но что я тогда понимал? Дед сказал, что она потерялась в лесу, мы разошлись по домам, только Серый всю ночь выл и скреб землю, а наутро сорвался с катанки и убежал. Он вернулся к вечеру, весь в глине, мокрый. Скуля, подполз ко мне, но вдруг так злобно зарычал, как никогда раньше, и снова

умчался, а после этого он на всех кидался, лаял ночами и выл не останавливаясь, разорвал на куски соседскую кошку, ошпаренный какой-то, такой нескончаемый поток агрессии, как будто у него трубу прорвало. Как-то в выходной отец рано уехал на рыбалку, а Серый в тот день куда-то пропал. Ничего я тогда не понимал! Когда я спрашивал о Чаре, что же у нее было, мне сказали — опухоль. Опухоль? Дедушка привез из Казани побег облепихи, и он разросся в огромное дерево, правда, принесил лишь десяток ягод. В нашем прохладном влажном климате с химпроизводством неподалеку больше и не могло вырасти. Облепиха! Я к тому, что всё детство потом путал эти слова: облепиха и опухоль. На дереве была опухоль, а у Чары облепиха. Мне сказали, что такое только у собак бывает. *(Смеется.)* Вы, наверное, сейчас говорите: «Ты что, Экст?.. Про какие-то поглаживания собак и облепиху топишь». *(Смеется.)* Нет, я не конченный. Мне даже люди иногда звонят, девушки. Звонила мне тут одна сегодня, спрашивала, чем я занимаюсь в настоящее время! Что за вопрос вообще такой? Прошлое вот перевариваю, каждый день. Ничем, говорю, видосы пилю. А? Что? Не-е-ет, со стримами завязал, видос досниму, завтра утром залью, посмотришь. Про что? Как всегда, про свою типа жизнь. Зачем? Я не знаю! Высказываться, так полностью, правильно? Может, я еще передумаю и всё порежу нахрен и вы ничего не увидите! Ладно, надо выбирать, теперь хочу вам ролик показать, с которого началось всё!

Включает ролик с ноутбука на экран задника, сам уходит с разрезанными перчатками в ванную, возвращается с коробкой, садится за барабанную установку и тихонько выстукивает ритм.

Запись записи. Видео Экста

На экране появляется черно-белое изображение. Экст сидит за кухонным столом, глаза завязаны, на рот наклеен скотч с надписью «Опасность». Появляется черный экран с белыми титрами, как в немом фильме.

Титры. Подписота и неподписанты, вменяемые и неадекватны, сейчас перед вами впервые в сети произойдет необычный сеанс гипноза, причем Экст не произнесет ни звука, сделает это в абсолютной тишине.

Экст начинает качать головой и мычать, не соглашаясь с заявлением титров. Руки в резиновых перчатках снимают повязку, у Экста в глазах линзы «кошачье око».

Титры. Э-э-э, а что не так?

Экст показывает глазами на ноутбук.

Титры. А! Точно! Экст включит трек для лучшей усвояемости гипноза у внушаемого? Внушаемой? Вернее... А как лучше назвать?

Ему развязывают руки, он делает пассы, и перед ним выбрасывают курицу, она нелепо машет крыльями, пугается, на стол падает помет, она приземляется в него, поскальзывается и пытается сбежать. Руки тут же протирают всё, аккуратно присаживают птицу и придерживают ее. Он смотрит на курицу, она смотрит на него несколько секунд, потом отворачивается и пытается уйти.

Титры. Для гипноза необходима музыка.

Экст выбирает на ноутбуке песню. Из динамиков слышно:

Черные глаза, вспоминаю, умираю.
Черные глаза — я только о тебе мечтаю.
Черные глаза — самые прекрасные,
черные глаза, черные глаза.

Титры. Любая курица гипнотизируется под эту песню. Проверено Экстом. Сейчас он заставит ее есть.

Появляется рука с печатью ГОСТа на экране. Экст под музыку начинает пританцовывать плечами, смотрит на птицу, она на него. Курица садится в позу несущки, собирает крылья.

Титры. В финале гипноза он заставит курицу плакать.

Экст делает пассы руками, идет дым, когда он рассеивается, курица связанная лежит на столе. Он выключает песню, включает бой барабанов. Экст в комнате ловит ритм из видео и начинает барабанить синхронно. В видео Экст вынимает из-под стола яйцо и показывает курице. Она вытягивает шею в его сторону. Он водит им вправо и влево, птица следует за ним взглядом. Тут он резко опускает его к столу, и курица закрывает глаза, но удара нет. Она открывает глаза, в это время он бьет яйцом об угол, белок вперемешку с желтком течет по рукам и столу. Курица смотрит на Экста, на стол, видно, как по куриному глазу бежит слеза. Видео заканчивается.

Титры. Не забудьте ставить лайки и колокольчики под единственным в мире сеансом куриного гипноза.

Продолжает тихо бить по барабанам. Чуть слышно говорит в камеру из-за установки, потом идет в кадр.

Э к с т. И вот эту пижню посмотрели три миллиона человек. *(Смеется.)* Хотя чему тут удивляться, если видео со вскрытием «Киндер-сюрпризов» смотрят сотни тысяч. Три миллиона, охереть! А вот, кстати, несколько старюющих, но лучших комментов к этому старюющему видео. Мазафакер две тысячи четыре пишет: «Это лучший видос на ютьюбе, у меня взорвалась башка, аффтар, убей себя об стену». Мазафакер две тысячи четыре написал такое длинное предложение, ему наверняка мама помогала. Комментариев на самом деле хоть жопой жуй, в основном это «С таким видео пора выпилиться», или «Автор жгет так, что пора бы уже сгореть», или «Автор долбоклой, это ж надо такое придумать», и еще куча высказываний, претендующих на остроумие. Очень много комментариев. Поэтому вопрос: какого хрена так мало подписчиков?! Непонятно! Три миллиона просмотров. Владимир Гольцшмидт охерел бы от такого успеха. Он придумал это в тысяча девятьсот двенадцатом году, больше ста лет назад. Я думаю, что даже такой футурист жизни, как Гольцшмидт, выпилился бы из-за таких комментов. Ну вы поняли? Я украл его идею, снял видос и поднял три миллиона просмотров. *(Смеется.)* Д'Артаньян? Очень д'Артаньян! Вы даже не представляете, сколько я поднял бабла с этого. Не очень много на самом деле. Да это неважно, главное, что роликов-то больше не будет! Ну их на хер!

Садится к экрану, берет кружку чая, пьет в камеру, улыбается.

Один человек задавался вопросом: «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить?» Если что, то я пью чай «Детство» (показывает пачку) из китайских грибов. Он расслабляет, успокаивает, тонизирует, делает кости упругими, обостряет зрение, улучшает качество стула, подменяет понятия и... И держит в тонусе! Сойдет! Это были мои последние обязательства, продолжаем.

Берет коробку, достает оттуда батарейки, начинает их разрезать и выковыривать содержимое на листок.

Химически активные металлы — это то, что необходимо мне в новом проекте, мне показал это один друг, которого уже нет. Смотрите, у меня совсем не осталось подписчиков и совсем нет друзей. Понимаете? Они у меня закончились, как сигареты или вера в искренность, потому что... *(Замешкавшись.)* да потому что всем насрать, что ты там думаешь и чувствуешь. Я хотел бы про одного друга рассказать, это

важно для полноты картины, хотя опять ухожу от основной мысли. В общем, друг, Витёк, мы с ним родились в один день, только я на год старше. Ну и росли вместе, в поселке, купаться там ходили, в лес еще. Рядом с нами, в соседнем городе, два химзавода стояли, метанол там всякий, и до сих пор они стоят, соревнуются, кто кого сильнее отравит. Там вокруг земля серая, а деревья черные, скрюченные, как будто ногтями вцепляются в эту впалую пустошь, а в тридцати километрах наш поселок, мир детства. Однажды мы шли из леса с Витьком и попали под дождь. Под оранжевые облака, не такие, как фанты, а такие грязно-рыжие, как первая вода из-под крана, если ее на пару дней отключали. Вот такой дождь был. Мы до ям добежали, это такие сараи на холмах, доски оторвали, спрятались под крышу, но у нас всё равно на следующий день волосы начали выпадать. Мне старший брат их руками выдирает, особо не напрягаясь, а Витьку отец. Он у него тогда только освободился, столько задора было, дергал волосы и радовался, как ребенок. Они начали расти через год, понемногу. Что еще? Траванулись как-то чем-то вместе и на линейке в школе одновременно упали, только я в гимназии, а он в обычной школе, отлеживались несколько дней в соседних домах. Еще старшеки нас вместе дубасили, деньги забирали. Вот только в тринадцать его машина сбита, а меня нет. Я, кстати, машин до сих пор боюсь, скорости там, отец меня пытался учить вождению, да только я первую включу и еду, а он кричать начинает.

О т е ц. Теперь быстрее, на вторую переключай! Сцепление не жги, отпускай!

Э к с т. Мне и на первой нравится.

О т е ц. Давай, не тормози! Вон смотри, сосед смотрит! Ты так, ей-бо, не научишься ездить!

Э к с т. Я ведь уже еду! Рывками, но еду.

О т е ц. Стой! Всё, вылазь! Сцепление уже изнашивал, коробку дергаешь, как на сраном МАЗе, ей-бо, это же «Нива»! «Ни-ва»!

Э к с т. После этого папа меня за руль не сажал. А Витёк умел, он отца бухого постоянно на моцике перемещал. Не суть. У нас поселок разбивается шоссе на две части. Полпоселка тут, полпоселка там, там еще за ж/д что-то было, но мы туда не ходили. Шоссе межгород, областная трасса, а мы на ней гудрон собирали, солнышко греет, он хорошо отдирается, прямо урожай, потом его в тени и в рот, советская жвачка, Витькин отец показал. Он много всяких штук знал. В общем, мы тогда на дороге этой и тусовались, я пошел из лужи попить, оч хотелось. Если в воду плюнул и харчок расплывается, значит, вода

чистая, пить можно — это тоже лайфхак Витькиного бати. Я пью, Витька жеву готовит, слышу: прогудело что-то, жухнуло, поворачиваюсь, а Вити нет. Побежал посмотреть, он в кювете лежит, — смотрю на трассу, а машины уже почти не видать. Видел, что красная, что классика какая-то, то ли «шестерка», то ли «копейка», я тогда не сёк, побежал к Витьке, а он встает и хоть бы что.

Э к с т. Вить, ты как?

В и т ё к. Вот гандон, а!

Э к с т. Я номер не заметил, вроде «шестерка» была или «копейка».

В и т ё к. Ты что, это «девятка» расточенная! «Копейка» бы рядом со мной валялась. Жеву будешь? Она, правда, в грязь упала.

Э к с т. Давай. У тебя что, башка пробита?

В и т ё к. Херня! Пошли к дому!

Э к с т. Он протягивает мне гудрон в глине. И я его домой веду. Идем, я гудрон жую, а он нет. У него челюсти болели и голова. Он когда жевал, у него начинала кровь капать. Мы подумали и решили жеву выкинуть, всё равно уже не в прикол. В больнице сотряс определили, он полежал там, таблетки попил, короче, нормально. Через месяц уже в футбол гоняли. А пидора этого так и не нашли, ну, на классике который, классический пидор, сбил человека и домой покатыл. Сейчас бы, может, в большом городе пошумели из-за подобного, а тогда в деревне заглохло моментально, как мотоблок по весне. Что еще? Витьку пятнадцать было, а он уже успел с девчонкой побывать, причем она старше его была, а я тогда всё единственную ждал, хм, debil. Так и не дождался. Мы, кстати, в это время забухали в первый раз.

В и т ё к. Батя постоянно это бренди берет, к вечеру генералом становится. Становись, равняйся, вся херня. Давай, будем!

Э к с т. У меня отец всегда генералит, он же майор, а как выпьет, сразу обниматься лезет, как маршал.

В и т ё к. А круто было бы, если бы твой отец за моим гонялся? Как будто в фильмаке каком, с перестрелками, а мы такие дружим, бухаем вместе. И умираем в один день от очередного выхлопа с завода или от какой-нибудь неизлечимой болезни.

Э к с т. От облепихи, например?

В и т ё к. Ну да, быть кислым — та еще болезнь.

Э к с т. Это всё круто, только мой отец ведь не гоняется, он на преступления ездит, улики ищет.

В и т ё к. Тоска! Мой тоже в завязе, только вот по бренди угорает. Как бы его не понесло снова! Он мне штуку классную показал. Если внутренность батареек с карбидом смешать и попарить в канистре,

ну, как мы обычно херачим, то приход в два раза больше будет, еще свинца туда залить, он как дробица разлетается. Бомбища! Мы с ним зафигачили так одну, вообще мощь! Бочка на пять метров подлетела, приземлилась уже как ромашка. (Смеется.)

Э к с т. Круто! Весело вам?

В и т ё к. Да ладно, зато твой рядом всегда! Что с барабаном, продвигается?

Э к с т. Да никак! Давай за то, чтобы все были здоровы!

В и т ё к. Здоровы? Нам что, сорок? Давай, будем! Фу! Что-то назад просится! Круто! Наверное, вырвет, а?

Э к с т. Вырвет — это немодно! Ты знаешь, что синий кит по-английски «блю вэл»?

В и т ё к. Вот мы сегодня будем блювэл по полной!

Э к с т. Ага, засиникитим себе штаны!

В и т ё к. А может, вечером и до Маринки сходим?

Э к с т. Не, это твоя тема.

В и т ё к. Это тема всего поселка, балбес! Вливайся!

Э к с т. Я так не могу. Я жду. Давай еще по одной!

В и т ё к. Ждет он! Так и останешься одуваном!

Э к с т. Если останусь одуваном, там меня будут поджидать сорок юных дев! За любовь!

В и т ё к. Давай, у меня, кстати, по алкашке башка перестает болеть, совсем!

Э к с т. Круто! Надо чаще накидываться!

Экст встает, уносит изготовленную примесь и мусор в ванную, возвращается и берет в руки теннисный мяч, бросает его в темную стену коридора, мяч отскакивает и возвращается к нему в руки.

В тот вечер я засиникитил себе новые штаны! Мы еще два года потом в футбол гоняли постоянно, нормально, только у него отиты всякие пошли, еще он с ватой в ухе ходил. Мы его «Витька в ухе вата» звали, только в одно слово, Витькавухевата, как индейца, ему нравилось! Он вообще тогда выделялся среди нас: худой, смуглый, вата в ухе, неудивительно, что Маринка запала на такого, даже молодого!

Бросает мяч в стену, тот больше не отскакивает, а улетает в темноту.

В семнадцать лет он ушел. А я зачем-то остался. У него тогда боли обострились, когда он в больницу попал, голову просветили, а у него там как будто теннисный мяч в голове застрял. Ему операцию стали делать, он уснул, чтобы больше не проснуться. Помню похороны.

Его отца тогда уже снова посадили, мама сама всё вывозила, мы помогали, ну так, по возможности. Еще мы с парнями гроб из поселка на кладбище несли, на плечах, как взрослые, четыре километра. Я четвертым встал сзади, сбоку, на голову выше остальных. Помню, Витька, когда он лежал, у него толстый шов был за ухом, как будто гусеница свернулась или электродом капнули, а из уха кусочек ватки торчал. Прощай, верный друг Витькавухевата! В общем, я несу гроб, а он всей тяжестью на меня давит, плечо режет, а еще идти в ногу неудобно, шаг у всех разный. Километр прошел, понял, что не могу больше, не могу больше нести своего лучшего друга, а тут как раз с горочки пошло, я давай ускоряться, за мной остальные притопили, и вся процессия как-то сама собой ускорилась. Даже елочки быстро стали с грузовика кидать. Традиция. Я потом такое же в фильме видел черно-белом, бегущие похороны, только в жизни не смешно. Сестра старшая у Витька вдруг остановилась и закричала.

С е с т р а В и т ь к а. Почему все так быстро идут? Почему так быстро несут?

Э к с т. И я, как последний кусок говна, сказал: так тяжело ведь! Она заревела, Витина мама заревела, жена водителя грузовика заревела. Это такие слезы через уже текущие слезы, когда плотину прорывает. Девятый вал боли, который добывает остатки пристани. Если бы мы остановились, отдохнули и поменяли руки, было бы легче, но было бы странно, поэтому мы продолжали его нести. Меня, правда, поменяли метров через двести на более достойного человека, но это еще не всё мое падение. В этот день был праздник в городе — День шахтера, хотя шахты у нас десять лет назад закрылись и ни одного шахтера в городе не осталось, все разъехались, но праздник отмечали каждый год, как будто ничего и не было. Я, сучья рожа, ходил по площади и собирал деньги на бутылку водки. Говорил, что потерял друга, мне подавали, я купил, и напился в хлам, и засиникитил себе новые штаны. Никому не хотелось меня слушать, давали денег и тут же уходили, вот всё решение проблемы. На, успокойся. Иди выпей. Такие дела. В общем, либо ты, как Серый, страдаешь, срываешься с катанки, рычишь на безразличие и как-нибудь утром тебя нет, либо ты сам как-то из этого говна выбираешься. Никто тебе руки не даст — сам лезь.

Экст включает барабанные ритмы, уходит в уборную. Тень начинает танцевать за стеклом ванной. Ритмы прерываются звонком скайпа. Экст возвращается с мотками бикфордова шнура и зажигалкой. Отвечает на звонок.

1-й голос из скайпа (*молодой, писклявый*). Здорово, Джи! Ты готов?

Э к с т. Да, привет, Кью. Я тут занят немного!

1-й голос из скайпа. Отлично! Не буду отвлекать тогда! Старый просили узнать, а ты уже подготовился?

Э к с т. Почти, вот обращение записываю.

1-й голос из скайпа. Отлично! Ты там много не сообщай! Мы потом сами всё раскроем! Старый раскрое!

Э к с т. Ну, говорю, что накопело! Еще скажу то, что обсуждали на встречах. Короче, то, что у тебя хохолок едва топорщится, не скажу!

1-й голос из скайпа. Отлично! Нам всем нужно, чтобы ты отлично подготовился!

Э к с т. Я понял, понял! Готовлюсь!

1-й голос из скайпа. Просто если ты не подготовишься или не успеешь подготовиться, и ничего не получится, тогда и мы не сможем подготовиться, и обязательства наши тоже как бы аннулируются сразу. Понимаешь? Ну, так старый сказал!

Э к с т. Да всё нормально! Заряды готовы! Фитиль сушится, вы мне мокрый подсунули. Отлично, нет?

1-й голос из скайпа. Отлично! Пусть сушится, так легче транспортировать, вопросов меньше. Просто был случай, один брат не подготовился, не там встал, потом рано начал, еще и нож маленький, договаривались на тесак, в итоге результата минимум. Пару человек зацепил, голову положил, а для семьи ничего не заработал. Мы тоже не смогли ему полностью помочь, он ведь со своей частью не справился, получается! Не подготовился! Так выходит?

Э к с т. Да я понял, надо подготовиться!

1-й голос из скайпа. Хорошо, Джи, не нервничай, Джи! Готовься, брат! Да прибудет с тобой сила, брат! (*Отключается.*)

Э к с т. Джедаи хреновы! Он говорил про парня, я его видел в самом конце, за день, наверное, перед резней этой, никого рядом, как всегда. Вообще район у нас в этом плане горячий, работают со всеми. Находят, общаются, а кто-то вообще сам их нашел.

Пьет воду, остаток выливает себе на темя, растирает по голове. Берет фитиль, поджигает, тот не загорается.

Может, это знак? Хер его знает! Теперь главное! (*В камеру.*) Давайте, пишем главное! У меня отец не как у Витька, в смысле он не сидел. Нет! Но я его тоже почти не видел. Он в милиции работал, в советской, потом в нашей. И вот он рассказывал, что в восьмидесятых всего одно

убийство произошло! Он экспертом-криминалистом был, отпечатки пальцев, фотографии с мест преступлений, в общем, как в сериале типа «След», только без крутого оборудования. «Зенит» на шее да порошки с кисточкой, вот и весь «След». В восьмидесятые всего одно в области, и органы со всего региона приехали, это прецедент был, валютчики курсом не сошлись, это была первая ласточка, а в девяностые полетели глухари косяком, стаями. Отец вообще с работы не вылезал, тогда уже видеокамеры пошли, они всё на кассеты снимали и целыми днями мотались. Когда дежурство было, так вообще могли ночью с кровати поднять, ну и выпивал крепко, насмотришься, видимо, за день всякого, разрядка нужна. Придет папа домой, пьяный, обниматься лезет, нужна ласка, любовь. Задавит, поборет, я бы и убежать рад, так он ведь уснет, его не поднять. Хорошо, что нас двое было и каждому по очереди обнимашки доставались. Бывало, скучно дома, сидишь папины кассеты с работы смотришь, а там либо фестиваль кетчупа, либо руки-ноги к потолку приколочены. Страшно поначалу было, потом старше стал, так весело. Не понимаю, что в голове у людей поменялось? Почему мы такие? В свободное время у папы всегда была сломана машина и он ее чинил. Иногда разрешал посмотреть, как он ковыряется. Говорил, может, научишься чему-нибудь. Помню, отец мне обидного леща дал! Так говорю, как будто есть необходимые лещи; нет, просто тот был прямо проникающий! Я младший ребенок в семье, поэтому болезненно к своей собственности отношусь. Всё подписываю, на свои места кладу, а отец ведь хозяин, собственник. В общем, он начал носить мои тапки, у меня нога уже больше, чем у него была, поэтому ему удобненько! Он с утра пораньше встает и, как в том анекдоте, в них расхаживает, а я, значит, без тапок ходи. Он, главное, свои порвал, а в моих рассекает. Молодец такой! Ну, я ему раз сказал, два, заявка сейчас на масштабное побоище, конечно, но нет, он никак не отреагировал. Вижу, он только злится и молчит. Один раз с утра вскакиваю, тапок нет, бегу ему сказать, а он уже на работу собрался, стоит в моих тапках такой и с мамой ругается, ну, я ему под горячую руку и сказанул про тапки, сымай, папка, типа того! Он мне леща как зарядил, я дальше спать пошел. Какие нахрен тапки, мир разрушился. Мы дня два не разговаривали, потом он все-таки извинился, но я тогда думал, что всё, на всю жизнь обиделся, но это ведь такая ерунда на самом деле! Подумаешь, леща от отца получил. Витёк вон, тот вообще пару лет со следом от пряжки на спине ходил, заживать не успевала. Хорошее ведь тоже было! Однажды отец навсегда стал для меня героем, он мне помог очень сильно! Если бы

не он, не знаю, как бы я справился. С утра перед школой, класс восьмой, мама заставила какую-то тухлятину на завтрак съесть, тема из разряда «вот-вот испортится, а выкинуть жалко» — мой случай. Она у меня, естественно, не прижилась и быстро стала проситься наружу, в школу я приехал в состоянии спарринга с диареей, и я уже проигрывал по очкам. Бегу в туалет. У нас в школе был сказочный туалет, там нет перегородок, дверей, наверное, чтобы старшеки не курили. В туалете было два одиннадцатиклассника, они стояли в густом облаке табачного дыма и курили, аки призраки. Призраки моей диареи. Я сходил по маленькому, на большее не решился. Пытался перетерпеть. Только диарея — это не та вещь, которую можно перетерпеть, тем более неподвижно сидя на уроке. На уроке мне несколько раз делали замечание, что я дергаюсь. Я отпросился и метнулся к фаянсовому другу, но с ним уже дружили, причем те же старшеки. Окно у них, что ли? Я тогда всерьез думал, что существуют бесконечные сигареты. Я опять поссал и мелкими шажками пошел к выходу. Старшеки стали переживать за мое здоровье.

1-й с т а р ш е к л а с с н и к. Слышь, Лёха? Что-то малой часто ссать ходит.

2-й с т а р ш е к л а с с н и к. Ага, наверное, почки простудил! Малой, ты бы сходил в медпункт, а то бледный какой-то!

1-й с т а р ш е к л а с с н и к. А прикинь, он сейчас кони двинет? Чё делать будем?

2-й с т а р ш е к л а с с н и к. Ты дебил, да? Докурим да пойдем.

Э к с т. Один из них харкнул на пол и бычок в туалет смыл. В конце урока я снова попробовал туда попасть, но услышал, как эти мудаки до сих пор там ржут, даже заходить не стал, в срочном порядке решил бежать куда-нибудь на улицу. У меня уже тогда клапан открываться начал, но я добежал до гаражей и спрятался. И вот зима, уже рассвело, ходят люди, часто знакомые люди, а я смог спрятаться только с одной стороны. Всё видно. Вот тогда у меня опустились руки. Вместе со штанами. Я не рассчитал с напором, испачкал брюки, вытерся снегом, как смог, думаю, надо уходить, срочно, только решил вернуться и забрать ранец. Прихожу, а там уже урок вовсю идет, зашел, сел, а меня, сука, к доске вызвали. Стою, от меня за километр несет, рассказываю географию, что-то про масштабирование. Досидел этот адский урок, училка что-то разнюхала, что-то не так у меня, домой отпустила. Однопартица меня явно выкупила, я вышел на улицу и не знал, куда идти. До поселка, до дома шесть километров. Стыдно, стремно и непонятно, что делать, я в тот момент вообще решил больше в школу

никогда не возвращаться. Решил идти к отцу, он тогда на дежурстве был, один. Пришел зареванный, всё рассказал, а он даже не кричал, я думал, будет, а он не стал. Вымыл меня, переодел, постирал. До этого и после никогда такого не было. Напоил чаем и никому ничего об этом не рассказывал. И мне велел. Только сейчас уже всё это не работает. Вот такой у меня отец. Был. Я всегда хотел, чтобы он говорил: «Смотрите! Видите? Это мой сын!» Только как? С такими-то историями. А однопартница отсела от меня после этого, насовсем вроде. Так-то она красивая была. Всё, приехали к финишу!

Экст идет и бьет в барабаны.

Это я тут опять в жилетку уткнулся, а отец никогда не жаловался. Когда болеть начал, никому ничего не сказал, мама заметила не сразу, что он постоянно соду швыряет. Изжогой мучился, полгода ни слова от него. Знаете, когда заметили? Живот надулся, лицо побелело, а на дне глаз недуг скрылся, пленочка такая, страшная. Тогда начали по больницам ездить, но врачам пленочка неинтересна, им факты нужны. У нас в городе больница не самое популярное заведение, там даже анализы нельзя сдать, лаборатория закрылась лет десять назад, чтобы провериться, надо в другой город ехать. В нашем родном городе хорошо умирать, там химзаводы рядом, предприятий нет, муниципалка на ладан дышит. Олл инклюзив для ухода из жизни. Когда его проверяли, надо было быстро всё делать, платно, очень платно. В другом городе был один центр подобный, Центр красоты и здоровья, название говорит само за себя, больных людей тут быть не может. Разве чуть-чуть. У отца ничего не нашли, только подозрение на панкреатит, онкомаркеры ничего не показали, прописали капельницы, лекарства от панкреатита и, успокоив, отправили домой. Не переживайте, это точно не рак. Отправили его обратно в наш город, в олл инклюзив. Капельницы раздули этот рак за несколько недель. Дошло до того, что отец мог спать только сидя. И вот тут по закону жанра появляются старые друзья или близкие краудфандингом собирают на заграничную операцию, а родная полиция отвозит на личном самолете почетного эксперта, майора и просто замечательного сотрудника. Только все эти истории, видимо, про каких-то других людей. Пока искали болезнь, опухоль его съела. В милицейской краевой больнице, куда ехать пять часов на машине, его по коридорам заставляли бегать из кабинета в кабинет. Никто не хотел и не понимал, что нужно человеку, а ему было нужно лечение, у них не было онколога в штате,

и к нему нужно было направление, а его не могли дать, так как не знали, а точно ли это опухоль. И он из последних сил бежал, повышая билирубин в своей ядовитой крови, растаскивая болезнь по всему организму. Помогли ему вообще в другой клинике, хирург по зрачкам увидел, как ему тяжело, пленочка и желтые белки, очевидно. Ему сделали зондирование, взяли биопсию, определили места поражения, стадию. Неоперабельно. Всё было плохо. Давали четыре месяца. Очень очень мало, но оказалось, что это очень оптимистично.

Экст приносит из прихожей торт, достает из кармана пару свечей, втыкает в корж.

У меня был день рождения, двадцать пять лет, через два месяца отцу было бы шестьдесят. Он еще немного ходил. Мы еще на что-то надеемся, я загадываю желание перед тортом и уходящим отцом. У нас такая установка была: вести себя как ни в чем не бывало. Не знаю, правильно ли это, но я загадываю: хочу, чтобы папа выздоровел, начинаю задувать свечи, я верил в этот момент, что всё получится. Подобрал всё своедыхание, двадцать пять свечей, но подошла трехлетняя племянница и дунула вперед меня, задула одну свечку, захихикала и убежала. Я понял, что всё потерял, свой единственный шанс я просрал, только что была надежда, и в одну секунду ничего не осталось, и еще я не знал, как теперь относиться к племяннице.

Экст зажигает свечи, смотрит, как плавится воск и капает на торт. Чуть прогорев, свечи начинают взрываться и разносят торт на куски. Экст вытирает лицо.

Отец быстро слег. Когда я пытался с ним разговаривать, он мало отвечал. Да как обычно, в принципе. Знаю про него лишь пару веселых историй, подслушанных на праздничных посиделках. Он любил говорить мне странные вещи, типа меня сегодня лизнула кошка и теперь в этом месте прыщ выскочил. О'кей, папа! Может, он так говорил, чтобы я от кошек держался подальше? Он любил слушать Высоцкого, особенно в одиночестве, чтобы ему никто не мешал. Я записал ему на плеер, отдал. Когда пришел снова, разряженный плеер лежал в стороне. Отец сказал, что ему неинтересно. У Высоцкого есть песня «Скалолазка», а мама раньше занималась альпинизмом, думаю, раньше отец пел ее под гитару для мамы. Наверное, это их песня, наверное, я делал ему больно. Я записал ему «Машину времени», тоже одна из любимых групп. Отец сказал: убери этого хохла куда подальше. Это так странно. Отстаивать какое-то чужое мнение, отка-

зыватья от того, что было дорого. Я решил, что это неподходящий момент для спора о свободе слова, о свободе высказываний. Решил попробовать фильмы. И он снова удивил меня, когда я записал для него подборку с Луи де Фюнесом и Жаном Маре про Фантомаса, помню, раньше он смеялся, когда их смотрел. Отец категорично отказался, он откуда-то узнал, что Жан Маре гей, но ведь в фильмах этого нет. Почему? Вот так он открывался мне в последний момент, я увидел, что не понимаю в нем ничего. Я никак не мог помочь ему, сделать его счастливее. Не мог ему угодить. Всю жизнь старался, чтобы он меня заметил, и не смог. Не получилось. Смотрите, это мой сын! И блог был для этого. Теперь я нашел такой путь! Я долго уговаривал перевезти папу в хоспис, но родители держались до последнего, только когда ему понадобился профессиональный уход, они согласились ехать. Я повез его в больницу, мама работала. Водить я так и не умею, поэтому всё объяснил и попросил знакомого, папу положили на заднем сиденье. Я думал, что всю дорогу буду крепко держать его за руку. Хотелось его поддержать, но папа зажал мою руку на пару секунд, выпустил ее и отодвинул. Опять я остался не у дел. Когда мы ехали, долго молчали и что-то громко играло по радио. Заиграла песня «БандЭрос». Еще чуть-чуть, и прямо в рай, и жизнь удалась, вона бьютифул лайф.

Поворачивает камеру к уличному свету, идет к оконной раме.

Я думаю о водителе с тех пор, неужели он настолько далек от происходящего, что не понимает, насколько эта песня неуместна? Еще я понимаю, что ненавижу «БандЭрос», что они понятия не имеют, о чем они поют. Это одна сплошная пошлость и грязь. Я выбрал их. С ними тоже надо развязаться. Это будут именно они и те, кому они могут понравиться. Это будет и символично, и иронично, и идеально. К тому же они собираются для совместного концерта, со всеми старыми хитами и старыми участниками, красота. Звезды сходятся, я не должен быть в стороне. *(Возвращается к белому полотну экрана, уводит камеру.)* Когда я привез отца, мыл его полностью сам, всего, ноги, промежность, пах. Он попытался перевернуться, но не смог и устало выдохнул. Я хотел его успокоить, всё в порядке, помнишь, ты тоже мне как-то помог? Он резко остановил меня.

О т е ц. Да помню я, помню! Я ведь говорил тебе, ей-бо, никогда об этом.

Молчание.

Э к с т. Я спал под дверью, вдруг ему что-то понадобится. На следующий день его положили в хирургию на обследование. Кресло-каталка, он всю жизнь возил меня на машине, и вот теперь я везу его. Так странно. Скромный ответ. Он не мог переворачиваться и только слушал. Я один на один в палате с отцом, которого никогда не знал настоящего. Кто ты, папа? Рассказывал ему какие-то истории про брата, про родных. Сначала он улыбался, вспоминал эти истории, называл меня молодцом, врач хвалил его за реакцию, но на второй день он стал сердиться. Может, надо было придумывать новые, а не рассказывать одни и те же?.. Пап, я на барабанах научился играть! Сам!

Молчание.

Пытался читать ему книги, но удивительно, что за какой бы текст я ни брался, всюду закрадывалась горбатая, сочилась из строчек, из любого темного угла книги смотрели ее глаза. На следующий день я включал ему на телефоне песни Челентано, он их любил, и было видно, что я первый раз попал в точку, он расслабился, вытянулся, заулыбался. Тогда же произошла какая-то мистическая вещь, телефон лежал посередине тумбочки, но вдруг подскочил и упал на пол. До сих пор не понимаю, что это было. Дурной знак? Отец вторые сутки отказывался от еды, я побрил его и покормил через дозатор. Практически ничего не съел. Он просил меня знаками поставить на место его вставную челюсть, но я не понимал, что он хочет. Отец сказал последнюю фразу.

О т е ц. Ты совсем меня не понимаешь!

Э к с т. Я собрался его переодеть, а когда стал поднимать, его затрясло. Я побежал за врачом, вернулся, положил его на кровать. Он посмотрел на меня и улыбнулся, наверное, самой теплой своей улыбкой, я улыбнулся ему в ответ, но тут он посмотрел на меня с укором, вроде что это ты тут заулыбался. Я растерялся, а папы в этот момент не стало. Из рта пошла черная струйка. Его голова запала, у меня на руках. Я думал, это киношные приемы, в жизни такого нет. Вот так реальность добирается до человека, уводит за скобки. Я недавно гулял во дворе, и там папа с дочкой лепили снеговика, и девочка, маленькая еще, спросила отца: папа, а когда у нас будет всё хорошо? Он сказал, что не знает, а ты как думаешь? Девочка сказала, что всё будет хорошо, когда у снеговика руки зацветут. Ждем! Еще, оказывается, смерть — это не конец, надо ведь по инстанциям побегать, долго и упорно оформлять бумажки, отказываться от вскры-

тия и объяснять почему, выбирать цвета и размеры, бесконечно перечислять в разных кабинетах дату рождения и эту другую дату. Ждать, пока люди пообедают, решат свои дела. Что ты к ним со своей смертью ходишь? Подожди, посиди. Вас вызовут.

Идет и стучит в барабаны, бьет сильно, без ритма палочками по всем частям установки, смахивает установку на пол. Снова звонит скайп. Экст выключает камеру, отвечает на звонок.

2-й г о л о с и з с к а й п а (*старый, надтреснутый*). Здравствуй, Рома!

Э к с т. А как же шифр?

2-й г о л о с и з с к а й п а. Не хочется теперь называть тебя символом, ей-бо! Ты ведь живой человек, у тебя незатягивающаяся рана! Да? Кью сказал, что ты стал сомневаться?

Э к с т. Может, Кью и считает, что я сомневаюсь, но я ведь готовлюсь, настраиваюсь, зачем меня отвлекать?

2-й г о л о с и з с к а й п а. Да, ты идешь верным путем, ей-бо! Просто надо помогать друг другу, мы ведь помогли тебе? Когда мы встретились, ты был в отчаянии, эти справки было так сложно получить.

Э к с т. Да, я помню, обязан, мы ведь решили! Сомнений у меня нет, просто я записываю обращение и немного занят.

2-й г о л о с и з с к а й п а. Обращение — это правильно, чтобы он гордился тобой даже там, всем нам нужно обращение!

Э к с т. Вы мне фители мокрые выдали, даже не знаю, как всё пройдет.

2-й г о л о с и з с к а й п а. Некоторые вещи тяжело достать в хорошем качестве, зато мы тебе подсказали про металлодетектор.

Э к с т. Да, спецпарафин не просвечивает рамка, я этого не знал. Фители сушатся, всё будет как договаривались.

2-й г о л о с и з с к а й п а. Отлично, если всё пройдет нормально, никто не будет больше страдать и нуждаться, ты pomoжешь своим близким! Это верное решение! Ты всё всем докажешь!

Э к с т. Да, я скажу об этом в записи.

2-й г о л о с и з с к а й п а. Лучше об этом не распространяться, тогда мы не сможем помочь, вообще расскажи только личное, а вторую часть мы запишем сами, не переживай. Заканчивай скорее и выпишись, ей-бо! Завтра у нас последний, в смысле тяжелый день! (*Отключается.*)

Э к с т. Хорошо, Шаб, спасибо! За одно только слово готов был слушать с открытым ртом! Отключился! Сука, даже не дослушал! Ну и нахера? Говорю, что решил, а сам не знаю, как быть. Пустота такая внутри! Особенно тяжело, когда тебя только-только эмоция отпустила, ты расслабился, пробуешь дышать, и тут снова прибор, вот тогда дыхание перебивает, размазывает по стенам, рот забивает, ноздри, грудь сжимает. Ничего сказать нельзя! А в напряжении тоже нельзя постоянно. Мышцы забиваются. Я пытался уйти от боли, ни разу не употреблял до этого, а тут грибов попробовал, выпил отвар, съел десятку и в клуб пошел. Не смог дойти, потому что дорога стала плавиться под ногами и разламываться, мне кажется, это должно быть прописано в законодательстве, дороги должны иметь такой класс прочности, чтобы они никогда не проваливались под ногами человека с магическим трипом. До клуба я не дошел, мозг пытался взять всё под контроль, вещи ускользали, время несло, как ошпаренная лошадь, слишком сильно, шумно и цветно всё разбегалось. Тогда я вернулся и стал смотреть телевизор, увидел в нем отражение, но там был не я, а мой отец. Отец лежал на диване и плакал, до этого я не видел, чтобы он когда-нибудь плакал. Потом всё, я уснул. И, короче, это не выход! Легче не становится. Отец бы сейчас сказал: ищи знаки!

Пробует зажечь фитиль, тот тот не сразу загорается, дымит, брызгая искрами, как бенгальский огонь, тухнет.

Сыровато еще, но можно попробовать!

Уходит в ванную. В темноте начинают самостоятельно стучать джембе, тамтамы, барабанная установка, лежащая на полу, бубны на стенах. Экст возвращается. Слышен хор голосов.

Г о л о с а.

- Блювэл — это не глагол, это синий кит.
- Никогда никому не говори об этом!
- Меня разорвало!
- Соскочила рукожопый!
- Аффтар, убей себя!
- Хорошо будет, когда у снеговика руки зацветут!
- Ей-бо!
- Это тема всего поселка! Вливайся!
- Еще чуть-чуть, и прямо в рай, и жизнь удалась!
- Ты совсем меня не понимаешь!

Экст открывает окно, дождь крупными каплями барабанит в подоконник. Экст надевает на голый торс армейскую разгрузку с карманами. Говорит в камеру.

Э к с т. По идее, всё должно закончиться утром, но, возможно, планы поменялись! Последнюю вещь еще надо сказать. Я приезжал домой, после его ухода. Разбирал в гараже вещи, столько всего осталось: литовка старая, станок токарный, резиновая лодка с заплатами, двустволка импортная, три бамбуковые удочки, ГАЗ шестьдесят шестой, без документов, поменяли его на бочку спирта и ящик картошки, вилы полуторки, грабли, куча ежедневников с чертежами бани — отец четыре построил, песенник с аккордами, подшивка «Сделай сам». В одном ежедневнике были даты рождения, папиной рукой, мамин, брата и мой. Потом был список дел на других страницах, починить смеситель, вытянуть бампер на машине, окучить огород. Последней строкой было написано: Дети. И в скобках — по пятнадцать минут на ребенка. И я согласен на эти пятнадцать минут! Хотя бы и пятнадцать! И что? Ничего! Я всё жду, что он мне какой-нибудь знак подаст оттуда! Понять надо, что все-таки делать? Хотя всё равно, всё решено уже! Надеюсь, что я правильно рассчитал! Пока!

За стенкой залиvisto хохочет ребенок, Экст слышит, улыбается. В ванной начинается пожар, стекло становится оранжевым. Огненная тень танцует за стеклом, из-под дверей валит дым.

Алексей Макейчик

Обживая бетон

Действующие лица

С а ш а.
В а д и м.
К а т я.
Е г о р.

Сцена первая

Запись с видеорежистратора № 1

Солнце светит прямо в лобовое стекло. На стекле несколько небольших трещин, в которых солнце не задерживается, и они проступают тонкими, четкими линиями. Всё остальное сильно размыто и, кажется, тает в солнечном свете. В машине включено радио, на его фоне звук открывающихся и закрывающихся бардачков. Вот из сумки вытряхнули всё содержимое. По тому, как машина в это время едет, понятно: водитель что-то ищет. Пусто пищит стеклоомыватель, и на стекло не попадает ни капли жидкости, после чего включаются щетки и, медленно дергаясь, проползают по лобовому стеклу, издавая писклый стучащий звук. Раздается сигнал мобильного телефона. Машина перестраивается и съезжает на обочину. Телефон продолжает звонить. Машина останавливается, открывается дверь, и в салон врывается шум города и проезжающих мимо автомобилей. Перед машиной появляется Саша и аккуратно выливает на стекло темное содержимое термокружки. Сильный ветер треплет волосы, Саша поправляет их, находит на голове и тут же надевает очки, садится обратно в машину. Снова включаются щетки. Нельзя сказать, что стекло стало намного чище. Но Саше, наверное, стало легче. Машина трогается.

С а ш а. Привет. Да. Ты звонила... Подожди...

Саша притормаживает и пропускает машину, выезжающую из дворов, за рулем которой тоже сидит девушка. Сзади громко сигналият.

Я да. Я сама же позвонила. Перестраивалась. Ну, еду просто, за рулем, конечно. Да. Домой. Да, просто. Ты звонила, я перезвонила. Да, днем

хотела. Ничего. Говорю же, ничего. Дурь какая-то. Давай потом. Нет, серьезно. Давай потом. За рулем просто и вообще... Она меня просто в друзья сегодня добавила... подожди, подожди немного, не забуду... Да ладно, уже ничего...

Машина объезжает остановившийся на остановке автобус.

Ты реально? Сестра малая. Да, я же рассказывала тебе... Просто... Ну типа бред какой-то... Что мне сейчас с ней делать... Она типа лайки мне будет ставить, комментарии свои детские оставлять под каждой фоткой. Котики там, собачки, песни из мультиков аниме. Нет, я не добавила, просто она же всё равно в подписчиках, вроде как автоматически. Так и я об этом. Что мне с ней теперь, переписываться или что? И я говорю, что чушь какая-то... Просто малопрятный незнакомый подросток... Или в одиннадцать еще не подростки? Ну, всё равно, скоро дела начнутся и всё такое. ...Ну, у меня в двенадцать, кажется... подожди.

Машина сворачивает во дворы, Саша пытается объехать выбоину, но въезжает в нее и передним, и задним колесом.

Алло. Алло-о...

Сцена вторая

Небольшая комната, темные шторы на окнах плотно задернуты. На рабочем столе ноутбук, рядом с ноутбуком монитор, который тоже включен. По столу разбросаны мелкие игрушки из прошлого. «Радуга», лизун, йо-йо. На полу из обувной коробки, кастрюли, картонной упаковки от макарон сконструировано что-то наподобие ступенек, по которым Вадим пытается запустить «радугу» так, чтобы она шагала вверх. В квартиру входит Саша. Вадим быстро встает, раскрывает шторы, пытается хоть что-то прибрать.

В а д и м. Что-то ты рано.

С а ш а. Нет, как обычно.

В а д и м. Я думал, ты на йогу сегодня.

С а ш а. Я туда больше не пойду.

В а д и м. А мне казалось, тебе понравилось, да и по темпераменту тебе подходит...

С а ш а. Кривляются все, как будто действительно просветленные, а по факту рисуются друг перед другом, и всё... кого обмануть только

пытаются? И вообще вся эта муть эзотерическая... мне по темпераменту, наверное, ближе киркой стены бить... Ты мусор так и не вынес?

В а д и м. Я думал, ты позже будешь. Перед приходом собирался.

Саша на кухне, ищет в холодильнике, что бы поесть. В раковине гора невымытой посуды.

С а ш а. И посуду перед приходом?

В а д и м. Нет, ну посуду я давай сейчас помою.

Вадим становится у раковины, медленно протирает тарелки губкой и ставит одну в одну. Саша ест.

С а ш а. Тут такой типа не к столу разговор. Вопрос просто. Ты когда вот решил, что... Когда ты понял... что это... что ты... даже не то чтобы понял, а как тебе это в голову пришло, что ты, допустим, решил, что будешь теперь... короче... допустим, волосы на лобке брить?

В а д и м. Ну да, волосы брить.

Вадим протирает тарелки губкой. И ставит одна в одну.

С а ш а. Что да?

В а д и м. Так это вопрос?

С а ш а. Это на что-то еще похоже?

В а д и м. Это как-то случайно вышло. И не сразу. Точно не сразу. Я почему-то гордился даже тем, что они выросли. Серьезно гордился. Странный такой период... я об этом и не помнил даже...

Вадим замолкает. Ему кажется, что он договорил. Он протирает тарелки губкой.

С а ш а. И?! Ты можешь хоть два слова сказать так, чтобы тебя понятно было?

В а д и м. Чего ты бесишься? Я задумался просто.

С а ш а. Чем ты занимался сегодня?

В а д и м. Я же тебе вчера говорил.

С а ш а. Продвинулся, наверное?!

В а д и м. Продвинулся... немножко.

С а ш а. Какой вопрос я тебе задала?

В а д и м. Про волосы?

С а ш а. Ты можешь внятно ответить?

В а д и м. Я нормально отвечаю. Я не виноват, что ты нервная.

Вадим какое-то время трет посуду пенной губкой. Саша ждет.

А-а-а... мнннн... мне делали операцию. Короче, даже не в том дело, что операция. А там типа мать моя психологическую травму мне нанесла. В общем, у нас же город маленький. И у нас там все всех типа знают. И мать моя, слушай...

Саша берет в руки телефон.

Она, короче, там договорилась. Блат типа у нее там, прикинь. Блат, Карл! Что это вообще за слово такое. А там вообще нормальная такая тема была... этот блат. Она мне сказала, ну, мы так с ней договаривались, что операция там и всё такое, что это через неделю только. А в тот день просто анализы сдать, и всё. И мы идем, и я слышу, как у нее в сумке вода какая-то переливается... по крышке капроновой вроде как хлюпает. Я чисто машинально сразу вообще насторожился... И короче, этот компот типа морс был, клюквенный. А морс — это понятно всё.

Вадим рассказывает эмоционально, продолжая тереть тарелки. Саша со скучающим видом листает Instagram.

Морс — это однозначно к болезни. Ну, в том случае без шансов, короче, шел и понимал, что я сейчас заболею. Хотя мне неделю еще давали, чтобы подготовиться там, мужество в кулак собрать. Мы в десять где-то в больницу пришли, а уже в час я от наркоза такой отошел и типа в туалет собрался, матери назло, потому что обиделся сильно. Ну, я встал сам, и не помогал никто. Встал и в туалет пошел. Там рядом было, почти напротив палаты. Вот тебе и блат! Кровь на анализ не взяли, типа свертываемость и всё такое, и палата напротив толчка в мужской хирургии. Так что в одну сторону я нормально, быстро дошел. А как дошел, то я уже понял, что ничего ни сделать толком не могу, ни назад дойти. Так голова закружилась, жесь просто. Тут уже выбирать что-то одно нужно было. И я выбрал, короче, назад пошел. Не отрубиться же мне там нужно было. А с матерью еще неделю, может, не разговаривал вообще. Ни слова, ни полслова, ни на вопросы не отвечал. Зато проспал потом целые сутки почти.

Вадим сбавляет темп повествования, замолкает. Трет посуду. Саша откладывает телефон в сторону.

С а ш а. Ты помнишь, о чем я спрашивала? Как с тобой вообще разговаривать можно?! Я от тебя в шоке вообще!

В а д и м. Ты просто дослушать не можешь. Я же не могу с середины рассказывать.

С а ш а. Дорасскажи. Попробуй. Потому что если ты сейчас забудешь, о чем говорить начинал... то я просто вещи соберу и свалю нафиг.

В а д и м. ...ну, перед операцией такой... там типа брить надо...

С а ш а. Я, что ли, знаю, что за операция?

В а д и м. Варикоцеле.

С а ш а. И что это? Вареники грузинские?

Вадим снова оживляется, ничего не может с собой поделаться.

В а д и м. Я, кстати, тоже не уверен, что это классическое такое название. По факту там вену из яйца натягивают на такую штуку с шестеренками, похожую на... знаешь, как эти открывалки для консерв... консервов... для тушенки там, шпрот. И тебя кладут горизонтально и штуку эту фиксируют, а потом крутят, ну, тянут вену в живот. По сути просто как макароны на вилку наматывают. Чтобы дети были. Чего ты злишься, я не понимаю? Я же рассказываю. Перед операцией... она на животе, вот тут вот шрам... его так не видно, но если загорать, то он не загорает совсем, так белый и остается. Потому что шрам. Рубец на всю жизнь... М-м-м... А-а-а... И короче, эти волосы нужно было сбрить. Ну и я подровнял там, сверху так сбрил, с одной стороны, с той, где резать должны были. Мне медсестра бритву принесла. И она потом же пришла проверить, как я там всё побрил. Молодая такая, симпатичная медсестра, грудь и всё такое. Она со мной в одной школе училась. Симпатичная такая старшеклассница. Сняла с меня трусы, ну, не сняла, а так, приспустила... потому что я лежал в палате на кровати и злился на мать. Она посмотрела и просто так, вообще без слов, оттянула так член, умеючи так оттянула, и, как самурай мечом... Только хрясь-хрясь... Ни пенкой не намазала, не смочила даже... всё почикала под ноль, трусами хлоп и пошла, даже стряхнуть не дала толком. Оно потом кололось еще всё, в душ нельзя же было из-за швов... А ты?

С а ш а. Иди ты в жопу со своими травмами... голова разболелась. Еще и выдумал небось половину...

В а д и м. Я просто объемно ответил... У меня даже рот пересох.

С а ш а. Всё. Прекрати, иначе поругаемся просто.

В а д и м. Ты спросила, я ответил.

С а ш а. Я поняла уже. Ты сегодня вообще хоть чем-нибудь занимался?

В а д и м. Смотря что ты имеешь в виду.

С а ш а. Ну, просто. У тебя был какой-то план на день? Дела, которые ты запланировал сделать и сегодня сделал, и типа рад из-за этого, и устал, и хочешь отдохнуть.

В а д и м. Я встал, а...

С а ш а. Во сколько? В час дня?

В а д и м. Да какая разница... Ты же не спрашиваешь, во сколько я лег...

С а ш а. Потому что я знаю, во сколько ты лег. Потому что ты как сраный слон просто туда-сюда ходил. Потому что я тоже не спала, а потом встала и пошла на работу. Чтобы зарабатывать деньги.

В а д и м. Да ты дослушай просто... Я, кстати, у тебя денег немного взял. Сорок долларов, я отдам потом. Я встал просто, а деньги на интернете закончи...

С а ш а. Какого хера?! Это деньги на отпуск! Их вообще трогать нельзя!

В а д и м. Сказал же, что отдам...

С а ш а. Когда? Когда проект мечты тебе на голову свалится?

В а д и м. Забомблю сайт кому колхозный. Чего ты нервничаешь, это же деньги просто...

С а ш а. Деньги просто, когда на работу не нужно ходить. А когда ты их зарабатываешь...

В а д и м. Я не виноват, что тебе твоя работа не нравится...

С а ш а. При чем тут нравится — не нравится?! Тебе же не одиннадцать лет, правда?! Деньги для всего нужны! Чтобы есть, чтобы за квартиру платить.

В а д и м. Так я же купил квартиру. Это, блин, жуткое место, мы могли бы сейчас в деревне спокойно жить, и этих вопросов бы не было.

С а ш а. Сорок долларов. На интернет. И ты их без спроса взял.

В а д и м. На интернет двадцать. Почему мы вообще о деньгах разговариваем? Это что, важно так, что просто из-за сорока долларов сейчас поругаться нужно?

С а ш а. Где еще двадцать? Я не шучу. Если ты брал опять...

В а д и м. Ты сдурела? Где мне брать? Я таксисту заплатил. Ты же знаешь, что я днем на улицу не выхожу.

С а ш а. Ты в конец уже...

В а д и м. В чем проблема, это же час работы... это же деньги просто.

С а ш а. А в том, что ты на улицу не в состоянии выйти, ты проблемы не видишь? Какие с тобой дети, какое вообще всё?

В а д м. Ты из-за сорока баксов сейчас? Я же тысячу раз говорил, что с детьми была бы необходимость и вообще... а сейчас нет необходимости. Мне не нравится просто здесь, и я тебе всегда об этом говорил.

С а ш а. То есть соглашаясь купить эту квартиру, ты понимал, что не будешь из ней выходить? Это типа план такой?

В а д м. «Из ней»?

С а ш а. Ты debil?

В а д м. Нет, я понимал, что мне здесь некуда выйти...

С а ш а. И типа я виновата теперь, что ты здесь как говна кусок?..

В а д м. Да мне нормально здесь, просто выходить не хочу.

С а ш а. Ну ты и тюфяк безвольный! Как таким можно быть? Ты же вообще ни о чем. Ты хоть сам-то это понимаешь?

В а д м. Что ты делаешь со мной тогда?! Я хоть что-то в своей жизни сделал. А ты как ходила на работу, которую терпеть не можешь, так на нее и ходишь. И ничего тебя больше не ждет, кроме атак панических. И не надо с себя свои комплексы на меня перекладывать.

С а ш а. Это я, выходит, закомплексованная?

В а д м. Слушай, я заработал пока. Нароботался. Просто проект хороший жду. Ищу проект. Сам что-то думаю. Игру валю. Я в процессе. Ничто не делается за один день. Это у тебя только. На всё по одному дню уходит. И на йогу, и на польский, и на фитнес, и на плавание. Из нас двоих это ты не знаешь, чего хочешь. А я знаю. И делаю. И если дело в этих сорока долларах, то я тебе завтра их отработаю. За час просто. Даже из дома не выходя. Буду сидеть, кофе пить, музыку слушать, не буду напрягаться и заработаю.

С а ш а. Это я, короче, во всё виновата, получается?

В а д м. В чем виновата? У меня нормально всё. И я без понятия, что там у тебя не так, потому что ты не рассказываешь ничего.

С а ш а. Ты бы замечал, если бы хотел! Почему всегда я должна про что-то думать? Даже про то, чтобы ты меня понимал? Я просто хочу, чтобы ты меня понимал. Ты поэтому и мужчина. Ты опорой должен быть, а ты... Ты сам о себе позаботиться не в состоянии, не говоря уже, что о ком-то...

В а д м. Как я тебя пойму, если ты молчишь только? Вот ты пришла сегодня, спросила, и я ответил. Я же тоже в ответ спросил. Тебе что, трудно было ответить? Просто ответить, а не устраивать скандал из-за денег?

С а ш а. И что мне нужно было делать? Выдумывать травмы психологические, говорить о том, что мои родители не поговорили со мной о лобковых волосах? Это же дебилизм просто.

В а д и м. Зачем меня тогда спрашивала?

С а ш а. Потому что ты debil, понятно?! Потому что телеги твои эти все...

В а д и м. Какие телеги? Я просто разговаривал. Говорю же, что таксисту деньги давал.

С а ш а. Я не хочу об этом говорить. Я вообще просто не хочу сегодня больше говорить. Если хочешь, можешь со мной прогуляться сходить...

В а д и м. Не-е... не хочу, ты видела, сколько там людей?..

С а ш а. Ты их боишься или что?

В а д и м. Ты если пойдешь, то, может, и мусор заодно...

Саша резко встает, уходит в другую комнату.

С а ш а. И что мне, с вонючей рукой потом гулять идти?

Сцена третья

Саша и Катя в небольшом, не очень хорошо обставленном кафе. На их столике почти выпитая бутылка вина, два бокала и шоколадка, к которой они притрагиваются, только когда другая не видит. Ну, или думают, что не видит. Так что не совсем понятно, кто платил за шоколадку.

С а ш а. ...Вот прикинь... она мне шлет постоянно, я тебе сейчас покажу... Типа Женя то, Женя се... Женя играет на фортепиано... Вот... Последний раз прислала...

К а т я. Сколько ей лет, говоришь?

С а ш а. Я в универ только поступила, первый раз... они сразу ее заделали... Да тут даже не в этом дело! Меня за уши просто в эту художку таскали, хотя я всегда в музыкальную хотела. И мать, конечно, об этом помнит. И это жсть вообще.

К а т я. Подожди... Тихо... Тише, говорю, выключи пока... *(Сквозь зубы.)* Ну улыбнись и ты им, чего тебе стоит... Ладно, всё, нормально... И что она там играет, поры года?

Саша кладет телефон на стол.

С а ш а. Я и поры года не умею, хотя мне сильно бы хотелось.

К а т я. Порадуйся за нее. Не чужой же вроде человек...

Катя допила свое вино, явно скучает. Смотрит то на только что прошедших парней, то на бутылку.

С а ш а. Послушай, я ее знать не знаю. Они мне хоть чем бы помогли, когда я универ бросила. Но они всё. У них только Женечка на уме. Сестра — это когда вы вместе росли. В куклы играли, одежду друг у друга брали, чтобы на свидание сходить. А ее непонятно за что любить. Я ее не знаю даже.

К а т я. Не хочешь, не люби. Может, вина еще?

Саша разливает остатки вина по бокалам. Катя немного расстроена. Выпивает свой бокал одним не очень большим глотком.

А что у тебя с этой картой?

С а ш а. Я пока бросила занятия. Не бросила, а просто ходить перестала... Я даже не знаю, как тебе объяснить. Ну, все эти звуки, они реально неприятные. Я думала, что это шутки всё, а они на самом деле все эти «пше», «дже», «чэ» повсюду суют. Это невозможно просто ни слушать, ни произносить. Короче, неприятный совсем язык. Как немецкий или чешский. А справку я эту купила просто, в Молодечно, они там копейки совсем стоили...

К а т я. А-а-а... Я не думала, что ты купила... Я думала, это типа зов крови... Это всё просто так красиво, если это зов крови.... Как проект для инсты. Главное, фотографировать не себя, а фигню всякую. Дорожные знаки, граффити, сорняки какие-нибудь польские, типа одуванчиков, только чтобы с их колоритом... по большому счету, вообще всё, что увидишь... Как будто восхищаешься всегда, зов крови как будто. Просто странно... Как бы если бы у меня такая возможность была, то я бы тут ни дня не сидела...

С а ш а. А я не понимаю просто, что там делать. Особенно если язык этот постоянно слышать и говорить на нем.

К а т я. Да там все на английском, скорее всего, говорят.

С а ш а. По-хорошему, я и здесь не понимаю, что делать... Ты бы там что делала?

К а т я. Ой. Да что угодно! Главное — там очутиться, просто смелости набраться, а дальше нормальная волна сама подхватит.

С а ш а. Меня подхватит, конечно...

К а т я. Ладно, проехали... Вадим, кстати, там, может, быстрее бы реализовался... Что он, кстати?

С а ш а. Нормально. Делает там всё что-то... Я особенно не вникаю, если честно. Новый проект какой-то...

К а т я. Всё еще без денег?

С а ш а. ...пока что да, но это по-любому уже, кажется, недолго.

К а т я. Я просто спросила. Можешь не говорить.

С а ш а. Нет, правда нормально. Какой-то проект, я же говорю.... Слушай, а у тебя же нет сестры?

К а т я. Может, и есть, мне-то откуда знать. Может, вина еще возьмем?

С а ш а. Точно, извини... Если честно, то это всё меня так достало...

По интонации понятно, что она не договорила. Пауза. Катя ничего не отвечает, смотрит по сторонам.

Да всё вообще... И эта работа, и Вадим. Это всё реально выбешивает. Потому что я стараюсь... и на работе как проклятая... И всё это непонятно зачем... Типа меня это всё выматывает, а отдачи никакой, ни удовольствия там... ни радости...

К а т я. Ты только не забудь, на чем остановилась. Девушка, девушка... можно нам еще вина такого... Вот, да, один в один как это. Ты шоколадку еще будешь? А оливки у вас есть? И оливки тогда. Спасибо.

С а ш а. Мне иногда кажется, что мы чужие вообще... как будто с разных планет или в каких-нибудь параллельных вселенных живем... Вроде рядом, а на самом деле между мной и камнем в стене этой общего больше, чем с ним... Он сидит там целыми днями... ладно, закипаю...

К а т я. Девушка, а без косточек не было? Дайте хоть тарелку, куда эти кости плевать. Спасибо.

С а ш а. И тут непонятно, в чем дело...

К а т я. Я никогда не понимала, зачем люди за отношения держатся, если им это не в радость. Хотя всем это не в радость. Я счастливых и не видела. Мне вот одной комфортно. Никому готовить не надо, ни перед кем не надо отчитываться и изображать из себя что-то. И мне, если честно, всего хватает. И секса, и внимания мужского... Постарею, буду думать, а пока смысла не вижу заморачиваться...

Катя наливает вино. Оживляется.

С а ш а. Я тебе не про то, надо мне это или не надо. Тут вроде понятно всё. Я не хочу быть одна. Просто иногда чувство такое, что я не справляюсь... просто говорить даже с ним или посидеть чая попить... Это глыбой такой... и пугает... простые, кажется, действия, а такие... энергозатратные... Сядешь с ним фильм посмотреть просто, а он ляпнет что-нибудь или сядет в какую-нибудь позу идиотскую,

и всё... меня как будто силы покидают, хотя если разобраться, то он ничего такого и не сделал, не обидел меня ничем, не оскорбил... Я недавно даже по лицу ему пару раз ударила, вот просто так, за то, что он сказал что-то неважное. Как по мне, так это уже ни в какие ворота просто. Я опомнилась, конечно, быстро. Может, три или четыре раза ударила. Серией просто, со всей силы, так, что даже сама напугалась.

К а т я. Вы потом хоть сексом занялись?

С а ш а. Нет. Обиделись просто. Не разговаривали. И самое странное, что я на него обижалась. Хотя он и не сделал ничего такого...

К а т я. Он вообще, я так понимаю, не большой любитель что-то делать.

С а ш а. И дело, скорее всего, не в нем ... Потому что меня реально ничего не радует... Бесит всё. Смотришь на остальных... они активные какие-то, живут как-то, Instagram ведут. Я то, я это... Хештеги эти бесконечные... sunset#dawn#MinskEurope. Их что, действительно это прет? Или они думают, что это всерьез кому-то интересно? Вот один и тот же человек... Одноклассница моя... Вот полгода, наверное, назад, год от силы... Помнишь, я показывала тебе ее? Та, которая в Канаду уехала?

К а т я. С линзами зелеными которая?

С а ш а. Нет, с линзами Надя, она в Англии. Она проститутка там. Наверное. Фотки такие постоянно.

К а т я. А... я поняла, значит, про кого ты. А эта Надя реально, что ли? Ты точно знаешь или тебе кажется так просто?

С а ш а. Нет, ну, она просто всегда такая была. Типичная такая индусовская девка. Тупая донельзя, но самооценка будь здоров. Она и языка-то толком не знает. Elementary, не выше. А выглядит, как будто нормально зарабатывает или ее обеспечивает кто-то.

К а т я. Вот честно только, чего в тебе больше по отношению к ней... осуждения или зависти?

С а ш а. Да не знаю, противно просто, и всё. Мерзко так, когда об этом думаю.

К а т я. Так, а та, которая в Канаде, что?

С а ш а. Да я про эту радость всю. Вот постит она фотку... свадьба, все дела. #Мойлюбимый#лучшийденьвмоейжизни#счастье. И ты сидишь такая и думаешь, что вот, живут же люди. Ну и зависть есть, конечно. А через полгода, да где там через полгода, через буквально пару месяцев вообще... Развод#свобода#лучшийденьвмоейжизни. И думаешь, она реально всему так радуется или она просто тупая и ей постоянно нечем заняться?

К а т я. Я таким всегда завидую, если честно. Переезжать, жениться, разводиться... Это же типа и есть жизнь. Понятно, что не такая, как в кино, но это и есть то, чему завидуют. Потому что у многих... у большинства людей не происходит ничего совсем. Ничего. На работу просто тупо ходят.

С а ш а. И тебе непонятно, что она изначально несчастна была?

К а т я. А вот это не факт. Во-первых, нет такого счастья, которое ты себе представляешь. Ты как будто бы в белом костюме сбоку стоишь. А нет же такого счастья. Просто радуешься, чему можешь, даже не чему можешь, а тому, что кто-то этому завидовать будет.

С а ш а. Это настоящее счастье?

К а т я. Только это настоящее счастье.

С а ш а. Нет, ну честно, ты довольна своей жизнью?

К а т я. Ты серьезно?

С а ш а. Тебе позавидовали, ты рада, и всё?

К а т я. И я довольна. Я знаю, кто я, знаю, чего хочу. Никем не при-
творяюсь. Я не умная, как ты, и не летаю в облаках, потому что в ми-
нусе остаться не хочу. И да, я довольна своей жизнью, потому что
лучшей еще не добилась.

С а ш а. Как думаешь, мне нужно с ним расстаться?

К а т я. Ты себя послушай! Конечно, нужно. Женщину что делает
счастливой? Правильно, мужчина. И если ты чувствуешь себя несчаст-
ной, то это только его вина, так что...

С а ш а. Ну, может, не знаю...

К а т я. Я понимаю, что ты боишься. Ты всегда трусихой была, когда
дело парней касалось. О! Смотри, смотри, у чувихи платье как
у Бузовой... Вон у той. Так что не бойся. Вокруг тебя же толпы будут
виться, если ты чуть-чуть счастливей будешь выглядеть. Выберешь
себе потом из этой толпы кого получше, если тебе так уж отношения
нужны. Пошли вот, ради прикола просто, с теми вон поболтаем...
просто. Просто поговорим, чтобы ты не боялась и не думала, что ты
без этого своего Вадима одна останешься. Не ломайся ты. Не понра-
вится — уйдем.

Сцена четвертая

В квартире совсем темно. Кое-какой свет излучают только два включенных монитора. Вадим сидит на полу, прислонившись спиной к дивану, и перекачивает в руках «радугу». Саша входит в квартиру.

В а д и м. Что-то ты рано сегодня.

С а ш а. Как обычно. На работу завтра, я же говорила.

В а д и м. Я просто думал, ты погулять пошла с подружками... Как в этих фильмах, что ты смотришь...

С а ш а. Послушай....

В а д и м. Я же не говорю, что они плохие, чего ты опять?

С а ш а. Ага, они всегда тебе нравятся...

В а д и м. Знаешь, что я понял сегодня?

С а ш а. Может, я умоюсь сначала?

В а д и м. Так ты умывайся, а я расскажу.

С а ш а. Это вообще-то не очень удобно.

Саша идет в ванную, Вадим идет за ней.

В а д и м. Мне, короче, казалось, что у него умер брат, когда он был маленький. Я про него не помнил никогда, сегодня — что-то вспомнил. Я его, может, во второй или третий раз видел, и мне почему-то казалось, что когда он был маленький... Я же говорил уже... Так вот, это неправдой оказалось... И никто мне ничего такого про него не говорил, я просто сам так почему-то придумал... Короче, я не про это даже, вот мы были там, не знаю... Может, корпоратив какой-нибудь, или пикник... не помню, но у меня в руках почему-то лопата была...

С а ш а. Вадим! Дай мне умыться. Я всё равно не понимаю, что ты говоришь.

Саша закрывает дверь в ванную. Вадим обиженно идет в комнату, садится на свое прежнее место.

Пост Вадима

Немного трогательных воспоминаний.

Однажды я увидел птенца, выпавшего из гнезда. И у меня в руках была лопата. Со мной был еще один человек. Человек, чьего имени я уже не помню, но помню, что он был мрачный такой тип. Из тех, что по пьяни даже с друзьями могут подраться. Я пытался посадить птенца на лопату, хотел подтолкнуть его рукой. А этот тип меня резко так одернул, грубо даже, можно сказать, и говорит: «Не трогай его рукой, а то его мама домой не пустит, даже если он свое гнездо найдет».

Обновлено 2 с назад.

Саша выходит из ванной.

С а ш а. Вадим, слышишь? Мне мать сегодня опять видео прислала, как Женя на фортепиано играет.

В а д и м. Можно же пойти на курсы... Для взрослых типа музыкальные школы теперь есть.

С а ш а. Да я не хочу! Дело же не в этом! Дело в том, что я хотела в музыкальную школу, всегда хотела, плакала, просила, а ее просто так отправили, понимаешь?! Дело только в этом...

В а д и м. Я просто говорю, что можно научиться, если хочется. Что я не так сказал?

С а ш а. Всё ты не так сказал. Ты вообще слышал, что я тебе говорила?

В а д и м. Ты сложное что-то говорила или что? Что тут непонятного?

С а ш а. Почему ты выслушать просто не можешь, а сразу с советами дебильными лезешь?

В а д и м. Я не лезу, я просто сказал.

С а ш а. Лучше бы просто промолчал.

В а д и м. Я тебя вообще не понимаю. Зачем тогда рассказывать нужно было? Чтобы наорать на меня?

С а ш а. Я что, так много прошу? Просто меня бесит это всё! Я поддержки хочу. Но ты нет, какая поддержка, нет, не слышал... Ты давай сразу советы давать... Я спать, короче.

В а д и м. Саша...

С а ш а. Всё, я спать, мне на работу завтра.

Вадим некоторое время сидит на полу. Слышен звук поставленного в фейсбуке лайка. Это Саша поставила лайк под постом Вадима. *Обновлено 2 минуты назад.* Вадим встает и выходит из комнаты, прихватив с собой йо-йо и «радугу». Саша продолжает листать телефон. Через некоторое время Вадим возвращается в комнату.

В а д и м. Я последний вопрос. Я серьезно. Спрошу и пойду.

С а ш а. Один? И ты не будешь его час мусолить?

В а д и м. Не буду. Я же сказал. Просто ты так часто о ней говоришь, и я подумал...

С а ш а. Обещал же!

В а д и м. Может, нам ребенка завести... А что? Почему нет?

С а ш а. Нет потому что нет.

В а д и м. У нас бы точно всё намного лучше стало.

С а ш а. Во-первых, ты без работы...

В а д и м. Да ты же понимаешь прекрасно, что работа — это не проблема.

С а ш а. А во-вторых... Во-вторых, много чего... И вообще, как можно захотеть детей от человека, который карликов боится...

В а д и м. Да с чего ты взяла?! Что за фигня! Опять ты с этими карликами!

С а ш а. Это просто к примеру.

В а д и м. Сколько раз еще сказать, чтобы ты поняла? Я не боюсь никаких карликов, это ты в голове своей всё придумала!

С а ш а. Чего ты так заводишься тогда, если не боишься?

В а д и м. Потому что чушь всё это! Сто раз же уже обсуждали!

С а ш а. Вот объясни мне тогда...

В а д и м. Всё! В жопу!

Вадим снова выходит из комнаты.

С а ш а. Ты специально этот разговор затеял? Чтобы обидеться?

Звук сообщения на телефоне Вадима. В сообщении от Саши картинка, на которой написано: «Высокомерным карликам приходится смотреть на всех сверху вниз снизу».

Сцена пятая

Та же квартира. Вадим смотрит, как Егор играет в PlayStation. Егор весь в игре.

В а д и м. Вот видишь. Я про это и говорю...

Егор его явно не слушает и продолжает играть.

...Легко, когда есть ресурс вариативности... Тогда внимание ребенка или игрока можно удержать тупо вводом какого-нибудь необычного транспортного средства, или вообще мультик показать, чтобы между миссиями у ребенка пальцы отдохнули.

Е г о р. Что-то сушить начало. У тебя попить есть что-нибудь холодное?

Вадим обрывается на полуслове, неохотно встает.

Я слушаю, чего ты обижаешься?

Егор продолжает играть в приставку. Вадим возвращается с бутылкой минералки, бросает ее Егору. Егор делает несколько больших глотков прямо из бутылки.

В а д и м. Я про то, что раньше же такого не было. Пальцы затекали, а ты джойстик всё равно не бросал. Тер о штанины, чтобы пот с ладоней вытереть, и всё. Вот это и называется держать внимание, причем, заметь, не каким-нибудь сраным ресурсом вариативности.

Егор откладывает джойстик в сторону.

Е г о р. А как по мне, так норм игра.

В а д и м. Да где она норм? Просто денег втюхали гору целую. А игра посредственная, как не знаю что... однодневка просто.

Е г о р. Ну... Это же игра... Ее же не на века делают. Сейчас вообще всё самое крутое из игр в виртуальную реальность уходит. А это всё, это вообще уже прошлый век...

В а д и м. Так и я о том же! Всё в эту вариативность уходит! Но есть же люди, которые всё правильно понимают. Ты в Stanley Parable играл? Вот где сила! И главное, один чувак делал. Три года ее валил. Вообще все инди-игры в одиночку сделаны. Всё. Один, максимум два-три человека... А от вариативности устаешь...

Е г о р. С чего ты это решил? Кому-то... Да не кому-то, не одному кому-то, а вообще почти всем, большинству, короче, только это и нравится вообще.

В а д и м. Какое нравится? Это как блокбастер и авторское кино... Это же вещи совершенно разные, и тут категории такие, типа «нравится — не нравится», вообще...

Е г о р. Я и говорю, что блокбастер сила, потому что большие сборы имеет, в этом гениальность. А не в том, что какой-то задрот снимет фильм про второго задрота, который на пердящем трупе третьего задрота по морю плывет.

В а д и м. Но не только же ради денег всё.

Е г о р. Вот тут я принципиально не согласен. Это продукт. Игра или фильм, неважно. Это в первую очередь продукт, а не какое-то там твое слово, твое видение или еще какая фигня... Продукт, и всё, как сметаны пачка. А поскольку это продукт, то он должен продаваться, и всё. И чем за большие деньги, тем лучше.

В а д и м. Ты просто в Stanley Parable не играл, вот и не понимаешь... Потому что устаешь от вариативности... Хочется же отдохнуть... Даже играя отдохнуть... отвлечься на что-то одно. Как, например, тетрис... Почему, думаешь, он такое популярный был? Потому что игрок знает действие и знает, что за ним следует, знает, что ничего другого не будет, и он этому рад.

Е г о р. Не было ничего другого просто!
В а д и м. Или змейка на первых «нокиа».

Егор нехотя слушает, пьет, пытаясь прогнать зевоту.

Вот даже в качестве примера... Просто это же по всему видно... Вот посмотри теперь на эти дебильные спиннеры и сравни с йо-йо. Я просто думаю сейчас... Ну, игру пилю, не то чтобы вообще уже там пилю, так, начал просто. Мне образ нужен какой-то... Сильный такой образ, чтобы через всё проходил... Я поэтому много времени про эти девайсы думаю... Вот сравни спиннеры с йо-йо или с этой «радугой» шагающей. Спиннеры — это лоховская такая фигня... попсовая совсем, понимаешь?

Е г о р. Блин, да это же почти что юла просто...

В а д и м. Точно! Юла! Юла — это офигительный образ... Он такой топорный... Обычный волчок металлический! Пустил, и он крутится до сбоя! Точно! Волчок! Это прямо попадание такое точное, просто тот образ, что нужен! И нифига волчок не спиннер, это вообще не одно и то же, потому что волчок — это классика.

Е г о р. Волчок, как в фильме «Начало», обычный такой, металлический, да?

В а д и м. Как в фильме «Начало», точно... Значит, волчок не подходит... Попсовая тоже фигня...

Е г о р. Не подходит под твою жизненную концепцию или для не выдуманной еще игры?

Вадим сильно замедлился.

В а д и м. А фиг знает... При чем тут моя жизненная позиция?.. Я же тебе вообще не о том говорю... Завари вообще чая, что-то меня разморило совсем...

Егор идет на кухню. Вадим садится за компьютер, смотрит ролики с волчком из фильма «Начало».

Е г о р. Я не буду по чашкам, просто в термос эту плитку кину...

В а д и м. Да... да, как хочешь...

Шум электрического чайника. Громкий звонкий щелчок. Егор возвращается с термосом и чашками. Смотрит, как Вадим смотрит, видно, ожидая, когда звук утихнет.

Е г о р. А Саша что? Не пилит?

В а д и м. В смысле?.. Ты что, в термос заварил?

Е г о р. Я же спросил.

В а д и м. Ладно, в термос так в термос.

Е г о р. Так что Саша? Ничего не говорит?

В а д и м. Не особо... Нет, она молодец, конечно... Это сколько я уже без работы... не помню уже... Нет, она реально молодец... Верит в меня и всё такое...

Е г о р. И что, нормально всё?

В а д и м. В общем, да... нормально. Как обычно всё, короче... только... да ладно, фигня всё это...

Е г о р. Рассказывай, чего ты...

В а д и м. Забей. Нечего рассказывать...

Е г о р. Начал, так говори, кто так делает вообще-то?!

В а д и м. Просто... Да я... Ну, не рассказывать же о таких вещах...

Егор разливает чай по чашкам. Пауза.

Ты обмыл его, сполоснул?

Е г о р. Обмыл. Сполоснул, да...

В а д и м. Просто с сексом... что-то редко последнее время...

Е г о р. С анальным?

В а д и м. Господи! С любим...

Е г о р. Расслабься, я шучу просто...

В а д и м. А-а-а... Просто не клеится всё как-то... Может, период типа в отношениях такой...

Е г о р. Какой период? Вы же не женаты даже. Детей нет и всё такое...

В а д и м. Нет, ну всё равно... Мы же давно, это... вместе.

Е г о р. Может, у нее есть кто-нибудь? Не думал? Она же ничего такая... симпатичная.

В а д и м. Это нет. Я бы знал.

Е г о р. Откуда?

В а д и м. Точно тебе говорю. Просто знал бы, и всё.

Е г о р. Ты следишь за ней или что?

В а д и м. Нет. При чем тут это... Просто это же отношения... в них такие вещи чувствуются... Слушай, у тебя же много девушек было?

Е г о р. Много, конечно.

В а д и м. Не в смысле... девушек... А тех, с кем ты спал?

Е г о р. Много, да.

В а д и м. А как ты с ними вообще про анальный секс говорить начинаешь?

Е г о р. Если ты об этом заговорить попытаешься, то тебе точно ничего не светит.

В а д и м. И как тогда?

Е г о р. Просто. Без особых переговоров. Типа страсть и всё такое. Как будто голову потерял, понимаешь? Начинаешь стонать как идиот, кривляться, шептать там разное, вроде «люблю тебя», «так хорошо только с тобой» и всё такое... А потом просто, главное — быстро. Пока не поняла. Просто раз-два — и в дамках. Сильно только не упорствуй, если быстро не получится, а то тебя точно маньячилой выставят.

В а д и м. И что, реально так просто... Ни разрешения спросить и ничего такого?

Е г о р. Да об этом только заговори... как ты ей вообще это объяснить собираешься? Просто обычно, если девушка этого хочет, то она как бы сама об этом начинает говорить, так, типа, издалека...

В а д и м. Только честно. Был у тебя с какой-нибудь телкой секс анальный?

Е г о р. Был, конечно. И не раз.

В а д и м. Ай, хватит заливать.

Е г о р. Ну как я тебе по-другому докажу?

В а д и м. Ну ладно. Допустим, я верю. И что?

Е г о р. Потому что если ты сам начнешь об этом говорить, то тут сразу вопросы такие начнутся, типа ты что гей или извращенец и всё такое...

В а д и м. У тебя так спрашивали?

Е г о р. У меня нет, я же говорю... Просто нужно правильной методикой пользоваться.

В а д и м. Твоей, что ли?

Е г о р. Ты спросил — я ответил.

В а д и м. Фигню городишь просто...

Е г о р. Сам же спросил.

В а д и м. Просто типа там же смазка нужна, подготовка какая-то...

Е г о р. Фигня всё это.

В а д и м. Что, смазка?

Е г о р. Да всё! Ты где это вообще всё вычитал?

В а д и м. В интернете, где еще...

Е г о р. Ладно. Она сама любит что-то такое? В смысле жесткое что-нибудь? Ей нравится, когда ты с ней жестко так как-нибудь обращаешься?

В а д и м. Можно и так сказать.

Е г о р. Как — так?

В а д и м. Недавно ударила меня... И не так, что просто ударила и всё... А несколько ударов прямо подряд... Пощечин пару... дала, отвесила... как про пощечины вообще говорят...

Е г о р. А потом?

В а д и м. Что потом?

Е г о р. Потом вы с ней сексом занялись?

В а д и м. А, да, конечно. Но он, по правде сказать, не жесткий был, а такой страстный просто, как обычно у нас.

Е г о р. Короче, это бред. Забудь. Ни на что она тебе не намекала, просто ты ее бесишь. А в этом деле главное — страсть. Страсть и доминирование. А всё остальное ни при чем.

В а д и м. Всё. Проехали.

Е г о р. Но ты подумай. Может, у нее на самом деле кто-то есть? Как правило, дело всегда в этом. Нет других причин не хотеть секса. Я вот всегда хочу...

В а д и м. Это потому что у тебя нет никого.

Е г о р. Спорим, у меня за последний месяц секса больше было, чем у тебя?

В а д и м. У меня его последний месяц вообще не было.

Е г о р. Почему ты так уверен тогда, что она не изменяет тебе, не могу понять? Или ты следишь за ней, соцсети взламываешь?

В а д и м. Нет. Я что, на такого невротика похож?

Е г о р. Похож, да.

В а д и м. Но я ничего не слежу и не взламываю. Просто это отношения же, в них всё само видно... Сразу. Если что-то такое... Тебе не понять просто... У тебя же не было таких долгих отношений... Да ты и не жил ни с кем, наверное, кроме мамы.

Е г о р. А я не хочу с кем-то жить. Мне это в принципе не нравится. Даже если до утра какая-нибудь остается, то мне от этого дискомфортно, понимаешь?... Мне одному хорошо. И женщин менять нравится. Хочешь рыжую, грудастую там или жопастую... всегда же по-разному хочется... И я как бы современный человек... без предрассудков... умею пользоваться интернетом. Это удобно и просто, и всегда...

В а д и м. И детей, скажешь, не хочешь?

Е г о р. Нет! Дети — нет. Не мое никогда. Ты, что ли, их хочешь?

В а д и м. ...Я да. Хочу.

Е г о р. И куда вот тебе дети? Ты же сам еще как ребенок.

В а д и м. С какого это я как ребенок?

Е г о р. Просто дети... Это же нужна тогда работа постоянная. Ответственность и всё такое. От этого уже не отвертись тогда.

В а д и м. Буду работать.

Е г о р. Кем? Менеджером или на Wargaming пойдешь?

В а д и м. Может, и пойду.

Е г о р. Да ла-а-одно... Они же попсу одну делают... Хороший чай, видишь, и детей захотел, и работу...

В а д и м. Я не то чтобы сейчас, я вообще... Раньше еще захотел. Давно.

Е г о р. Восемь часов в день, с восьми до пяти, а потом домой, чтобы с кем-то нянчиться?

В а д и м. Я про это не думаю вообще. Просто я начинаю понимать, то есть понял уже совсем, что дети... Что в этом много смысла, короче. А без детей мало. Это как бы собирает, группирует и оставляет главное.

Е г о р. Слушай, я пойду уже.

В а д и м. Но тут дело не в том, что я сгруппироваться хочу. Это как бы немотивированное такое желание. Просто сильно хочется. А зачем — не знаю. Мне, короче, кажется, что это классно... дети.

Егор наливает себе чай. Выпивает быстро, несколькими торопливыми и большими глотками, страдая от того, что чай сильно горячий.

Е г о р. Я, короче, пойду.

В а д и м. Ты же говорил, что до четырех свободен?

Е г о р. Забыл. Пообещал там просто одной.

В а д и м. Серьезно, да? А то вроде нормально так сидим.

Егор встает, направляется к двери.

Е г о р. Seriously. Рад был повидаться. Классно посидели.

Вадим идет за Егором.

В а д и м. Подожди, ты же забыл...

Вадим возвращается в комнату, что-то ищет на столе.

Е г о р. Да ладно. Тебе, по ходу, нужнее. Пока.

Егор выходит, закрывает за собой дверь. Вадим закрывает дверь на ключ. Наливает себе чай, садится на пол, прислонившись спиной к дивану.

Сцена шестая

Вадим садится за ноутбук, вставляет в него флешку, загружает видео. На записи: данные с регистратора из машины Саши. Машина медленно, в несколько приемов, выезжает с парковочного места в плотно заставленном дворе. Вадим делает звук погромче. Слышно, как Саша что-то ищет в бардачке. Перед машиной неожиданно появляется мужчина с ребенком, Саша резко оттормаживается. Мужчина крутит пальцем у виска, глядя на Сашу.

С а ш а. Сам по сторонам смотри, придурок!

Машина выезжает из дворов. Светофоры. Широкая улица. Люди на остановках и автобусы-гармошки. Велодорожка вдоль улицы. И там кто-то бегают, а кто-то катается на велосипеде. Саша включает радио. Вадим останавливает видео. Открывает соцсеть, перечитывает свой пост. У поста всё еще один лайк. Обновлено два дня назад. Вадим удаляет пост. Печатает.

Пост Вадима

Не то чтобы сильно интересно или что-то такое. Котаны, не пойте неправильно. У кого какое соотношение лайков к количеству друзей? А соотношение просмотров к количеству друзей? Победителя определит генератор случайных чисел.

Обновлено 1 с назад

Кажется, ему стало легче. Он довольно улыбается, встает, подходит к зеркалу, разглядывает кожу на лице. Он очень доволен. Таким он бывает редко. Но даже ему не до конца понятно каким. Не то очень остроумным, не то очень успешным. Вадим идет на кухню и ставит чайник. Потом включает музыку. Музыка ему нравится. И ему нравится этот день. Заходить в социальные сети, чтобы проверить, сколько лайков и просмотров у его поста, он до вечера не будет. Это он себе пообещал. И он рад, что он такой. С чашкой кофе он возвращается к компьютеру и снова включает видео. Некоторое время машина просто едет. У Саши звонит телефон.

Запись с видеорегистратора № 2

С а ш а. Алло. Да, привет. Могу. Ничего страшного, да. Всё нормально. Пока еще ничего не случилось. Заранее нельзя говорить, а то не сбудется. Ага. А как случится, так я сразу расскажу. Да. Но ты в следующий раз еще неизвестно когда позвонишь. Всё равно мог бы. Было бы желание. В конце концов вайбер есть. Мог бы хоть что-нибудь ответить. А то я подумала, что ты меня за дуру принял, а это просто шутка такая. Нет, дело не в том, что я детей не люблю. Дети — это

реально прикольно. Просто у меня... парень был... По правде сказать, эти мои последние отношения такие большие были, что просто кабздец... Так этот парень, короче, так он реально карликов боялся. И в то же самое время детей хотел. Прикинь. Я ему говорю: а как ты типа будешь детей любить, если ты всего, что тебя ростом ниже, боишься? А он твердит... ну, говорил раньше, что это не одно и то же. Да! Прикинь! Хотя разобраться... если вот внешне чисто судить, то дети, они же самые что ни на есть карлики. Они же как бы даже ростом одинаковые... ручки эти маленькие... ножки... С чего это началось вообще? Он бы сам, конечно, ни в чем таком бы не признался. Мы в очереди с ним стояли, а перед нами пара, ну, лилипут с лилипуткой. Да, все равны. И фотографка, и лилипутка. Да подожди ты. Прекрати, а то я сбиваюсь. Да, феминитив. Короче. Эти лилипуты, они еще реально влюбленные такие, обнимаются, целуются, все дела. Но их как бы реально и не видно почти. От кассирши продуктами отгородились, и всё, в домике. А Вадим... Да, бывший. Он к ним не подходит даже и близко. Стоит в метре, а может, даже и дальше еще. Сзади уже очередь напирает — им же не видно, что там спереди у нас под ногами делается, они думают, что это наши продукты лежат. Неудобно так было, просто капец. А Вадиму реально не по себе. Я же знаю, когда ему не по себе. Мы вышли потом, я и спрашиваю, в чем, мол, проблема была, а он и говорит... Нет... короче ладно, проехали... Я не буду это говорить, забудь. Блин, нет, не могу. Это так некрасиво... так нельзя говорить, тем более про карликов. И ты будешь думать, что я постоянно так ругаюсь. Ла-а-а-а-адно... Только я предупредила. Он, короче, говорит: «Мне что, нужно было стоять им по плечам болтом тереть?» Типа за обычным человеком можно стать в очередь, а за карликом нельзя. Но они же тоже обычные как бы, считается. Они реально мелкие и пришли в магазин, так что они как бы должны были быть к этому готовы. И без разницы, целуются они там или нет. Они же должны себя как все чувствовать, а не то, что вокруг них очередь расступается. Тем более они наверняка все давно привыкли, что они даже старшеклассникам по пояс, так что это их конкретно не должно было смущать. Короче, он оправдывался просто, чтобы, знаешь, страх свой замаскировать. Ладно. Глупо шуточки объяснять. Это никогда не смешно. Я уверена, ты из вежливости смеялся. Да ладно. Но ты умеешь слушать. Вадим бы меня уже тысячу раз бы перебил и так бы не дослушал.

Сцена седьмая

Саша и Катя пьют кофе в кафе.

К а т я. Ну что? Рассказывай.

С а ш а. Нечего особо рассказывать.

К а т я. Он звонил хотя бы?

С а ш а. Да. Вчера.

К а т я. Днем или вечером?

С а ш а. А какая разница?

К а т я. Днем только женатики звонят.

С а ш а. Вообще-то днем, но я сбросила. Он потом вечером перезвонил. Думаешь, он женат?

К а т я. Вот про это точно сильно думать не нужно. Он же вроде нормальный такой, солидный. Или в общении он не очень?

С а ш а. Да нет, в общем-то очень... то есть обычный. Нормальный, наверное. Я не сильно поняла, короче.

К а т я. А что он говорил?

С а ш а. Да так, по мелочи... Ничего особенного. Я в основном говорила...

К а т я. Страницу его хоть прочекала?

С а ш а. Нормальная вроде страница. Спортом, кажется, занимается, хотя каким, непонятно. Может, просто это питание спортивное ест.

К а т я. Бицепсы-трицепсы в зеркале фотографирует?

С а ш а. Нет, в нем, кажется, гейского такого особо нет. Нормальный вроде.

К а т я. Тебя понять вообще-то еще уметь нужно. Ссылку кинь.

Саша лезет в телефон, сбрасывает ссылку Кате.

Девушка! Девушка! Какой у вас пароль от вайфая? Seriously? Три ноля, два ноля, ноль? Наверное, вы его сами придумали, да? *(Саше.)* Вот хамка тупая! *(Вводит пароль.)* Нет, глянь ты... подходит. Подожди, я отпишусь сначала. Реально важная фигня...

Катя клацает ногтями по телефону. Кажется, она не пишет фразу целиком, а отправляет каждое набранное слово. Саша какое-то время просто смотрит по сторонам, затем берет в руки телефон, листает Instagram.

Не, ну он нормальный вроде. Машина неплохая, в новом кузове. После две тысячи девятого года. Короче, деньги есть и неженатый. Везет же тебе!

С а ш а. С чего это? Мы раз только по телефону поговорили.

К а т я. Переписывались?

С а ш а. Один раз шутку ему послала, и всё.

К а т я. А он?

С а ш а. Шутку в ответ или стикер какой-нибудь, я не помню.

К а т я. Значит, с Вадимом вопрос решенный?

С а ш а. Сегодня с ним поговорю. Нет сил больше.

К а т я. Вот это я понимаю! Правильно! Хватит! Сколько можно?! Со своим отношением к жизни пусть себе продавщицу какую-нибудь ищет.

С а ш а. Так-то я тоже менеджер.

К а т я. Так-то и я менеджер, если ты забыла. А он себе продавщицу пусть ищет, понимаешь? У него же уровень реально не твой. Ты на него посмотри только... Таких, как он, много, каждый второй или даже третий.

С а ш а. Каждый третий меньше, чем каждый второй.

К а т я. Какая разница, ты же всё равно поняла, о чем я. Не цепляйся к словам.

С а ш а. Я не цепляюсь, я просто...

К а т я. Решила, и молодец. Я за тебя только рада. Вот серьезно! Упустил свой шанс, теперь всё, давай до свиданья. К этому нужно легко относиться и не грузиться, как ты. Он никогда не был твоей судьбой. Это просто случайность, и всё.

С а ш а. Да откуда ты знаешь?

К а т я. Такое видно, это же чувствуется. Когда судьба, тогда это сразу видно.

С а ш а. По чём видно?!

К а т я. Да по всёму видно, когда судьба! Когда предначертано так. Тебе реально большие возможности предназначены, а не с ним в четырех стенах сидеть.

С а ш а. Ну, может...

К а т я. Ты тогда сегодня уже у меня ночевать будешь?

С а ш а. Я не знаю. Что, сразу нужно?

К а т я. Конечно, сразу, а ты как думала?

С а ш а. Я никак не думала... Никогда не расставалась с тем, с кем вместе жила.

К а т я. Так вот я тебе говорю.

С а ш а. А ты же ни с кем никогда не жила, да?

К а т я. Нет, не жила. Но это не потому, что у меня возможности не было. Возможностей было хоть завались, просто мне это не нужно совершенно.

С а ш а. Да я просто к тому, что ты так всё хорошо знаешь, а откуда?
К а т я. Школа жизни. Учусь хорошо.

У Кати звук сообщения на телефоне. Она что-то отписывает и говорит одновременно.

Послушай... Тут еще дело такое... Ну... пока ты у меня жить будешь, будем же вместе за квартиру платить... Так ты это... я же вперед за квартиру плачу... Хозяйка так хочет. Так ты тогда сразу тоже скинься, месяц же ты точно у меня проживешь.

С а ш а. Я не знаю...

К а т я. Я думаю, даже два-три месяца можно сразу оплачивать. Вряд ли тебе захочется сразу с кем-то съезжаться после такого неудачного опыта. Ну, ты же меня понимаешь?

С а ш а. Наверное... Положи ты этот телефон уже! Мы же разговариваем!

Катя дописывает сообщение, всё еще отправляя каждое слово по отдельности.
Откладывает телефон в сторону.

К а т я. Ты уже в лучшую сторону меняться начинаешь. Ты сама-то хоть чувствуешь? *(Лезет в сумочку, достает ключи, протягивает Саше.)* Я сегодня точно дома ночевать не буду. Возьми на всякий случай, чтобы потом меня не дергала просто. За мной просто подъедут сейчас. Девушка, можно счет?

С а ш а. Сегодня не нужно, правда, спасибо.

К а т я. Возьми. Ты же не знаешь, как сегодня всё пройдет. *(Берет в руки счет.)* У тебя есть наличка? У меня просто карточка только. Спасибо.

Саша кладет деньги на стол.

Нет. Так не пойдет, подожди. *(Забирает со стола одну купюру.)* У меня копейки есть, подожди. *(Отсчитывает какую-то сумму мелочью, небрежно высыпает на стол.)* Она и не заслужила на чай. Ты слышала, каким тоном она пароль говорила? Две чашки кофе принести большого ума не надо. Не перетрудилась. Всё, пойдем. Я всегда принципиально последнее время только карточкой плачу. Потому что они специально цены так формируют, чтобы на чаевые оставалось. Поэтому запомни: платить нужно только карточкой. Поняла?

С а ш а. Поняла.

Сцена восьмая

Саша входит в квартиру. Вадим лежит в комнате на диване и никак не реагирует. Саша долго возится в прихожей, наверное, ожидая каких-то привычных слов, так ей было бы значительно проще начать.

С а ш а. Тебе что, трудно было этот лайк мне поставить?

Вадим не отвечает.

Почему даже лайки с твоего аккаунта я себе сама должна ставить? Ты хоть когда-нибудь вспоминаешь, что мужчина ты, а не я? (*Проходит в комнату.*) Ты спишь или что?

В а д и м. А может, тебе лайки твой хахаль будет ставить, а не бывший?

С а ш а. Это еще что за фигня?

В а д и м. Вот и я думаю, что это за фигня! Может, ты мне и расскажешь?

С а ш а. Что расскажу? Ты совсем уже с катушек слетел со всей своей фигней?

Вадим включает запись с видеорегистратора. Дорога. Голос Саши из динамиков. Вадим делает громче.

Г о л о с С а ш и. Нет, дело не в том, что я детей не люблю. Дети — это реально прикольно. Просто у меня... парень был... По правде сказать, эти мои последние отношения такие больные были, что просто кабздец... Так этот парень, короче, так он реально карликов боялся. И в то же самое время...

Вадим останавливает запись.

В а д и м. Или еще послушаем?

С а ш а. Ты всё время?! Что это такое вообще?! Ты что, всё время?! Ты что, смотришь это, слушаешь целыми днями?! Да ты больной, на всю голову больной придурок! Ты понимаешь, что так не делают нормальные люди?!

В а д и м. Я больной?! Ну конечно!!! Всегда же я во всём виноват! И в том, что отношения у нас не клеятся, конечно, я виноват, а не то, что ты с каким-то упырем мутишь!

С а ш а. Я не мучу ни с кем, просто...

В а д и м. А я карликов не боюсь! Но тебе об этом неоткуда знать! Я же не говорил тебе об этом тысячу раз, правда?!

С а ш а. Да я знаю, это просто шутка...

В а д и м. Что это за шутка такая, если ты ее одновременно отправляешь мне, чтобы меня позлить, и хахалю своему, чтобы надо мной посмеяться?!

С а ш а. Я поверить не могу, что ты эти записи смотришь! Как это вообще могло в голову прийти? Это же так... подло!

В а д и м. А с твоей стороны не подло лайки с моего аккаунта ставить, когда ты с кем-то мутишь? А я сижу такой, типа грущу о тебе, типа как debil, грустный такой бывший...

С а ш а. Вадим, послушай, это не так всё. Ты не так всё подумал и...

В а д и м. Дальше включить?!

С а ш а. Ну, не в том дело... Просто это понять всё можно по-разному... И ты как раз так понял... неправильно, как не есть на самом деле...

В а д и м. Да иди ты в жопу! Что тут не так понять можно? Ты с кем-то развиваешь какую-то связь, какие-то там отношения выстраиваешь, приходишь домой и каждый день меня тюкаешь за то, что якобы из-за меня всё рушится! Тебе не приходило в голову, что всё из-за тебя? Что это ты всё похерила и обосрала?

С а ш а. У меня... у меня с ним не было ничего...

В а д и м. Мы с тобой столько лет вместе... Ты хоть представляешь, каково это? Хоть на какой-нибудь маленький процент представляешь?

С а ш а. У меня ничего ни с кем не было, я не изменяла тебе, не предавала...

В а д и м. А сильно бы хотела? Признайся, сильно?

Вадим на какое-то время снова включает запись.

По голосу кажется, что ты прямо сейчас бы ему дала!

Саша пытается выключить запись.

Послушай, послушай. Ничего, мне тоже неприятно...

С а ш а. Да это не всерьез всё, не по-настоящему...

В а д и м. Не по-настоящему я карликов боюсь. А здесь я всё вижу и слышу. И тут как-то двусмысленно что-то понять невозможно просто.

С а ш а. Вадим, послушай... Выключи это и послушай... Пожалуйста...

Вадим останавливает запись.

В а д и м. Что тут слушать? Ты думаешь, я чему-то верить сейчас буду? Тому, что ты будешь говорить? Оправданиям каким-то, ужимкам? С а ш а. Я не вру, послушай...

Вадим идет в прихожую, роется в шкафу.

Просто послушай... Без всякого. Куда ты собрался? Там тепло. Вадим, тебе не нужна куртка.

В а д и м. Я не хочу это продолжать. Просто не хочу. Никакого смысла в этом не вижу. Ты в меня ни на минуту не веришь и никогда не верила. Никакой поддержки мы друг от друга не получаем. И это никому из нас не нужно. Ты всё равно со мной только временно. Теперь я это четко понимаю. Нос у тебя всё время по ветру, и вместо того чтобы отношения строить, как-то заботиться друг о друге, ты только и ищешь, где бы это поудачней присесть. Тут не про чувства, не про отношения... Тут вообще ни о чем.

Вадим находит куртку на вешалке, под ворохом Сашиной одежды. Сашину одежду Вадим не сбрасывает, хотя мог бы. Вместо этого он аккуратно вытягивает свою куртку, поправляет висящую сверху одежду и вешает вешалку на место.

С а ш а. Куда ты собрался? Вадим, там правда тепло. Тебе не нужна куртка.

В а д и м. Вот правда, зачем я тебе? Зачем ты сейчас это всё? Оправдания какие-то... какой с меня толк? На меня ведь только жаловаться можно жлобам тупорылым каким-то.

С а ш а. Да я не жаловалась никому... ты если бы просто меня послушал... Я всё объяснить могу... и всё это ровным счетом ничего не значит и не так, как ты думаешь.

В а д и м. Я уже никак не думаю.

Вадим выходит из квартиры.

Сцена девятая

Вадим в квартире Егора.

В а д и м. Она не звонила?

Е г о р. Нет.

В а д и м. Будет звонить, не говори, что я у тебя. И вообще не говори, что я звонил.

Е г о р. С чего она мне звонить станет. У нее как бы и номера моего нет. Случилось что?

В а д и м. А где? Ты же говорил, что с девушками сидишь.

Е г о р. Там у кого-то случилось что-то, они и двинули.

В а д и м. Да двадцать минут прошло!

Е г о р. И что? Это не время, по-твоему, или что?

В а д и м. Типа двадцать минут — это же, блин, мало совсем.

Е г о р. Ты же из дома вышел наверняка не про время поговорить?

В а д и м. Просто зашел. Ты ко мне заходишь, я к тебе зашел.

Е г о р. Проходи тогда. Всё равно одному как-то скучновато играть.

Егор и Вадим входят в комнату. В комнате два телевизора: современный, с большим экраном, и маленький, с выпуклым кинескопом, к которому подключена приставка SEGA.

Я и говорю, этот новый телевизор почти что думать умеет, а выхода на пять лапок нет. Солью сейчас раунд, подожди...

Егор снимает игру с паузы и специально проигрывает раунд.

В а д и м. Нормальная же игра, да?

Е г о р. Я ее как бы совсем не помню. Помню, что играл, но по музыке только. Как-то мимо прошла.

В а д и м. Может, у тебя тогда родичи разводились?

Е г о р. Да хватит всем какие-то травмы придумывать. Просто не помню, ладно?

В а д и м. Ладно.

Е г о р. В контришку, может? Вдвоем, без читерства.

В а д и м. Помнишь эту фигню? На крыле самолета раунд? Под конец уже самый? Для меня это шок вообще был, что, когда над пулями подпрыгиваешь, тебя ветер сдувает. Таким это крутым казалось.

Е г о р. Загружаю?

Егор вставляет картридж. Включает игру.

Ты сочетания клавиш помнишь?

Звук перестрелки.

В а д и м. Вспомню сейчас, тут кнопок-то не сильно много. Две минуты надо.

Е г о р. Считай, что я засек. Раз, два, три, четыре...

В а д и м. Завали! Дай сосредоточиться. Всё! Вот этот кувырок!
Погнали.

Какое-то время молча играют.

Е г о р. Из дома сложно было выйти? Совсем сложно или как-то само собой получилось? Ты не слушай, а за игрой следи!

В а д и м. Само собой как-то.

Е г о р. Типа ничего не вывело из себя?

В а д и м. Не знаю... Засиделся просто или что-то вроде того. Вроде того — нормальный ответ? Всё. Вспомнил. Надо теперь только где-то жизни раздобыть.

Е г о р. Без читерства только.

В а д и м. И где мне жизни взять?

Е г о р. Смотри. Тут всё есть. Как ты и говорил, вариативности ноль.

В а д и м. Сам найду.

Е г о р. С Сашей рубанулись?

В а д и м. Вроде того.

Е г о р. Не хочешь — не говори.

В а д и м. Да просто нечего говорить. Я иногда вообще не понимаю, что я с ней делаю и что это всё за фигня такая. Я, наверное, процентов восемьдесят времени, и не то чтобы того времени, когда она дома, а вообще всего времени, просто злюсь... злюсь, и всё. На нее, на себя, на то, что всё так криво и убого как-то. И у меня эта фигня накапливается. Я уставшим себя чувствую постоянно. Как лимон выжатый. Ни сил, ни воображения ни на что нет.

Е г о р. Так это же просто решается. Разбегайтесь, и всё. Что тут думать особо?

В а д и м. Как тебе кажется... она тоже несчастна?

Е г о р. Не знаю... Но вообще мне кажется, что не может женщина с несчастливым мужчиной быть счастлива. Это каким-то извращением отдает.

В а д и м. Она тебе так говорила?

Е г о р. Когда она мне говорила? Я, когда с вами обоими вижушь, вы вообще идеальной какой-то парой прикидываетесь.

В а д и м. Скажи! Это просто клиника какая-то! Вот мы минуту назад ругались, всё, злые как черти, с пеной у рта, а ты приходишь — и она ведет себя как ни в чем не бывало. Обнимается, за руку меня держит постоянно и всё такое. А как только вдвоем остаемся, она всё по новой, весь этот треш.

Е г о р. Мне иногда кажется, что вы вместе только потому, что вы оба мазохисты просто.

В а д и м. Да, нужно заканчивать всё это. Сил нет реально.

Е г о р. Не расслабляйся. Первый уровень простой самый.

В а д и м. Я у тебя переночую сегодня?

Е г о р. В смысле?

В а д и м. В смысле — в смысле? Переночую или нет?

Е г о р. У меня это... Как бы один диван и это... Ты реально с ней расставаться собрался или что?

В а д и м. Ага.

Е г о р. Ну и правильно. Сколько можно?

В а д и м. Я спокойно хочу жить. Я могу быть счастливым без ее этих постоянных... не знаю... как вцепились друг в друга... Мы как сошлись, так больше чем на двое суток и не расставались, наверное.

Е г о р. Сколько это вы лет уже?

В а д и м. Лет пять.

Е г о р. Да. За пять лет можно было успеть отношения выстроить. Чисто теоретически это же возможно. У каждого по две-три привычки и набор почти одинаковых знаний. Вроде ничего сложного.

В а д и м. Так я переночую у тебя?

Е г о р. Мне как бы неудобно будет с тобой в одной кровати спать. Не на полу же мне тебе стелить...

В а д и м. Ладно. Проехали. В крайнем случае, если что, на кухне у тебя посижу.

Е г о р. Но ты же домой всё равно пойдешь сегодня? Хотя на какое-то время?.. Хотя бы просто с ней поговорить, да?

В а д и м. Выходит, что да.

Е г о р. Такие вещи сразу нужно делать, как только решил. Потому что если до утра затянешь, то уже потом вряд ли поговоришь, потому что ясность эта спадет.

В а д и м. Я понял. Забей.

Е г о р. А в пятницу тогда затусим нормально, чтобы тебе не сильно маяться от этой всей фигни.

В а д и м. Так а до пятницы что? Ты и не зайдешь даже?

Е г о р. Сегодня так-то среда уже. Посидишь один, кинчики какие посмотришь.

В а д и м. Всё. Забей.

Е г о р. Ты от игры не отвлекайся.

В а д и м. Я не отвлекаюсь, тут кнопка западает просто.

Сцена десятая

Вадим входит домой. Он старается не шуметь, но, заметив свет в комнате, небрежно и шумно бросает ключи.

С а ш а. Привет.

Вадим не отвечает.

Вадим, послушай, я знаю, что ты злишься и всё такое... И ты в этой ситуации прав. Хочешь злиться — злись. Не нужно это в себе копить. Нужно давать эмоциям выход. Мне просто с тобой поговорить нужно. Мне, если честно, больше некому об этом сказать.

Вадим идет на кухню, включает чайник. Замечает на полке «радугу», берет ее, крутит в руках, запутывая и распутывая какие-то фигуры.

Помнишь, я тебе говорила, что ко мне сестра в друзья добавилась?

В а д и м. Ты не говорила.

С а ш а. Серьезно, не говорила? А мне казалось, что говорила... Может, ты забыл просто?

Вадим не отвечает, откладывает «радугу», засыпает чай в заварник, снова берет «радугу» в руки.

Она добавила меня в друзья, а я как бы не знала, что делать. Типа дружить с ней? Или что? Не рассказывала, да? А сегодня я с ней переписывалась просто, когда ты ушел. Это странно всё так просто. Она же просто поговорить хотела, а я из этого проблему какую-то раздула, и это прямо давило на меня как-то. А сегодня я просто подумала, а почему бы и нет? Это же несложно вообще. А она сразу такая с ходу пишет, что типа я забыла поздравить ее с днем рождения. Сразу такая обиженная. И страница у нее такая... я не такими себе детские страницы представляла — все эти коттики, собачки, героини какие-то мультяшные... У нее ничего такого нет. Не подписана на все эти стремные страницы с детским юмором. У нее простая нормальная такая фотка на аватарке, друзей не три тысячи, и своим именем подписана, без всяких форм уменьшительно-ласкательных. Обычная, короче, просто нормальная, прикинь. А я мало того что ее в друзья не добавила, так еще и с днем рождения этим... На самом деле мне даже считать пришлось, сколько ей лет.

В а д и м. Чем еще занималась?

С а ш а. Там на видном месте просто лежало. Я немного совсем. Так ты дослушай, подожди. Мне же мать шлет постоянно эти все видео, где Женя, короче, играет на пианино, а Женя, прикинь, Женя вообще в художественную школу хочет. Ей музыка вообще не нравится, и мать... Короче, Женя просила мать подарить ей краски и кисти на день рождения. Беличьи, они хорошие такие кисти, и стоят, в принципе, прилично. А мать, ты только послушай, она ей вместо этого рюкзак купила и циркуль, типа чертить, раз ей так рисовать нравится. Тупо циркуль купила. А она, она реально нормальная малая. Что ей сейчас с этим циркулем делать? Круги им чертить? Это просто жуть, как ей там сейчас фигово. Это всё один в один просто, как у меня было, понимаешь? Не хочешь — давай через не хочу. Не можешь — давай через не могу. Как будто это упражнение какое-то полезное. Да я с детства самого даже есть не люблю — я от этого удовольствия никакого не получаю. Никакого абсолютно. А что если бы я тогда, вот если допустить что-то такое, что я взяла бы и сделала? Что-нибудь? Чего мне действительно хотелось? Всё бы реально иначе могло быть. Достаточно было бы просто один раз что-то такое сделать. Но я ни-фига такого не сделала. Мне всё одобрения какого-то хотелось, похвалы какой-то. Но от нее не дождешься, это я сейчас четко понимаю. Не добьешься, что ни делай. И так получается, оно до сих пор только так получается... Через не могу, через не хочу, потому что это уже привычка такая, это модель. Как есть левши и есть правши. Так и с этим. Уже не переучишься. Это навсегда уже. Я вот, когда что-то для себя делаю, только для себя... и неважно что... меня тревога какая-то разбирает, будто она где-то шепчет в голове: «Эгоистка неблагодарная. О других бы подумала». Понимаешь, без чувства этого постоянного дискомфорта, без превозмоганий этих постоянных... через не хочу, уже всё... уже мандраж какой-то нервный. Уже не знаешь, что делать, потому что все эти превозмогания почти всё место внутри занимают.

Вадим заваривает чай.

Ты понимаешь всю эту фигню?

В а д и м. Не то чтобы...

С а ш а. А я же реально с малой себя как мать веду. Я ее тупо игнорю, а это тоже модель. И я боюсь, потому что знаю, что так оно и будет. Случись у меня ребенок, я его другим не воспитаю, потому что не знаю как, нет такой модели. Он будет такой же, как я, понимаешь?

В а д и м. Не можешь ты знать, как оно будет. Ты же понимаешь всё. Когда понимаешь — уже проще.

С а ш а. Она мне знаешь что сказала?

В а д и м. Кто?

С а ш а. Ты меня слушаешь вообще?! Женя, кто!

В а д и м. И что?

С а ш а. Сказала, что хочет в художку ходить. Как я чтобы. Она, понимаешь, какой-то путь войны для себя выбирает. Противостояние это. Я думала... Мне казалось, что у нее по-другому всё. Что мать какие-то выводы сделала, мудрее стала. А у малой всё один в один. Она как стала рассказывать, а я не знала, что делать. Плакать или смеяться. Я даже запахи все эти из детства почувствовала... Как ее халат... ну, не халат, а кофта такая, вроде как вязаная, длинная, с пуговицами посередине... ванилином пахла. И где-то там эта малая, она сейчас прямо с этим запахом воюет... Ты никогда не думал, что мы другими могли быть или что-то вроде того?

В а д и м. Не знаю. Они делали что могли и как могли... как умели.

С а ш а. А мы?

В а д и м. И мы стараемся.

С а ш а. И нет в тебе... как бы таких вещей, которые ты простить им не можешь?

В а д и м. Есть, наверное. Но это как бы не имеет значения. Мне не нравится с этим носиться.

С а ш а. Видишь, тебе проще в этом плане.

В а д и м. Серьезно? И в каком плане?

С а ш а. Ну... В том плане, что их больше нет. Что ты, получается, на это всё совсем уже по-другому смотришь.

В а д и м. Это бонус, по-твоему?

С а ш а. В каком-то смысле да. Их больше нет, и ты один совершенно, ты уже никого не огорчаешь, что бы ни делал... Кроме меня.

В а д и м. Ясно. И что мне с этим...

С а ш а. Ей сейчас реально помощь нужна.

В а д и м. И что мне с этим делать теперь?

С а ш а. Нужно к ней съездить. Ты съездишь со мной? Я одна туда не поеду.

В а д и м. К родителям твоим?

С а ш а. С ними, может, и не придется видаться. Я еще не решила. Ты же их не видел еще? Их, в принципе, никто из моих парней не видел... из всех двух.

В а д и м. Ах да, я же бывший... Забыл совсем.

С а ш а. Перестань, пожалуйста. ...Они бы тебе даже понравились. Ты на отца моего даже похож чем-то. Он знаешь что раньше делал? Из капельниц человечков плел, кресты в машины на зеркало...

В а д и м. А мой знаешь что делал? Это последнее что-то, что во мне сильно сидит. Когда ему нравилась шутка... бывали такие шутки, которые ему очень нравились, а он сам по себе достаточно тихий и молчаливый чувак был. И в последнее время, когда уже болел, он складывал руки так, сгибал их в локтях, будто он курица или птенец какой-то, когда еще не обросли крылья, когда еще типа костяшки одни, и так ими хлопал себя по ребрам и кричал, достаточно громко для него: «Аба-дзяба-дзяба-дзя!»

С а ш а. Блин... А мать?

В а д и м. Мать цветы пересаживала, чуть ли не раз в две недели, а они жухлые всё равно, еле живые всё время. И удивлялась постоянно: «Наверное, у меня рука тяжелая!», «Неужели у меня рука тяжелая?» Взвесь пойдя или что.

С а ш а. Моя мать сейчас в церкви по выходным свечки продает, прикинь. Это мне Женя сегодня рассказала. Новый сдвиг у нее. Блин, даже Женя в своем возрасте понимает, что нельзя деньги за молитвы брать, как у нас их все берут... От нее теперь небось даже не ванилином пахнет, а ладаном.

В а д и м. А ладан — это что?

С а ш а. Серьезно?! Ладан — это фигня такая в кадиле, вонючая до безобразия такая фигня.

В а д и м. О'кей, а кадила что за фигня?

С а ш а. Да ладно! У тебя, по ходу, детство посчастливее моего было. Съездишь со мной?

В а д и м. Это же не завтра?

С а ш а. Точно не завтра.

Звук сообщения в телефоне Вадима.

В а д и м. Съезжу. *(Открывает сообщение.)* Катя твоя написала.

С а ш а. И что написала?

В а д и м. «Привет. Ты как?» Ага, и лайк еще к моему посту поставила.

С а ш а. Вот сучка детдомовская!

В а д и м. Это ревность или что?

С а ш а. Нет. Я завтра всё куплю, кисточки все эти. Съездим, да?

В а д и м. Я же сказал уже. Ты губы на ночь накрасила?

С а ш а. Это вообще. Я губы бальзамом увлажняющим намазала, а с ним... фигня какая-то с ним. На него мошки летели. Мошки эти маленькие из кухни. Я, чтобы его запах заглушить, губы помадой накрасила. И мошки лететь перестали. Я их даже потом специально искала — не нашла. Представляешь? Боже мой, что я несу... я тебя люблю.
В а д и м. И я тебя.

Сцена одиннадцатая

Запись с видеорежиссёра № 3

Машина медленно едет по небольшому городу.

С а ш а. Вон там школа. Ее не видно отсюда. Вот за теми домами. Но мы туда не поедem. Обычная коробка прямоугольная.

В а д и м. А этажей сколько?

С а ш а. Три. Ты, что ли, в девятиэтажке учился?

В а д и м. Я просто спросил. Может, одноэтажная вообще.

С а ш а. Вот здесь раньше ларек стоял, серьезно, прямо вот за памятником этим. Мы в детстве тут жвачки покупали, сигареты поштучно.

В а д и м. Памятник конкретному кому-то?

С а ш а. Неизвестному солдату какому-нибудь, наверное. А это РДК. Здесь по субботам дискотеки были. Но здесь, прикинь, на дискотеках всегда кто-нибудь из школы дежурил, учителя по очереди. Так что особо не забалуешь.

В а д и м. А это?

С а ш а. Это больница. Там однажды, прикинь, какая жесьть, там однажды во дворе на газоне собаки ногу отрыли. Кусок ноги выше колена. Ее кому-то ампутировали, старая такая, ну, старого человека нога, с толстыми такими ногтями желтыми. Ампутировали и во дворе закопали, а собаки отрыли.

В а д и м. Ты ее видела или это просто байка местная?

С а ш а. Да мы неделю, может, после уроков всем классом на нее смотреть ходили. А потом ее перезакопали куда-то. А неделю так и торчала отрытая... Спасибо, что съездил со мной.

В а д и м. Мне несложно.

С а ш а. Мне сложно. Я одна, когда сюда приезжаю, неудачницей себя чувствую. Одной тут капец одиноко.

В а д и м. Хорошо, что съездили. И Женя твоя нормальная малая. Ей на самом деле не помешало бы, чтобы ты почаще на нее внимание обращала.

С а ш а. Да. Но мы же съездили. Не могу же я всё время.... А-а-а, я же тебе вот что не рассказала! Я вчера. Начальника не было, а нужно было срочно документы отправить заказчиком, а на его компьютере только. Он мне пароль сказал и всё такое. У него как бы отдельный кабинет, за перегородкой. И я, короче, это жесть просто, я нечаянно, короче, по столу его провела, снизу. А там всё козлами измазано, всё вообще! Прикинь, чем мое руководство занимается целыми днями!

В а д и м. А ты чего там рукой водила?

С а ш а. Зацепилась, когда ногу чесала или что-то такое.

В а д и м. Просто пальцем за стол снизу зацепилась?

С а ш а. Ну а как еще?

В а д и м. Я просто спросил.

С а ш а. Я же сказала уже — просто нечаянно вышло.

В а д и м. Ладно. Я ничего не говорю.

С а ш а. Что значит — ладно?

В а д и м. Ты иногда, особенно когда нервничаешь...

С а ш а. Что я?! Что ты несешь?!

В а д и м. Не стоило. Всё. Забудь.

С а ш а. Что забудь?! Хочешь сказать, что я в носу ковыряюсь?

В а д и м. У тебя бывает такое. Иногда, когда нервничаешь...

С а ш а. Ты с ума сошел?!

В а д и м. Не заводись ты. Мне без разницы. Я тебя всё равно люблю.

С а ш а. Тебе без разницы! А мне есть разница, потому что я не ковыряюсь в носу! Фу!

В а д и м. Я не понимаю, зачем отрицать очевидное.

С а ш а. А я тебе еще раз говорю! Ну ты и дебил!

В а д и м. Хорошо. Ты ничего такого не делаешь.

С а ш а. Я, может, волосы щипала или поправляла что-нибудь. Я же не ты, что торчат эти волосы из носа постоянно.

В а д и м. Не заводись. Нет так нет. Показалось мне, значит. Перепутал что-то.

Машина резко останавливается.

С а ш а. Садись за руль тогда, умник, а я буду в носу ковыряться.

В а д и м. Ты сдурела, что ли? Я не поеду за рулем.

Хлопает дверь, Саша обходит машину, идет в сторону пассажирской двери. Слышно, как открывается еще одна дверь.

С а ш а. Иди садись за руль!

В а д и м. Да что ты в самом деле! Хватит этот цирк устраивать!

С а ш а. Ты не мужик или что? Не можешь на долбаной машине проехать?!

Звук выключаемого видеорежистратора.

Павел Соколов

Поминки по Филу

Действующие лица

Лена Фолькман — 27 лет.

Саша Иванов — 27 лет, муж Лены Фолькман
(он же Советский солдат).

Виктор Приходько — 28 лет.

Анатолий Конрад — 28 лет.

Володя — 27 лет.

Наташа, она же Наталья Сергеевна Кристиан
(Лихачёва) — 27 лет.

Хайнер Кристиан — за 40 лет, муж Наташи.

Иван Наумович — 60 лет, директор элитной
школы №№ (он же Фрейд, он же Франкл).

Продавщица, она же Медсестра,
она же Стюардесса — под 30 лет.

Димон — сотрудник отца Володи, под 60 лет.

Володя, Лена, Виктор, Анатолий и Наташа — выпускники элитной школы №№. Действие происходит в августе 2016 года.

ПРОЛОГ

Сцена первая

Израиль. Дом Ивановых-Фолькман.

Лена (*пытается застегнуть чемодан на колесиках*). Твою мать!
Не застегивается!

Саша. Не выражайся!

Лена. Помог бы, блин!

С а ш а. Не могу, шабат.

Л е н а. Иванов! Хватит вести себя как еврей!

С а ш а. Но я же еврей!

Л е н а. Наличие бабки-еврейки со стороны отца еще не делает тебя евреем. Наличие бабок не делает...

С а ш а (*резко перебивает*). Еще как делает!

Л е н а. Ага, вижу! Сидит вон. Ребе! Мы здесь из-за меня! И только из-за меня! Твоя бабка была немкой. Запись в домовоей книге была подделана. Твоя мать мне всё рассказала!

С а ш а. Не смей!

Л е н а. Я так на самолет опоздаю... У меня всегда всё ломается и теряется.

С а ш а. Ты и не доедешь до аэропорта, шабат же.

Л е н а. Ничего, я арабское такси вызвала!

С а ш а. Как арабское?!

Л е н а. Шучу я. Помоги же! Оно вот-вот приедет!

С а ш а. И все-таки я не пойму, зачем тебе лететь на поминки какого-то гоя?

Л е н а. Этот гой был моим одноклассником! Понял?!

С а ш а. И почему же я узнал о нем только вчера? Кто еще будет...

Л е н а. Блин, да потому что! (*Чемодан все-таки поддается.*) Ура! Кто молодец? Я молодец! (*Встает, выдвигает ручку, тащит чемодан к выходу.*) Саша, пойми, я должна. Я сто лет не видела своих одноклассников! Они для меня... как семья. Ты не учился в нашей школе, тебе не понять. И вообще... я устала, устала от жары, от шабатов, от тебя! Гребаная пустыня!

С а ш а (*встает*). Значит, «как семья»? Но это же была твоя идея переехать в этот район, в религиозный квартал?

Л е н а. Но я не предлагала быть религиозными! Ты даже интернет, интернет, сука, сделал кошерным!

С а ш а. Как же меня бесит, когда ты матерешься!

Л е н а. Кушай на здоровье! А вообще сука — это не мат. Если фамилия Иванов, значит, ты эксперт по мату?

С а ш а. Ле-е-ена, ты выносишь мне мозг! Почему мы не можем жить мирно?!

Л е н а. Здесь? Тебе напомнить про тот случай, а?!

С а ш а. Только не начинай! Мы переехали, чтобы забыть! Здесь безопаснее!

Л е н а. Потому что соседи постоянно за нами присматривают? Ну, чего молчишь? Я валю!

С а ш а. Ты не можешь меня бросить вот просто так! Тебя же соседи увидят!

Л е н а. Соседи, мать их. Соседи! Вот про это я и говорю! Еще как могу! Я уже это сделала!

Саша подходит к Лене и резко берет ее за руку.

Отпусти! А не то я закричу, и все узнают, что в шабат ты изнасиловал свою жену! Я заявление напишу в полицию.

Саша отпускает руку.

Вот молодец. Ты сильно изменился. Заигрался!

С а ш а. Ты тоже. И мат ты использовать не умеешь. Совсем.

Раздается бибиканье подъехавшего такси.

Паспорт не забыла?

Л е н а. Нет, и тот, и другой.

С а ш а. Российский тебе ни к чему.

Л е н а. Вдруг пригодится.

С а ш а. Давай хотя бы помогу донести чемодан до машины.

Л е н а. А как же шабат, наши дорогие соседи?

С а ш а. До пошли они!

Саша берет чемодан, помогает Лене дотащить его до машины. Оба идут к такси. Слышен шум отъезжающей машины. Некоторое время дом пустует. Саша возвращается один. Садится на диван. Резко ударяет себя кулаком по лбу. В окно влетает камень, разбивая стекло.

Сцена вторая

Придорожный магазин на бензоколонке в Швейцарии, недалеко от австрийской границы. Входит Володя в слегка упоротом состоянии.

В о л о д я. Мне бутылку колы.

П р о д а в щ и ц а. Пол-литра или литр?

В о л о д я. Пол.

П р о д а в щ и ц а (достает бутылку). Два франка.

В о л о д я. Чего?

Продавщица. Два швейцарских франка. Вы же в Швейцарии.
Володя. Где? *(Пауза.)* А почему вы говорите по-русски?
Продавщица. У меня к вам тот же вопрос. Можем для приличия поболтать по-немецки. Ну или там по-французски.
Володя. Но я же ехал в Вену...
Продавщица. Вы ошиблись. Все-таки я кандидат наук.
Володя. А я думал, что вы это... на заправке работаете.
Продавщица. Большого эта страна мне не предложила.
Володя. Так мне повернуть обратно?
Продавщица. Только не вздумайте здесь заправляться. В четырнадцатом году это еще имело смысл. Но три франка за литр колы!
Володя. Только что было два. Вы карточки принимаете?
Продавщица. Вы меня застали в конце смены. *(Пробивает покупку.)* А зачем вам в Вену?
Володя. Так, встреча одноклассников. Один наш общий друг вскрыл себе вены, будем его вспоминать.
Продавщица *(смеется)*. Он вскрыл вены в Вене?
Володя. В Праге. Сходил в музей Франца Кафки, вернулся домой — и тыщ. А вы здесь давно живете?
Продавщица. Уже пять лет как. Я сюда вслед за мужем переехала. Я с ним на последнем курсе аспирантуры познакомилась. Потом мы развелись. В общем, ничего интересного. А у вас неплохая машина.
Володя. На прокат взял. Других не было. У вас интересная судьба.
Продавщица. А вы чем занимаетесь?
Володя. Я не помню.
Продавщица. Это как так? Шутите, что ли?
Володя. Сейчас я выпью колу и вспомню. Здесь она такая вкусная, как у нас в девяностые... *(Поворачивается к выходу.)*
Продавщица. Вы бутылку не взяли.
Володя. А почему?
Продавщица. И карточку забыли.
Володя. Иногда нужно спать.
Продавщица. Главное — с кем ты это делаешь. Знаете что: оставайтесь у меня на ночь. А завтра вы поедете в свою Австрию. А я вам лекцию про средневековые гобелены прочту.
Володя. Лабутены?
Продавщица. Гобелены. Это тема моей работы.
Володя. Но так я опоздаю.
Продавщица. На поминки трудно опоздать.
Володя. А-а-а... давайте!

Продавщица. Так вас как зовут, ситуаен?

Володя. Володя.

Продавщица. А меня Лера. В честь бабушки по материнской линии.

Володя. А меня в честь дедушки по советской линии.

Продавщица. Ждите меня в машине. Скоро сменщица моя придет. Она из Мариуполя.

Володя. Хорошо.

Слышен звук отъезжающего автомобиля.

Продавщица. Что со мной не так?! *(Ударяет кулаком по прилавку.)*

Сцена третья

Разговор по скайпу.

Анатолий. Нет, объясните мне! Почему мой сын не может учиться в нашей школе? Ее окончили я, мой отец.

Иван Наумович. Пойми, много заявлений было. Конкурс...

Анатолий. Отлично, просто замечательно! То есть, по-вашему, мой сын слишком туп для данного заведения?

Иван Наумович. Я ничего подобного не утверждал. Но не в этом дело. Пойми ты это, Толенька!

Анатолий. А в чем? В чем тогда? Объясните мне, дураку!

Иван Наумович. Школа нуждается... Как бы тебе это объяснить... в дополнительных источниках финансирования. У школы сейчас нет такой... возможности. Возможностей нет. Понимаешь?

Анатолий. Поэтому вы берете сынка чиновника! Или кого там еще? А как же традиции?

Иван Наумович. Анатолий, ты копия своего отца! Как же мне было тяжело его учить... *(Пауза.)* Традиции как раз сохраняются. Вот тут не надо! Даже слишком хорошо. Скольким ребятам из простых семей мы были вынуждены отказать в советское время! Ко мне приходил твой дед и так же качал права. Извини, что говорю с тобой так. Тогда здесь учились дети ученых. Элита. Но элита поменялась, Толя. Прости меня за нескромный вопрос. Но сколько ты зарабатываешь в месяц?

А н а т о л и й. Я преподаю в университете, скоро получу грант, поеду в Японию...

И в а н Н а у м о в и ч. Ты разведен, ты платишь алименты. *(Пауза.)* Катя всегда была девушка с характером. Я ее хорошо помню. Вы с восьмого класса сидели за одной партой.

А н а т о л и й. То есть ничего нельзя сделать?

И в а н Н а у м о в и ч. Подумать надо, подумать.

А н а т о л и й. Обидно мне, обидно. Да еще смерть Филадельфии...

И в а н Н а у м о в и ч. Сегодня вылетаешь?

А н а т о л и й. Я уже здесь.

И в а н Н а у м о в и ч. Филипп, такая утрата для науки...

А н а т о л и й *(слышит вибровозвонки)*. Извините, у меня входящий! Ой, это Катя, извините, я вам потом перезвоню!

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена первая

Сад возле дома Хайнера Кристиана. Здесь и там посажены различные виды крыжовника. По газону разбросаны бутылки из-под пива и вина после вчерашней попойки, круглый стол перевернут вверх ножками. В шезлонге загорает Лена в бикини, почитывая старую книгу. На краю шезлонга лежит ее смартфон. Появляется Наташа с пластиковым пакетом в руке.

Н а т а ш а. Сколько говна! *(Собирает мусор.)* Вот и поминки. Что читаешь, Лен?

Л е н а. Музиль. «Человек без свойств».

Н а т а ш а. Музиль?

Л е н а. Ты спрашивала, что я читаю. По ходу, прижизненное издание. У твоего мужа офигенная библиотека! Иерусалимский универ обзавидуется.

Н а т а ш а *(продолжает собирать мусор)*. Он тратит на книги больше, чем на меня.

Л е н а. Интеллигенты и хипстеры во всем мире одинаковы. Мой тоже помешался. Но не на книгах... *(Откладывает книгу в сторону.)* Святая земля меняет людей.

Н а т а ш а. Другие страны вообще. *(Находит на земле другой шезлонг, раскладывает его, садится рядом с Леной.)*

Л е н а. Какое здесь мягкое солнце. Как хорошо, когда лучи тебя не обжигают. В России солнце слишком холодное, в Израиле слишком жаркое. А здесь...

Н а т а ш а. Как думаешь, может, он из-за того, что переехал не в ту страну?

Л е н а. Не хочу думать об этом сейчас. И так голова гудит после вчерашнего.

Н а т а ш а. Ты никогда не умела пить.

Л е н а. Когда-то умела.

Н а т а ш а. Помнишь квартирник у меня тогда?

Л е н а. Извини еще раз, Ната, что заблевала тот ковер... откуда он был?

Н а т а ш а. Из Ливана, там дед работал еще до войны, до восемьдесят второго года. Мне больше диван было жалко. Его ребята прожгли, когда гаванские сигары курили. Нашли же! Он еще с нашей старой арбатской квартиры.

Л е н а (*напевает*). Ах, Арбат, мой Арбат... стену Цоя еще не закрашили?

Н а т а ш а. Не знаю, вроде нет. Я в Москве давно не была. Надо бы у Толи спросить. Но если бы они это сделали, мы бы узнали.

Л е н а. Я тоже давно. Не была. Надо бы слетать туда хотя бы на выходные. И собраться, как тогда.

Н а т а ш а. Не получится как тогда. Филя больше нет.

Л е н а. А еще все разъехались... Паша в Штатах, Тёма в Англии.

Н а т а ш а. И вот мы нашли повод. И снова Фил оказался заводилой. Помнишь, тогда на даче у Толи? Класе в восьмом? Он предложил...

Л е н а. Не начинай опять! Мы вчера толком не поговорили о тебе. Фил, Фил, простофил... достал! И после смерти достает! Расскажи, как ты тут? Судя по фейсбуку, всё у тебя замечательно. Венские кофейни, селфи в филармонии.

Н а т а ш а. Ничего особенного, ты знаешь. Репетиторствую. В библиотеке подрабатываю. Четыреста евро в месяц выходит. Но у Кристиана квартира в центре. Он ее сдает. А так получает мало. Очень мало.

Л е н а. А мы в религиозном квартале живем. Их черными называют. Кварталы. Там жизнь тоже не подарочек.

Н а т а ш а. Это Александр так решил?

Л е н а. Сашка-какашка, да. Мы переехали туда после того случая. Он потом заикался полгода. Не хочу об этом вспоминать.

Пауза. Из дома выходит заспанный Анатолий.

А н а т о л и й. Загораете? (*Замечает пакет с мусором.*) Может, помочь?

Л е н а. Тебе самому помощь нужна.

Н а т а ш а (*одергивая*). Ленкин! Спасибо, Толь, я почти закончила.

А н а т о л и й. Все-таки вы вчера были неправы насчет Фила!

Л е н а. И ты туда же! Только не сегодня. Голова гудит.

Н а т а ш а. Хорошо, предложи свою версию.

А н а т о л и й. Я с ним давно не общался. Может, всё дело в его родителях. Они загоняли его с самого детства, вот он и начал верить, что у него способности выше средних. А были... ну, просто средние. А он не хотел быть средним человеком. Вы же помните, он был самым упорным среди нас.

Л е н а. Упоротым!

Н а т а ш а. Лен!

Л е н а. Вот и сменил обстановку.

А н а т о л и й. Он приехал в Европу, а здесь его упорства и знаний было мало. А он этого просто не смог выдержать. Ведь ему говорили, что он особенный, а выяснилось...

Л е н а. Толя, у него просто поехала крыша! Вот и всё. Такое случается.

Н а т а ш а. Лена, как ты можешь?

А н а т о л и й. Я не верю, что всё так просто. Слишком он был упорный человек.

Л е н а. Упорный, упорный, упорный! Еще раз повтори давай! Просто и тебе, Толенька, хочется верить, что ты особенный. Что мы все такие замечательные. Нам это вбивали в голову с самого раннего детства в нашей замечательной школе. Интеллектуальная элита. (*Матерится.*)

Н а т а ш а. Не выражайся, пожалуйста. У тебя же родители доктора наук.

Л е н а. Матом я только ругаюсь, а не разговариваю. Мат — это часть моего родного языка. Неприятная, но часть. И давайте закроем тему с Филом — о мертвых либо хорошо, либо ничего. А я вспоминаю сейчас только всякое говно. Можете обсуждать его — но без меня! Гештальт закрыт!

Н а т а ш а. Зачем же тогда ты приехала?

Из дома выходит Виктор. Выглядит бодро.

В и к т о р. Бонжур мон шерс ами! Чё такие грустные? Опять о Филе? Всё докапываетесь до истины?

Никто не реагирует на его слова.

А вы видели, чё они еще понаписали в фейсбуке?

Н а т а ш а. Я же просила, без телефонов! Кристиан терпеть не может все эти гаджеты в доме! Таков порядок.

Л е н а. Вообще-то сейчас мы и не в доме. Ну, так, если логически порассуждать.

В и к т о р. А я не мог не зайти, мне по работе надо было. Блин, там такое! Скандал разгорается, там, по ходу, всё серьезно. Хана нашей школе!

Л е н а. Вить, не пи... *(Оглянувшись на Наташу, медленно, тцательно.)* Не говори ерунды!

Н а т а ш а. Кто написал-то?

В и к т о р. Смотрите сами, я переслал.

Все, кроме Виктора, достают смартфоны, начинают читать посты и новости. Виктор тем временем ходит по саду и собирает мусор в Наташин мешок, переворачивает стол, как надо.

Л е н а. Кошмар.

Н а т а ш а. Нет, хуже, Лен. Это травля!

Слышен звук открывающейся калитки.

А н а т о л и й. Как они могли?

В и к т о р. Се доммаж!

Появляется Кристиан в форме для бега, после тренировки.

К р и с т и а н. Как дэла?

В и к т о р. Нормально.

К р и с т и а н. Почему ви, русские, всэкта отвэчаэте «нормално»?

Л е н а. Я не русская. И Анатолий тоже!

К р и с т и а н *(после некоторого замешательства)*. Проститэ... йе-если йя фас оскорбить. Што-то случилось?

Н а т а ш а. Всё хорошо, дорогой.

К р и с т и а н. Токда йа пойту приму туш. Ви зафтракали?

Л е н а. Успеется.

К р и с т и а н. Што?

А н а т о л и й. Потом.

К р и с т и а н. А-а-а... поняль. *(Уходит.)*

В и к т о р. Славный он малый.

Н а т а ш а. Какой есть.

Л е н а. Он в каком-то своем мире живет.

Н а т а ш а. Так он реально в своем мире.

А н а т о л и й. Ты в Москве с ним познакомилась?

Н а т а ш а. Не-ет. Здесь. Когда училась в венском университете. Он меня сперва в кафе приглашал. Потом опера, театр, филармония. Кристиан постоянно твердил о Чехове, Толстом, Бердяеве. Меня называл Наташей Ростовской. А потом приехал ко мне в Москву и сделал предложение.

В и к т о р (*саркастично*). Ком се романтик. Че-хофф!

Л е н а. Витя, ты не меняешься.

Н а т а ш а. У нас была любовь.

А н а т о л и й. А почему была?

Н а т а ш а. Да потому.

Л е н а. Вот и мне с Сашей не повезло.

А н а т о л и й. А я промолчу.

В и к т о р. Толь, все и так знают про то, как вы расставались. Иструа интересант! Весь фейсбук за этим следил!

Л е н а. Фейсбук, бли-ин... народ, что делать-то будем? Они же хотят уничтожить нашу школу.

В и к т о р. А чё мы можем сделать?

А н а т о л и й. А если это правда?

Н а т а ш а. Люди, а Володя так никому и не написал?

Л е н а. А он-то что? Думаю, опять въехал в дерево.

А н а т о л и й. Да не меняйте вы тему!

В и к т о р. Такие, как Володя, вечно въезжают не в те деревья.

Л е н а. Или выкуривают не те деревья. И вечно из всего выпутываются.

В и к т о р. Или их отмазывают. Знаете, кто его настоящий отец? Он же не под своей фамилией учился.

У всех завибрировало оповещение в смартфонах. Все хватаются за свои мобильники.

Они даже данные его с сайта удалили!

Из дома выходит Кристиан.

К р и с т и а н. Кто сломалъ двр в ванная?

Одноклассники не реагируют на его вопрос.

Сцена вторая

Гостиная в доме Кристиана. В центре круглый низенький стол, вокруг него расставлена антикварная мебель: диван и два кресла. Вдоль стен стоят старинные книжные шкафы, забытые книгами. Слева от гостиной — дверь в коридор, ведущий к входной двери. Справа кабинет Кристиана. Сзади лестница на второй этаж. Под лестницей дверь на кухню и в сад. Возле одного из шкафов стоит Анатолий, рассматривает книги, берет заинтересовавший его том, листает. Раздается звонок в дверь. Анатолий не обращает внимания на этот факт. Погружен в чтение. Сверху спускается Наташа и быстро бежит к входной двери. Из коридора слышен ее голос: «Найн! Данке!» Наташа возвращается в гостиную, садится в кресло.

Н а т а ш а. Достали, опять спрашивали, нет ли работы...

А н а т о л и й (*не оборачиваясь*). Ты что-то сказала?

Н а т а ш а. Да так, сама с собой разговаривала. С кем тут еще поговоришь по душам... Много мигрантов. Эти, кажется, из Боснии. Спрашивали, нужно ли помочь по саду.

А н а т о л и й. Понятно. Отличная книга. Где Кристиан их достает?

Н а т а ш а. Это лишь вершина айсберга. Бóльшая часть его библиотеки в загородном доме. Там он обычно и работает.

А н а т о л и й. Понятно.

Н а т а ш а. Интересная?

А н а т о л и й. Что?

Н а т а ш а. Книга.

А н а т о л и й. Да, удивительно. Но это советское издание. Издательство Academia. Тысяча девятьсот тридцать седьмой год, год разгрома издательства. Откуда она у него?

Н а т а ш а. Его дед г'аботал в Советском Союзе долгое время. Интерес к России — это у него наследственное.

А н а т о л и й. Здесь дарственная надпись от редактора. Бóльшая часть сотрудников издательства была репрессирована. Думаю, и этот человек тоже. У меня тоже кто-то из предков там работал... но им повезло, их только сослали.

Н а т а ш а. Страшное было время. Дед Кристиана погиб в сорок пятом году здесь, в Вене, во время бомбежки. Так глупо — в конце войны.

Пауза.

А н а т о л и й (*ставит книгу на место, садится в кресло напротив Наташи*). А еще я видел у него в кабинете книжки Дугина. Целая полка. Ты же знаешь, что это за человек?

Н а т а ш а. Он его фанат! Когда был в Москве, то даже сходил на его лекцию и попросил автограф. А здесь читал доклады по евразийству.

А н а т о л и й. Ты шутишь?

Н а т а ш а. Если бы.

А н а т о л и й. В этом беда всех этих европейских псевдоинтеллектуалов.

Н а т а ш а. Кристиан не псевдоинтеллектуал!

В и к т о р (*входит Виктор с макбуком под мышкой*). Что за шум, а драки нет?

Н а т а ш а. Витя, ты меня напугал!

В и к т о р (*садится на диван, открывает макбук*). Уж извини, в следующую раз пришлю фельдъегеря вперед себя.

Н а т а ш а (*указывает на макбук*). Я же просила! Опять работа?

В и к т о р. А как же.

А н а т о л и й. Деловой ты наш человек.

Н а т а ш а (*встает*). Ладно, ребят, я пойду наверх, проведу Лену, что-то она долго в ванной, как бы чего не случилось. Она какая-то нервная. (*Уходит.*)

А н а т о л и й. Ты сегодня куда-то ездил? Даже не заметил, как ты вернулся.

В и к т о р (*печатая*). Так, с приятелем встречался. Работает в нашем посольстве в Вене. Не хочешь на дипломатический прием?

А н а т о л и й. Опять шутки шутишь?

В и к т о р (*перестает печатать*). Пуркуа?

А н а т о л и й. Витя, завязывай со своим французским. Мы все давно поняли, что ты его прекрасно выучил. Я же по-японски не говорю при всех?

В и к т о р. Это старая добрая традиция нашей аристократии и интеллигенции. Так что, пуркуа па?

А н а т о л и й. Кстати, ты так и не рассказал про свою работу.

В и к т о р (*продолжает печатать*). Зайди в фейсбук или линкедин, посмотри в профиле. Там всё написано. Тем более здесь линкедин не заблокирован.

А н а т о л и й. Блин, Витя. Не надо так реагировать!

В и к т о р. Не надо тупые вопросы задавать! Мне надо курс биткойна еще проверить.

А н а т о л и й. Биткойна?

В и к т о р. Забудь! Это мои дела, не все же деньги в банке хранить.

Пауза.

А н а т о л и й. Был в кабинете у Кристиана?

В и к т о р. Он сам мне его показывал.

А н а т о л и й. Видел книжки этого евразийца?

В и к т о р. А как же! Кристиан даже сунул мне одну с его автографом.

А н а т о л и й. Что думаешь?

В и к т о р. Насчет Кристиана или этого идеолога?

А н а т о л и й. Блин, Витя!

В и к т о р. Один из них долбанутый.

А н а т о л и й. Понятно.

В и к т о р. А так библиотека у него отличная. По моей оценке, тысяча двести-триста евро стоит.

А н а т о л и й. Наташа сказала, что это лишь малая ее часть.

В и к т о р. Зато я примерно понимаю, что она в нем нашла. Кстати, я загулил имя Кристиана. Смотри! *(Показывает на монитор.)* Я выключу звук у этого видео, вдруг он услышит. Здесь есть субтитры.

Виктор и Анатолий некоторое время смотрят запись.

А н а т о л и й. Довольно! Что за бред!

В и к т о р. Вот-вот. Се доммаж. Особенно хорош момент, где он говорит, что Путин — это модель лидерства для всей Европы. Модель.

А н а т о л и й. Как ему в голову это пришло?

В и к т о р. А тебя не смущает, как ему аплодируют? Он не один. И таких, как он, всё больше.

А н а т о л и й. Не хочу про это думать. И так своих проблем хватает.

Пауза.

В и к т о р. Слушай, а чемпионаты по «шляпе» еще проводятся в нашей школе?

А н а т о л и й. А как же!

В и к т о р. Сто лет не играл.

А н а т о л и й. Меняешь тему?

В и к т о р. Просто вспомнил вдруг, как раньше в нее резались. Я в прежние дни по четыре, а то и по пять слов за раз брал.

А н а т о л и й. Но то были твои собственные слова.

В и к т о р. Есть за мной грешок. Ну что, сегодня вечером устроим турнир?

А н а т о л и й. Отличная идея!

Из кабинета выходит Кристиан.

К р и с т и а н. Ви нэ видэли Наташу?

В и к т о р. Найн.

К р и с т и а н. Йэщо раз прошу вас, говоритэ со мной по-русски в моем доме. Йя учу язык.

В и к т о р. Извини. Забываю постоянно. Она пошла наверх, посмотреть, как там Лена.

К р и с т и а н. Спасибо! И йя фсё нэ могу понят, кто сломаль дзвэр в ванной...

В и к т о р. Если идешь наверх, то скажи девчонкам, что сегодня играем в «шляпу».

К р и с т и а н. Вас?

А н а т о л и й. «Шляпа». Хэт. Игра такая интеллектуальная.

К р и с т и а н. Нэ понял.

В и к т о р. Скажешь им про «шляпу», и они поймут.

К р и с т и а н. Йа! Корошо. *(Поднимается на второй этаж.)*

В и к т о р. Даже не верю, что он и человек на видео — это одно и то же лицо.

А н а т о л и й. От Володи никаких известий? В онлайн не выходил, на звонки не отвечает.

В и к т о р. Ил э путан идиот! Но такие, как он, не пропадут.

А н а т о л и й. Не надо так!

В и к т о р. А что, я не прав? Он и Фил, двое из ларца. Из-за них вечно были одни проблемы. Ты же знаешь, они люди не из нашего круга. А Фил так вообще из быдляцкой семьи.

А н а т о л и й. Витя, блин!

В и к т о р. Хорошо, заткнулся.

А н а т о л и й. Ты прав, они с Филом в чем-то похожи.

В и к т о р. Вот только нашему дорогому другу Володеньке с семьей больше повезло. А Филу нет. Вовочку постоянно спасают.

Спускается Кристиан.

К р и с т и а н. Йя в кабинет работат. *(Раздается звонок в дверь.)* Вас ист дас? *(Уходит в коридор.)*

В и к т о р. Дас ист Михайлов Стас.

А н а т о л и й *(смеется)*. А если это Володя?

Слышен голос Кристиана: «Найн! Ферштейн зи мих? Найн!» Из коридора появляется Кристиан и тут же направляется к себе в кабинет. У Анатолия звонит телефон.

Иван Наумыч, здравствуйте! Да-да, это я вам звонил. Да, вас плохо слышно. Я сейчас включу громкую связь. *(Включает громкую связь.)*

Г о л о с И в а н а Н а у м о в и ч а. Ничего нельзя! Ничего! Это какой-то ужас. Я и не знал, что у нашей школы столько врагов. Столько врагов...

А н а т о л и й. А как насчет моего сына?

Г о л о с И в а н а Н а у м о в и ч а. Мне позвонили с самого верха, недавно пришли письма с угрозами... даже телевидение...

А н а т о л и й. Иван Наумыч, это очень важный для меня вопрос. Катя не простит мне, если...

Г о л о с И в а н а Н а у м о в и ч а. Толенька, я уже ничего не решаю. Ничего! Боюсь, тебе придется договариваться с новым...

Звонок резко обрывается.

А н а т о л и й. Алло! Иван Наумыч! Черт! Не дозвониться!

Г о л о с К р и с т и а н а. Можно потише?!

А н а т о л и й. Извини.

Сцена третья

Ванная в доме Кристиана. Лена принимает ванну и читает книгу. Стук в дверь.

Л е н а. Открыто.

Н а т а ш а *(заходит, прикрывая дверь)*. Ну ты молодец. Написать на двери мелом «здесь Лена»!

Л е н а. Шпингалет же кто-то сломал.

Н а т а ш а. Всё читаешь?

Л е н а. Мы же народ книги. Что еще делать?

Н а т а ш а. Ты всё такая же.

Лена резко целует Наташу в губы. Та отталкивает ее. Книга падает в воду. Лена матерится, пытается спасти книгу, Наташа ей помогает, но выходит это у них не очень удачно.

(Вытирает книгу полотенцем, кладет на тумбочку рядом.) Кристиан меня убьет!

Л е н а. Но мы же ему ничего не скажем?

Н а т а ш а. Мы уже не подростки. Больше никаких экспериментов! Никаких!

Л е н а. Ната, хоть ты не выноси мне мозг! *(Пауза. Резко.)* Сигареты есть?

Н а т а ш а. Чего?! Кристиан не любит, когда в доме курят.

Л е н а. Но мы же ему не скажем?

Н а т а ш а. Черт с тобой!

Наташа достает из кармана пачку сигарет. Закуривают. Используют раковину вместо пепельницы.

Л е н а. Кайф! Все-таки ты права, раньше всё было иначе.

Н а т а ш а. Мы были другими.

Л е н а. Такими же... *(Пауза.)* А теперь слушай правду. Мне было пятнадцать лет. Наш учитель пригласил меня к себе на квартиру. Она вся была завалена книгами. Мы занимались, а потом мы занялись...

Н а т а ш а. Я не хочу этого знать, Лен! Не хочу! Не хочу!

Л е н а. Нет, ты хотела всё знать! А правда еще та сука. Она ранит. Калечит.

Н а т а ш а. Хорошо. Продолжай.

Л е н а. Мы встречались еще два года. Я поступила в МГУ. И... он завел себе новую подружку. Ты ее помнишь. Света Абраменко. Ты не представляешь, как хреново мне тогда было! Меня поимели!

Н а т а ш а. Твой муж знает про это?

Л е н а. Я ему не рассказывала. Но он давно обо всем догадался. Мы с ним познакомились на четвертом курсе. Он изучал иудаику, все уши мне прожужжал про Израиль. Со своей-то фамилией!

Н а т а ш а. Ну да — Иванов.

Л е н а. Мы быстро расписались, а затем репатриировались. Там у него окончательно крышу сорвало на теме религии. Его чертики отвлекли моих. Он хотел детей, я же пила противозачаточные. А потом произошел тот случай.

Н а т а ш а. Ты знаешь, что Фил был в тебя влюблен?

Л е н а. Знаю. Но против нашего историка у него не было шансов. Да и мне тогда нужен был мужчина, а не подросток. Подростки не нужны ни в каком возрасте.

Н а т а ш а. Но мы сами были подростками.

Л е н а. Еще есть сигареты?

Наташа бросает пачку сигарет и зажигалку в воду. Подруги начинают громко смеяться. Раздается резкий стук в дверь. Наташа и Лена замолкают.

Н а т а ш а. Да?

Г о л о с К р и с т и а н а. Наташа, всё карашо?

Н а т а ш а. Ног'мально, Кристиан.

Г о л о с К р и с т и а н а. Йя слышаль шум.

Л е н а. Это мы так разговариваем.

Г о л о с К р и с т и а н а. Йа, гут. Мнэ надо работат. Я в свой кабинет.
(*Словно сам с собой.*) Сигареттен...

Н а т а ш а. Мы поняли тебя, спасибо!

Г о л о с К р и с т и а н а. Та, и йещо. Ваши друзиа звали вас икрать
в шляпа.

Л е н а. В шляпу?

Г о л о с К р и с т и а н а. Йа. Шляпа.

Н а т а ш а. Скажи, что мы скоро спустимся.

Раздается звонок во входную дверь. Слышно, как Кристиан быстро спускается
по лестнице.

Л е н а. Он неплохой человек, Ната.

Н а т а ш а. Не забудь вымыть ванну.

Л е н а. Разумеется. А можно я еще воспользуюсь?..

Наташа выходит. Лена не успевает договорить, вынимает из пачки мокрую сигарету.

Сцена четвертая

На ступеньках у подножия памятника советским воинам-освободителям сидит
Володя.

В о л о д я. Ну я и ушлепок! Просрал всё, что можно... (*Закуривает.*)

Появляется Зигмунд Фрейд, похожий на Ивана Наумовича.

Ф р е й д. Я отказываюсь быть вашей галлюцинацией! (*Достает
сигару и закуривает.*) Да, и это просто сигара!

Оба затягиваются синхронно, Фрейд уходит.

В о л о д я. Ну и трава...

К нему подходит советский солдат образца 1945 года, словно списанный с плаката,
вот только гимнастерка на груди изрешечена автоматной очередью.

С о л д а т. Дай закурить, браток! *(Володя достаёт пачку сигарет, солдат берет одну, закуривает.)* Лендлизовские?
В о л о д я. Не знаю. Наверное.

Табачный дым выходит из пулевых отверстий в груди солдата.

С о л д а т. Вот падла! На том свете покурить не дают! *(Кричит в небо.)* Ну сколько еще я тут должен... груши околачивать?

В о л о д я. Я умер?

С о л д а т. Ты жив, падла. Все вы живы. Формально *(Садится рядом, дым всё ещё идет из его груди. Бросает окурок на землю.)* Как там, в Союзе?

В о л о д я. В каком Союзе? Европейском?

С о л д а т. Не будь мудаком, Союз может быть только один — Советский!

В о л о д я. Его нет. И уже давно.

Пауза.

С о л д а т. Твою мать!!! То-то я и смотрю, чё-то тут не так! Я давно уже подозревал. Цветов как-то меньше год от года. Не повезло мне погибнуть в самом конце войны...

В о л о д я. У меня дед воевал. Он генералом НКВД был.

С о л д а т. Значит, ты внучок красноперого?

В о л о д я. А отец в КГБ служил.

С о л д а т. Это чё за наркомат такой?

В о л о д я. Комитет госбезопасности.

С о л д а т. А-а-а. Знаю, знаю! Там, где Берия.

В о л о д я. Его расстреляли.

С о л д а т. Давно пора было. Таких надо веером, от бедра.

В о л о д я. А ты не знаешь, где запад? Я потерялся.

С о л д а т. Тебе какой дом нужен?

В о л о д я. Ингельштрам, инбель, индостанштрассе... не помню ни фига!

С о л д а т *(достаёт из кожаного планшета карту, показывает Володе.)* Мы здесь. Запад там. Тебе куда надо?

В о л о д я. Куда-то в этот район.

С о л д а т. Смотри, браток. Тебе нужно сюда, сюда, затем налево. А опосля прямо. Запомнил?

В о л о д я. Не знаю. Как дойду, пойму.

Рядом слышится чья-то речь.

О, вон пацаны какие-то. У них спрошу.

С о л д а т. Но почему они в черном и одеты как полицей?

В о л о д я. Да какая разница?! *(Встает и идет к ним.)*

С о л д а т. Во дурак! Во дурак!

Слышны звуки драки. Солдат уходит.

Сцена пятая

Ранний вечер. Гостиная в доме Кристиана. Наташа, Виктор, Анатолий и Лена сидят вокруг стола и играют в «Шляпу»¹.

Н а т а ш а *(объясняет слова Виктору, все листки со словами сложены в цилиндр; за временем следит Лена, у нее установлен секундомер на смартфоне)*. Это твое. Удорожание денег.

В и к т о р. Дефляция. Дальше!

Н а т а ш а. Последний придворный чин Пушкина.

В и к т о р. Камер-юнкер.

Н а т а ш а. Житель Тайваня по-старому.

В и к т о р. Чего? По слогам.

Н а т а ш а. Есть содержание, а есть, ну?

В и к т о р. Форма... а-а-а... формозец!

Л е н а *(пикает смартфон)*. Время! *(Передает смартфон Виктору. Наташа отдает ей цилиндр.)*

А н а т о л и й. Неплохо, три слова взяли.

Л е н а. Хоть бы мои попались!

Н а т а ш а. Готовы? Начали!

Л е н а *(объясняет Анатолию)*. Израильский парламент.

А н а т о л и й. Кнессет. Твое...

Л е н а. Притча о добром...

А н а т о л и й. По ассоциациям!

Л е н а. Есть Саратов, а есть?

А н а т о л и й. Самара? А-а-а... самаритянин!

¹ Техническое примечание для тех, кто не играл: участники пишут слова (существительные в именительном падеже) на листках, затем они должны за двадцать секунд объяснить партнеру как можно больше слов, не используя однокоренные и прямые переводы.

Л е н а. Должность перед эдилом.
А н а т о л и й. Квестор.
Н а т а ш а (*пикает смартфон*). Время!
В и к т о р. Все-таки сразу понятно, кто какие слова писал.
Н а т а ш а (*берет цилиндр, объясняет Лене; Анатолий следит за временем*). Ну и слова. Готова, Ленкин? (*Лена кивает в ответ.*)
А н а т о л и й. Банзай!
Н а т а ш а. Есть большевик, а есть...
Л е н а. Эсер, кадет.
Н а т а ш а. Не-е-ет, ну, больше-меньше...
Л е н а. Аа-а-ах, меньшевик!
Н а т а ш а (*немного в ступоре*). Мужской половой орган.
Л е н а. Это мое слово. Фалоимитатор.
Н а т а ш а. Я же просила! (*Резко встает из-за стола.*)
А н а т о л и й. Время!
Л е н а. Нормальное же слово. Это не мат даже.
А н а т о л и й. Давайте соблюдать... этику.
Л е н а. Толя, ты мудака?
В и к т о р. Баста! Давайте продолжим. Мы не маленькие. Кто кому?
Н а т а ш а (*садится*). Настроение пропало.

Пауза.

Л е н а. А в нашей школе всё еще проводят чемпионаты по «шляпе»?
А н а т о л и й. Ты же знаешь. Я, правда, только на одном был. Кате раньше нравилась эта игра.
В и к т о р. Мон ами! Опять ты за свое! Отпусти ситуацию!
Н а т а ш а. Давайте играть дальше! Я отошла.

Лена передает цилиндр Виктору. Сама берет смартфон, на который практически тут же приходит уведомление. Лена погружается в чтение.

А н а т о л и й (*Виктору*). Сейчас ты мне объясняешь?
В и к т о р. Вроде да.
А н а т о л и й. У кого время?
Н а т а ш а. Лена!
Л е н а. ...Это невозможно! Такой срач подняли! Еще посты. (*Поворачивает смартфон экраном к друзьям, быстро показывает им.*) Похоже, вчерашние посты — это только начало. Сегодня новая порция.
А н а т о л и й. Плохо дело.
Н а т а ш а. Они реально хотят уничтожить нашу школу... но за что?

А н а т о л и й. Из-за одного мудака.

В и к т о р. Из-за сложившейся системы. Ла коррупсьон. Можно подумать, мы не знали про всё это.

Л е н а. Витя, ты на чьей стороне?

В и к т о р. Здесь могут быть стороны? Только жертвы. Я думал сегодня про это... и, предупреждаю, вы меня сейчас убьете, но... я рад, что она и другие люди написали эти посты. Каждый год одно и то же. Меня это не касалось. Но вы сами знаете имена всех подружек нашего... *(Кивает в сторону Лены.)*

Л е н а *(в бешенстве)*. Какое твое собачье дело?

В и к т о р. Лена?!

А н а т о л и й *(Лене)*. Успокойся!

Л е н а. А ты вообще заткнись, лузер! С кем хочу, с тем и трахаюсь! Мне было шестнадцать лет, я уже была взрослой! Моя личная жизнь — это мое личное дело!

В и к т о р. Но ведь таких, как ты, было несколько!

Л е н а. Но это не дело школы! Просьба не лезть без спроса своими пальцами ко мне в трусы!

В и к т о р. Ошибка системы. Директор молчал, учителя молчали, родители тоже. Про нас вообще молчу.

Л е н а. И все-таки с кем спать — это личное дело каждого. Эти девочки всё прекрасно осознавали! *(Резко встает и идет наверх.)*

Н а т а ш а. Лена!

В и к т о р. Ей надо побыть одной.

В гостиную входит Кристиан.

К р и с т и а н. Ви громка кричите. Што происходит? Што с фами нэ так?

А н а т о л и й. В школе, которую мы закончили, сексуальный скандал. Учитель пятнадцать лет спал с ученицами и...

Сверху раздается крик. Это Лена.

Н а т а ш а. Зачем? Зачем мы вообще об этом начали говорить? Вы же знаете, что у Лены слабые нервы.

В и к т о р. Вообще-то она сама и начала.

Н а т а ш а. Мы могли и не замечать этого.

А н а т о л и й. И удалиться из фейсбука? Не заходить в интернет?

Н а т а ш а. Да, удалиться из фейсбука! И не заходить в интернет!

В и к т о р. Может, еще и телеграм удалить?

Н а т а ш а. Я поднимусь к ней. Сидите тут! *(Резко встает, бежит наверх в комнату Лены.)*

К р и с т и а н. Почему вы такие? Мнэ нато работат. Скоро токклад. Или возможно, могли бы попы тихими?

А н а т о л и й. Постараямся.

К р и с т и а н. Эта рапота очен фашна для мэня. Поймитэ!

В и к т о р. Да дошло до нас!

К р и с т и а н. Вы кута-то идэте?

А н а т о л и й. Еще раз извини, мы поняли.

Кристиан возвращается к себе в кабинет.

В и к т о р. Вот и встреча одноклассников.

А н а т о л и й. И не говори...

Пауза.

В и к т о р. Знаешь, какие мысли мне пришли в голову? Фил встречался с Таней из гумкласса, а потом ее заметил наш историк. Фил напал на него как-то посреди урока. Дело замяли тогда. Директор защищал честь школы. Может, Фил из-за этого... ну, ты понял. Отголоски юношеской травмы, так сказать.

А н а т о л и й. Мерзко как-то всё это. Может, и хорошо, что моего сына не взяли.

В и к т о р. Как не взяли? Так и не удалось разрулить ситуацию? У тебя же еще отец там учился!

А н а т о л и й. И дед. Ты всё сам слышал. Сейчас это уже ничего не значит.

В и к т о р. Знаешь, за что еще обидно? У Фила был талант. А он его просрал.

А н а т о л и й. Сам же сказал — травма.

В и к т о р. Кто-то сильнее, кто-то слабее. Но его последние посты в фейсбуке были откровенным бредом. Он спятил. Почему его все так любили?

А н а т о л и й. Ты всё еще завидуешь ему?

В и к т о р. Мертвым не завидуют.

А н а т о л и й. Когда ты успел стать таким?

В и к т о р. Каким?

А н а т о л и й. Даже не циником. Не знаю, как это обозвать...

В и к т о р. Ты слишком интеллигентен, чтобы называть вещи своими именами. Нас так выдрессировала наша школа. Вернее вас, не меня. Я всегда жил своим умом. Ведь людям из плохих семей надеяться не на что, так ведь?

У Анатолия звонит смартфон.

А н а т о л и й. Катя! Как всегда вовремя. Да, алло! Да? *(Принимает вызов, встает и выходит в сад.)*

Виктор достает свой смартфон, начинает листать. Что-то набирает.

В и к т о р *(сам с собой)*. Отлично!

Спускаются Лена и Наташа. Убирают со стола шляпу и бумажки.

Девчонки, никто не хочет на сегодняшний концерт в филармонию? Есть два места в ложе.

Н а т а ш а. Я пас.

Л е н а. А кто будет играть? Какой дирижер?

В и к т о р. Не знаю. Но исполнять будут пятую симфонию Малера.

Лена тут же перестает собирать бумажки. Наташа продолжает.

Л е н а. Черт с тобой! Только переоденусь. *(Пулей бежит наверх.)*

В и к т о р. Я пока такси вызову. *(Тычет в смартфон.)*

Наташа убирает последние листочки в цилиндр, кладет его на стол, садится в кресло.

Н а т а ш а. Как ты лихо всё провернул. Лена хоть развеется... Он ее любимый композитор. Мы же вместе в музыкалку ходили. Она в двенадцать лет руку сломала, и всё... а у меня способностей не было.

В и к т о р. Чего нет, того нет.

Н а т а ш а. Зря я тебя позвала.

В и к т о р. Наташ, не обижайся! Ты знаешь, друзьям я всегда говорю только правду. Да, я циник. Но к тебе я всегда хорошо относился. Поэтому и приехал.

Н а т а ш а. Ты был другим.

В и к т о р. Кристиан и вправду хочет переехать в Россию?

Н а т а ш а. Умеешь же ты менять тему. Он тебе успел всё рассказать?

В и к т о р. Да, когда показывал библиотеку. Кстати, отличные у него лекции.

Н а т а ш а. Он очарован Россией. Но не настоящей Россией. А той, что в книжках. Он не видел реальную Россию.

В и к т о р. Можно подумать, мы видели. Нам лишь твердили, что мы лучшие люди страны, которую мы и не знали. Москва, Питер, дачи — вот и всё.

Н а т а ш а. А разве этого мало?

В и к т о р. Но почему же тогда мы здесь? *(Отвлекаясь на смартфон.)* Такси приехало. *(Кричит.)* Лена!

Лена быстро спускается по лестнице в вечернем платье.

Н а т а ш а. Впору?

Л е н а. Да! Спасибо, Ната!

Наташа встает, подходит к Лене. Подруги обнимаются. Виктор встает и подходит к подругам.

В и к т о р. Пора идти. А то еще опоздаем на концерт.

Н а т а ш а. А твой пиджак?

В и к т о р. Я его повесил при входе.

Н а т а ш а. Удачно сходить!

В и к т о р. Оревуар!

Виктор и Лена уходят. Наташа смотрит в окно, машет рукой. Появляется Анатолий, он, словно опустошенный, падает в кресло.

Н а т а ш а. Что-то случилось?

А н а т о л и й. Катя весь мозг вынесла. Давно так не ругались. *(Пауза.)* У вас отличный сад.

Н а т а ш а *(садится напротив)*. Наш садовник из Сербии. *(После небольшой паузы.)* Толь, а разводиться тяжело было?

А н а т о л и й. Расставаться всегда тяжело. Особенно когда знаешь человека с детства. Вернее, думаешь, что знаешь. Как общего ребенка делить? Как царь Соломон? А почему ты спрашиваешь?

Н а т а ш а. Хорошо, что у нас с Кристианом нет детей...

А н а т о л и й. Вы собираетесь разводиться?

Н а т а ш а. Я? Да. Он еще не знает про мое решение. Что-то подог'евает, но пг'ячется за своей г'аботой. Да и работа у него — сам видел всё.

А н а т о л и й. Я не виню Катю. Новый муж даст ей больше. У него еще есть американское гражданство.

Н а т а ш а. Толя, ты о чем вообще? Живешь с человеком, а не с паспортом!

А н а т о л и й. А выходит, что с паспортом. Деньгами. Японистом быть не так уж приятно и выгодно. Когда только учил язык — романтика, а сейчас тупые будни и выбивание грантов.

Пауза.

Н а т а ш а. Поехали в центр?

А н а т о л и й. Давай. Хоть развеемся. Лена с Витей молодцы — надо было и нам с ними за компанию.

Н а т а ш а. Нет. Я хочу побыть с тобой.

А н а т о л и й. А как же Кристиан?

Н а т а ш а. Он даже не заметит моего отсутствия.

А н а т о л и й. Хорошо.

Наташа и Анатолий тихо встают и уходят. Некоторое время помещение остается пустым. Раздается звонок городского телефона. Из своего кабинета выбегает Кристиан.

К р и с т и а н. Наташа! Тэлэфон! *(Нервно берет трубку.)* Йа! Вас? Елена Фолькман? Муж? Какой Ивянофф? Йа нэ знау, гдэ она! Найн. Израэль? Алло! Алло! Нэ слышу! *(Бросает трубку. Замечает цилиндр на столе, подходит к нему, берет первое попавшееся слово, читает вслух.)* Фало... имитатор. Вас???

ДЕЙСТВИЕ II

Сцена первая

Вагон венского метро. Из пассажиров — Анатолий и Наташа.

А н а т о л и й. Это была чудесная прогулка! Почти как Киото. Какие красивые места!

Н а т а ш а. Мне их Кристиан показал.

А н а т о л и й. Все-таки ты всё еще его любишь. И ты должна остаться с ним.

Н а т а ш а. Я никому ничего не должна.

А н а т о л и й. В России сейчас небезопасно. Лучше быть здесь, чем там. И поверь мне — разрушить семью легко, пара бумажек, и всё! Разводы — это бич нашего поколения.

Н а т а ш а. Я читала твои посты в фейсбуке. Расскажи, как всё было на самом деле.

А н а т о л и й. Я уехал на стажировку в Японию. С Катей мы сначала долго разговаривали по скайпу, но разница во времени и учебная нагрузка... В общем, разговоры стали чем-то дежурным. Ее интонация начала меняться, она всё больше отдалялась от меня. Я старался этого не замечать, ушел с головой в свою тему. Когда я вернулся в Москву, квартира была пустой, она забрала ребенка и ушла к своему любовнику, я так и не понял, чем он занимается. Какие-то переводки, зато у него еще есть американское гражданство. А я ей шелковое кимоно привез... оно так до сих пор и висит в шкафу. А потом... суд, нервы, дележ... как можно делить ребенка? Я же не царь Соломон. Меня коллеги утешали как могли, но за моей спиной смеялись надо мной.

Н а т а ш а. Как же мне тебя жаль, Толя!

А н а т о л и й. Даже сына родного не смог в нашу школу устроить. Вся жизнь наперекосяк! Я подал заявление на еще один грант. Но когда я вернусь, сын будет называть отцом другого. Да еще не по-русски.

Остановка. В вагон заходит женщина в черном хиджабе, громко говорит по телефону по-арабски, садится на сиденье напротив.

Н а т а ш а. Их всё больше. Они даже не говорят по-немецки.

А н а т о л и й. Мы тоже только что говорили не по-немецки.

Поезд едет дальше.

Н а т а ш а. Здесь другое.

А н а т о л и й. Как бы я ни любил Японию, но они националисты. Я жил в этой среде. Поверь, национализм — это страшная сила. Я был для них гайдзином. Белой обезьяной.

Н а т а ш а. Но ты знаешь язык и культуру, ты ученый. А что делают они?

А н а т о л и й. Ты говоришь как правые популисты.

Н а т а ш а. В теории мы все леваки... но мне бывает страшно в общественном транспорте. Ты же слышал про изнасилования?

Остановка. В вагон заходят двое подвыпивших молодых бритоголовых австрийцев в черных одеждах. Наташа и Анатолий молчат, женщина в хиджабе продолжает о чем-то увлеченно говорить по телефону. Один из молодых людей отбирает у нее телефон и со всей силы швыряет его об пол. Женщина в хиджабе начинает кричать. Другой со всей дури бьет ногой по стеклу буквально в паре сантиметров от ее головы.

А н а т о л и й. Я не могу на это смотреть! *(Резко встает и кричит.)*
Хальт!

Н а т а ш а. Толя!

Парни оборачиваются и смотрят на него. Резкое затемнение.

Сцена вторая

У входа в Венскую филармонию. Виктор и Лена вышли подышать свежим воздухом.
На Лене пиджак Виктора. Лена закуривает. Вдалеке слышны раскаты грома.

В и к т о р. Кажется, дождь будет.

Л е н а. И все-таки, сколько стоят эти места?

В и к т о р. Двести-триста евро. Дирижер какой-то крутой. Ты же слышала? Но мне-то они всё равно за так достались. Европа — это бизнес, а бизнес — это связи. Один из клиентов живет здесь. Когда я зачекинился в Вене, он тут же мне предложил халявные билеты.

Л е н а. А что за клиент?

В и к т о р. Ты же знаешь, это коммерческая тайна. Так, ничего особенно, любитель русского авангарда. Но умеет быть благодарным.

Л е н а. Не нефтью единой живем! *(Раздается первый звонок.)* Долго еще антракт продлится?

В и к т о р. Минут пять.

Л е н а. Неужели Малер был такая сволочь?

В и к т о р. Только как человек. Великие художники тоже люди. Вспомни Мережковского и Эзру Паунда.

Л е н а. Всё школа из головы не выходит.

В и к т о р. М-да... но учителем он был хорошим. Посмотри на меня. Не башка, а «Википедия». Обучили же!

Л е н а. Но как ты мог говорить такое про своих?

В и к т о р. Я слишком долго живу в Европе. А здесь выносят сор из избы.

Л е н а. А мне кажется, это всё поганое путинское поколение.

В и к т о р. Да в Путине ли дело? На его месте мог быть кто угодно! Мы бы так же прожили эти годы, слонялись бы между Берлином и Гоа. Писали бы сраные посты в фейсбуке, делали бы селфи, женились и разводились. Путин — это просто образ времени. Мы всё ждем, когда он сгинет со своими холоуями, ну? И что дальше? Его величество Навальный? Навалион Бонапарт! Нет?! К власти придут худшие. Не мы. Мы плохие люди, но недостаточно плохие. Нам дали образование, нас образовали, и что мы сделали? Начали срать в фейсбуке! А эти митинги? Сходили пару раз, и всё — режим рухнет? Я свалил и горжусь этим. Я нужен здесь, и ко мне не относятся как к быдлу.

Раздается второй звонок.

Л е н а. Ой, вот не надо неси всякую чушь!

В и к т о р. Самое страшное, что Европа соскучилась по железной руке. Вот почему Кристиан так фанатеет от Путина. И не он один. А он не самый глупый человек, хоть и придурок. Россия с ненавистным царем во главе больше нужна Европе, чем самой России. И вот парадокс — без «кровавого режима» нет русской интеллигенции. Суть ее существования — борьба с этим режимом. Но этот режим сам себя разрушит. Не наше дело руководить червями, которые сожрут гниющий труп. Я никогда не вернусь назад. Помнишь, как у Стругацких?.. Зона проникла в наших детей. Излечиться от зоны можно только за ее пределами.

Л е н а. Остапа понесло... После таких слов всякое желание слушать музыку пропадает. Пойдем выпьем, что ли?

В и к т о р. А что, давай, пока дождь не начался. Тут неподалеку есть неплохой ресторанчик.

Л е н а. А твой клиент нам и там выпивку купит?

В и к т о р. Лена! (*У Виктора звонит мобильник, он принимает вызов.*) Что??? Говори медленнее, кто напал? На кого? Куда его отвезли? Скинь мне адрес в ватсап.

Л е н а. Что случилось?

В и к т о р (*быстро что-то набирает на смартфоне*). На Нату с Толей напали хулиганы в метро. Толя избил их. И сейчас он в участке.

Л е н а. !!!

В и к т о р. Он в своей Японии не только язык учил. Помнишь его фотки, где он с каким-то матерым сенсеем рядом стоит?

Л е н а. Но почему так всегда? Почему?

В и к т о р. Я вызвал нам такси.

Раздается третий звонок.

Л е н а. Как всё бесит! *(Скидывает с себя пиджак, заходит назад в филармонию.)*

Виктор некоторое время стоит, словно в ступоре.

В и к т о р. Эх, Лена-Лена... *(Поднимает пиджак и, перекинув его через плечо, идет в сторону дороги.)*

Играет музыка.

Сцена третья

Больничная палата в одной из венских больниц. На кровати с перевязанной головой лежит Володя. В палату заходит медсестра, похожая на продавщицу из пролога. Мерит ему температуру. Володя приходит в сознание.

М е д с е с т р а. Очнулись.

В о л о д я. Где я?

М е д с е с т р а. В больнице.

В о л о д я. В каком городе?

М е д с е с т р а. В Вене. Вас привезли утром без сознания.

В о л о д я. На меня напали какие-то козлы. Я хотел у них спросить дорогу, а они меня избили...

М е д с е с т р а. Это запросто. Вот недавно двух парней доставили, какой-то каратист в метро на них набросился.

В о л о д я. Постойте, а почему вы говорите по-русски?

М е д с е с т р а. Потому что я из Питера. Вышла замуж, переехала к мужу.

В о л о д я. Мне кажется, я вас где-то видел. Вы не разведены?

М е д с е с т р а *(берет градусник)*. Как-нибудь в другой раз вам отвечу. *(Выходит.)*

В о л о д я. А как же лекция про средневековые лабутены?

Из коридора слышна ругань и обрывки фраз: «К нему нельзя... постойте!» В палату врывается Димон, здоровенный амбал.

Д и м о н. Ну чё, Владимир Владимирович? *(Подходит к кровати и бьет Володю по щекам.)*

В о л о д я. Прекрати, сатрап.

Д и м о н (*садится на стул рядом*). Ну чё, опять насрал, а мне подтирать? Знали бы вы, дорогой Владимир Владимирович, как вы меня достали! А чё ты тогда в Швейцарии учудил? Вытаскиваешь вас из полицейских участков и притонов, из больниц и дурдомов... Ты это, не вырубайся. С тобой отец поговорить хочет. (*Набирает номер по смартфону, включает громкую связь*.)

Г о л о с о т ц а. Как он?

Д и м о н. В сознании. Может говорить. Врач сказал, легкое сотрясение и пара синяков.

Г о л о с о т ц а. Он меня слышит?

Д и м о н. Я громкую связь врубил.

Г о л о с о т ц а. Значит, так ты своего отца уважаешь? Из-за тебя может пострадать моя репутация!

В о л о д я. Отец, почему ты не хочешь оставить меня в покое?

Г о л о с о т ц а. Сколько денег я в тебя вбухал! А сколько ушло, чтобы замять тот скандал! Это-то ты понимаешь? Урод! Завтра жду тебя в Москве. Отберу твой паспорт, пару месяцев проживешь в Ханты-Мансийске, а лучше в Норильске! Сразу поумнеешь!

В о л о д я. У тебя же куча детей от других жен и любовниц. На кой я тебе сдался? Я не вернусь в Россию.

Г о л о с о т ц а. Да кому ты там нужен, Володя?

Д и м о н. Не беспокойтесь, доставим его в лучшем виде. Билеты уже забронированы.

Г о л о с о т ц а. Время тратить не хочу на это говно.

В о л о д я. Папа, а не пойди ли тебе...

Вырывает телефон, хочет бросить его об стену, но Димон отбирает свой гаджет.
Слышны гудки.

Д и м о н. Приказ ясен? Выдвигаемся. Летим в нашу Рашу. Лежи здесь, я сейчас одежду тебе организую. (*Выходит из палаты*.)

В палату входит Виктор Франкл, похожий на Ивана Наумовича. Садится на стул рядом с Володей.

Ф р а н к л. Проблемы с отцом?

В о л о д я. Франкл?! Ты-то здесь каким лесом?

Ф р а н к л. Вы читали мои книги на втором курсе. Что-то в вашем подсознании отложилось. Возможно, что-то не то. Быть вашим глюком — большое унижение для ученого с моим именем.

В о л о д я. Но ты же не настоящий!

Ф р а н к л. Повторю еще раз. Я проекция вашего подсознания. Володя, скажу вам честно, выглядите вы ужасно. Все мы в плену у наших отцов. Я так и не понял: он вас не хочет отпускать? Или же вы рады находиться под его опекой? Приятно же, когда вас спасают, да?

В о л о д я. На фига я всё это читал?

Ф р а н к л. Мне некогда заниматься подростками. Ответьте себе честно на эти вопросы. И найдите в себе смысл жить дальше. *(Выходит.)*

Володя встает и, шатаясь, подходит к окну. Пытается его открыть, но безуспешно.
Заходит Димон.

В о л о д я. Франкл, вызови полицию!

Д и м о н. Совсем спятил?

Сцена четвертая

Гостиная в доме Кристиана, Виктор с чемоданом-портпледом. Вокруг него собралась вся компания.

В и к т о р. Ребят, все-таки хорошо, что мы встретились. Мне и правда надо ехать.

А н а т о л и й *(жмет ему руку)*. Я так и не понял, как ты меня вытащил из полиции?

В и к т о р. Потом расскажу.

К р и с т и а н. Бил ряд знакомиться! Скатэртью торошка! *(Жмет руку.)*

С улицы слышно бибиканье машины.

В и к т о р. Таксист меня прям заждался.

Подходит Наташа и молча обнимает Виктора. Затем подходит Лена.

Л е н а *(сухо)*. Ну пока, Вить!

В и к т о р. До машины я сам дойду. До скорой! В следующий раз встречаемся у меня в Париже! Оревуар, мес ами! *(Выходит.)*

Слышно, как отъезжает машина. Друзья рассаживаются вокруг круглого стола, на котором всё еще лежит цилиндр.

А н а т о л и й. Так и не доиграли... в «шляпу».

К р и с т и а н. Как твой голова?

А н а т о л и й. Нормально.

К р и с т и а н *(смеется)*. Опять нормально?

Л е н а. Я всё равно не понимаю, зачем было лезть на рожон из-за какой-то арабки?! Ее земляки за тебя бы точно не вступились!

Н а т а ш а. Пойми, Толя не мог поступить иначе. При нем унижали женщину. А он настоящий русский интеллигент.

Л е н а. Да ладно? *(Обращается далее к Анатолию.)* А наш народ, Анатолий Иосифович, воевал с ними в пятьдесят шестом, в шестьдесят седьмом, в семьдесят третьем, в восемьдесят втором. А мы сейчас с ними воюем!

А н а т о л и й. Лен, я понимаю, что ты пережила тогда, но это не дает тебе права...

Л е н а. Не дает? Еще как дает! Ты видел, как машина размазывает человека по асфальту? Ты видел, как лопается черепная коробка? Бум! Как яйцо! Мы с мужем видели, как смертник протаранил толпу на остановке в Иерусалиме через секунду после того, как мы сели в автобус! Ты думаешь, почему у него поехала крыша? Скоро они начнут таранить вас, нападать на улицах с кухонными ножами. Ваши страдания станут их победой, наша кровь станет и вашей кровью, а ваша война станет нашей. Этого хотите, да? Получите! Получите, суки!

К р и с т и а н. Йа, йа! Если бы президент Австрии бил би Путин, этого бы не било!

Л е н а и А н а т о л и й. Что???

Н а т а ш а. Кристиан шутит. Не слушайте его.

К р и с т и а н. Найн. Йа нэ шучу. Австрии нужен такой, как он. Железный лидер! Кокта йа стану гражданин России, буту голосоват за нэго.

Л е н а. Вы, европейцы, ничему не учитесь.

А н а т о л и й. Ты разве не понимаешь, что это за человек?

К р и с т и а н. Ви нэ понимаэте!

Л е н а. Во мудак!

К р и с т и а н. Вас?

Н а т а ш а. Лена!

Л е н а. Как ты можешь жить с этим фашистом?

К р и с т и а н. Йа нэ фашист! Но мнэ нравится Путин.

Л е н а. Точно мудак!

Н а т а ш а. Не смей оскорблять моего мужа в моем доме!

К р и с т и а н. Это ругательство?

Л е н а. Твоем? Ты же хотела его бросить?
К р и с т и а н. Вас?
А н а т о л и й. Давайте помолчим!
Л е н а. Еще как хотела!
К р и с т и а н. Это правда? Наташа?
Л е н а. Конечно, правда. Она хочет от тебя свалить. Она такая же,
как я. Как мы все!
К р и с т и а н. Наташа?

Наташа вскакивает.

Н а т а ш а (*кричит*). Всё достало!
К р и с т и а н. Но почему?
Н а т а ш а. Ты так ничего и не понял? Я так больше не могу! Не могу!
Не могу! Сука! Сука! Мразь!

Кристиан встает, хватается руками за голову, подходит к книжному шкафу и начинает скидывать книги на пол. Анатолий пытается его остановить. Но Кристиан в ярости.
Наташа испугана.

К р и с т и а н. Раус! Уходите! Прочь! Раус! Ты никогда нэ називаля
мэня по имени! Вон из майн хауз! Раус! Раус! Пока йа нэ позвонить
в полицай. Варвари!
Л е н а. Как что, сразу полицаев зовут... Только возьмем свои вещи.

Лена и Анатолий расходятся по своим комнатам, Наташа в слезах выбегает в сад.
Кристиан достает одну из книг и резко останавливается.

К р и с т и а н. Мокрая?

Звонит городской телефон.

Сцена пятая

Автобусная остановка. На лавке сидят Лена, Анатолий и Наташа. У Лены и Анатолия по чемодану-портпледу.

Л е н а. Кристиан псих.
Н а т а ш а. А сама? Но... спасибо!
А н а т о л и й. Что?!

Л е н а. Нет, ты скажи мне, как ты смогла так долго прожить с ним под одной крышей? *(У нее звонит телефон.)* Неизвестный номер? *(Встает, отходит в сторонку.)* Ес? Уот? Ес?

А н а т о л и й. Что Бог ни делает, всё к лучшему.

Н а т а ш а. Но это сделал не Бог. И я в него не верю. Этот брак был ошибкой. А я старалась этого не замечать. Но это моя жизнь. Жизнь не должна быть ошибкой.

Л е н а *(кричит)*. Ноу!!! Уот хи дид? Ноу! Ес. О'кей. Ес. Ес, ай андерстуд! *(Сбрасывает вызов, начинает плакать.)*

Друзья подходят к ней.

Н а т а ш а. Что случилось?

А н а т о л и й. Лена, не молчи.

Друзья берут ее под руки и сажают на лавку автобусной остановки. Садятся рядом с ней.

Л е н а. Саша поехал в аэропорт, собирался лететь сюда. Там у него произошел нервный срыв при досмотре и... его скрутили. Я же спрятала его израильский паспорт. Он хотел сесть на самолет по российскому. Без шенгена.

А н а т о л и й. Вот так номер!

Л е н а. Я вечно всё порчу! *(Пауза.)* Мне срочно нужно назад в Израиль! Я ему нужна.

Н а т а ш а. Но ты же говорила, что он больной идиот.

Л е н а. Да. Но он мой идиот. И я ему нужна.

А н а т о л и й. Я все-таки вызову нам такси. *(Достает смартфон, что-то набирает.)*

Н а т а ш а. Его избили?

Л е н а. Возможно. В Бен-Гурионе серьезная система безопасности. Но я всё исправлю. Всё склею.

Н а т а ш а. Но как?

Л е н а. Не знаю. Ничего не знаю. Я во всем виновата. Не надо было сюда приезжать. Не надо. Не надо.

А н а т о л и й. Машина будет через три минуты.

Н а т а ш а. Все-таки бьют по паспорту... *(Пауза. Лена продолжает плакать.)* Не переживай, уверена, что ничего серьезного.

Л е н а. Это служба безопасности. Ничего серьезного, да?!

А н а т о л и й. Вон, похоже, машина. Что-то быстро.

Л е н а *(встает, берет свой чемодан)*. Спасибо, Толя! Но я хочу одна поехать в аэропорт.

Н а т а ш а. Но Лена?!

Л е н а. Я хочу побыть одна. Одна. Одна. Побыть одна. Дело не в вас. Не в вас. Не в вас. (*Анатолию.*) С тебя сколько списали?

А н а т о л и й. Забудь про это! Дай хоть чемодан помогу...

Л е н а. Не надо. Я сама! Я всё сделаю сама. Сама. Мне никто больше не нужен.

Все втроем обнимаются. Лена уходит и садится в машину. Анатолий и Наташа стоят, словно статуи.

А н а т о л и й. Вот и автобус.

Н а т а ш а. Давай я тебя провожу?

Сцена шестая

Поздний вечер. Сад рядом с домом Кристиана. Посреди сада горит костер. Кристиан, шатаясь приносит в коробке личные вещи Наташи. Видно, что он выпил. Напевает про себя «Schreib es mir in den Sand». Роняет коробку. Одежда, фотографии, книги вываливаются на землю. Он подбирает их и с жесточением бросает в огонь.

К р и с т и а н. Инс фоер! (*Продолжает напевать.*)

В сад входит Володя.

В о л о д я. Гутен абенд! Ты Кристиан? Да? А где мои друзья?

К р и с т и а н. Ты кто?

В о л о д я. Володя, Наташин одноклассник. Я что, опоздал на встречу?

К р и с т и а н. Наташа... убирайся! Раус! Шнель!

В о л о д я (*подбирает старое фото; замечает наконец, что делает Кристиан*). Наташа с Филом... Почему я не знал... Зачем ты сжигаешь эти вещи?

К р и с т и а н. Она от мэня ушла... я хотэл стат русский. Хотэл пониать вас. Но ви варвари!

В о л о д я. Это ты варвари! Жечь-то зачем?

К р и с т и а н. Наташа... (*Напевает.*) Шряйб эс мир...

Кристиан продолжает петь. Володя стоит как вкопанный с книгой в руке. Снова слышен скрип калитки. Появляется Димон.

Д и м о н. Ну чё? Поехали в Москву, Володя. Нефиг время терять.

В о л о д я. В печь всё. В Москву.

Володя и Димон уходят. Кристиан продолжает петь и бросать вещи в огонь. У него звонит мобильник. Он бросает и его в костер, даже не посмотрев, кто звонит. Слышен вой полицейской сирены.

Сцена седьмая

Венский аэропорт. В зале ожидания сидит Наташа, уткнувшись в смартфон. Появляется Анатолий, садится рядом.

А н а т о л и й. Фу-у-ух... оформил билет, сдал багаж. Через сорок минут посадка. Прямой рейс до Москвы.

Н а т а ш а. Директора нашей школы уволили.

А н а т о л и й. Что?!

Н а т а ш а. Это конец. Конец нашей школе.

А н а т о л и й. Как они могли?

Н а т а ш а. Они могли. А мы? Что мы сделали? Перепостами делу не поможешь. И еще... Лена написала пост на фейсбуке — про свои отношения с историком. Совершила камин-аут.

А н а т о л и й. Лена? Она? Но почему?

Н а т а ш а. Молодец! Теперь сможет начать жить заново. *(Звонит смартфон.)* Йя. Их бин фрау Кристиан. Йя. Йя. Вас??? Кристиан... *(Сбрасывает вызов. Телефон выпадает у нее из рук. Анатолий поднимает его и отдает ей. Наташа словно в ступоре.)*

А н а т о л и й. Что на этот раз?

Н а т а ш а. Кристиан... он в полиции.

А н а т о л и й. Что он натворил?

Н а т а ш а. Нарушение общественного порядка.

А н а т о л и й. Что?

Н а т а ш а. Не знаю. Пока ничего не знаю.

Пауза.

А н а т о л и й. Я могу на другом улететь.

Н а т а ш а. Не глупи. Я справлюсь.

А н а т о л и й. Точно?

Н а т а ш а. Точно. Отступить ведь некуда, верно?

Обнимаются. Анатолий уходит. Наташа остается сидеть на скамейке. У нее звонит смартфон, она никак не реагирует.

(Сама с собой). Хватит всех этих постов! Нужно действовать.

Сцена восьмая

Салон бизнес-класса в самолете, на соседних креслах сидят Володя и Димон. К ним подходит стюардесса с подносом и предлагает шампанское.

С т ю а р д е с с а. Шампанского?

В о л о д я. С удовольствием! *(Берет бокал.)*

Д и м о н. Мы непьющие, спасибо. *(Резко выхватывает бокал, да так, что половина содержимого выливается на Володю, и ставит обратно на поднос.)*

В о л о д я. Блин!

С т ю а р д е с с а. Ой, я принесу салфетки.

В о л о д я. Не надо, я в туалете всё смою. Пойдите, вы стюардесса?

С т ю а р д е с с а. Да.

В о л о д я. Переехали к мужу в Австрию, получили гражданство и развелись? А теперь летаете, птичка? Лабутены! *(Матерится.)*

С т ю а р д е с с а. Хам! *(Резко уходит дальше.)*

Д и м о н. Не умеешь ты со слабым полом общаться. Ну ты дал! *(Оборачивается назад. Смотрит на удаляющуюся стюардессу.)* Пошла челядь обслуживать.

В о л о д я. А сам-то кто, бычара?

Д и м о н. Зря ты так, Володя. Мне тебя, говнюка, еще в Норильск сопровождать. Я с твоим батей Афган прошел.

В о л о д я. А теперь ты подтираешь жопу его сыну. Тебе самому-то не надоело?

Д и м о н. А я знаю, на кой хер ты ему сдался?

В о л о д я. Я в туалет. *(Встает и уходит в туалет.)*

Димон натягивает маску для глаз, чтобы поспать. Затемнение.

К Димону подходит стюардесса, будит его.

С т ю а р д е с с а. Простите, ваш спутник не выходит из туалета.

Д и м о н. Понятно. *(Встает.)*

Димон и стюардесса подходят к туалету.

(Стучась). Ну чё ты там замутил опять?

С т ю а р д е с с а. Я позову бортпроводника.

Д и м о н. Не надо. Фирма заплатит. *(Ломает дверь.)* Опять! Несите аптечку!

Затемнение.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На сцену актового зала элитной школы №№ выходит Наташа в строгом учительском костюме.

Н а т а ш а. Дорогие родители и ученики! Для тех, кто меня не знает, меня зовут Наталья Сергеевна Лихачёва, я новый завуч нашей замечательной школы. Мне немного непривычно произносить речи. Наш коллектив, как всем известно, готовит будущую интеллектуальную элиту не только нашей страны, но и всего мира! И ничто не сможет помешать нам передать те знания и те традиции, которыми так сильна наша школа. А сейчас вы увидите спектакль, который подготовили ученики одиннадцатых классов. Он про школу волшебства и магии, которую хотят разрушить злые колдуны и тролли. Но обойдусь без спойлеров. Всем приятного просмотра!

Марта Райцес

Остановка

Пьеса про любовь к кроликам

Действующие лица

Ж е н щ и н а — та, что любит мужчину.

М у ж ч и н а — тот, кого любят.

Ж е н а м у ж ч и н ы — та, что любит мужчину.

М у ж ч и н ы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

О ф и ц и а н т, в о д и т е л ь, д е в у ш к а — все,
кто безразличны женщине.

Кролик.

Сцена первая

На автобусной остановке женщина и мужчина стоят рядом, близко друг к другу, он ее практически держит за локти, но это не нужно, она сама от него ни на шаг. Он — ничем не примечательный, с каким будешь, только если полюбишь. В рубашке, выглаженной аккуратно, а застегнутой небрежно, без уважения к гладившей. Она — обращающая на себя взгляды высотой, изломанностью, красивая до замирания издалека и тридцатилетняя вблизи, с небольшой асимметрией лица. Одета неприлично стильно, но без расчета произвести впечатление. Женщина держит между своей грудью и грудью спутника белый комок, как горжетку.

Ж е н щ и н а. У меня для тебя... кролик! У мамы приبلудился в саду. Я подумала, что неслучайно. Он тепла хочет. А кто самый теплый мужчина на свете?

Женщина и мужчина стоят так, будто толпы теснят их друг к другу. Женщина передает животное в руки мужчины, он не принимает подарок.

М у ж ч и н а. Что я жене скажу?

Ж е н щ и н а. Какой жене?

М у ж ч и н а (*отстраняясь*). Лара, не ломай комедию. Я даже кольца не снимал.

Женщина берет его руку в свою, вернув их телам близость, и убеждается, что обручальное кольцо на пальце.

Ж е н щ и н а. Я не смотрела на руки, я в глаза смотрела.

Сцена вторая

В кафе женщина и мужчина 1 сидят за угловым круглым маленьким столом, за какими не пообедаешь больше чем вдвоем, но чувствуешь одиночество, сев без пары. Он — молод, похож на студента, из тех, чья фамилия в списках на отчисление. Подходит официант, подает меню. Он особенно не отличается по манерам и возрасту от мужчины 1. Мужчина 1 не берет меню.

М у ж ч и н а 1. У вас же это не первое свидание?

Ж е н щ и н а (*с раскрытым меню в руках*). Почему вы так решили? Я очень разборчивая.

Мужчина 1 протягивает руки на стол — без вызова, по привычке парня, игравшего в старшей школе в баскетбол, вместо того чтобы учиться.

М у ж ч и н а 1. Я здесь работаю. Видел вас за этим столом.

Ж е н щ и н а. Вы шутите? У меня хорошая память на лица. Мы не встречались раньше.

М у ж ч и н а 1 (*играет салфетками*). Вы никого не замечаете.

Ж е н щ и н а (*щурясь, как при близорукости*). Я, наоборот, ищу, я всматриваюсь, я как-то вас проморгала, да?

Сцена третья

Женщина и мужчина стоят порознь на остановке. Она курит. Он смотрит на дорогу. Паркуется автобус, маршрутка, вторая. Оба никак не реагируют, другие люди заполняют салоны. Иногда проходя между ними. Опять автобус с тем же номером. Мужчина медленно заходит в очередь немногочисленных пассажиров. Женщина курит, не меняет позы, в последний момент срывается с места и в уже слегка проехавший автобус вприпрыжку на каблучках.

Сцена четвертая

Женщина и мужчина 2 едят за тем же круглым столиком в кафе. Мужчина 2 в офисном безобидном костюме, в каких менеджеры среднего звена ходят с понедельника по пятницу на работу, а люди более бедные заказывают свадебную фотосессию.

М у ж ч и н а 2 . Я думаю, лучше обсудить сейчас. Я люблю оральный секс. Взаимный. Не думайте, что я эгоист.

Ж е н щ и н а . Я так не подумала.

М у ж ч и н а 2 . Мне важно, чтобы партнерша сглатывала.

Ж е н щ и н а (*продолжая есть*). Да, понимаю. Это приятно.

М у ж ч и н а 2 . Сглатывала, но никаких извращений. Я не кончаю на лицо. Не хватаю за волосы.

Ж е н щ и н а . Да, уважение — это главное.

М у ж ч и н а 2 . Еще я должен предупредить: я люблю видеть всё. Вы не против света?

Ж е н щ и н а . За. Я за свет.

М у ж ч и н а 2 . Ну и что еще... внешне вы мое... (*Продолжая скорманно.*) Чулки лучше колготок.

Женщина скушает.

А как вы любите?

Ж е н щ и н а . Я люблю, когда меня любят.

Мужчина 2 рассматривает женщину очень подробно, приценивается. Женщина замирает, встречая его интерес. Мужчина 2 жестом просит счет.

Сцена пятая

На остановке женщина стоит близко-близко к мужчине, сбоку от него. Незаметно для других держит его под руку. Мужчина высматривает автобус.

Ж е н щ и н а (*на ухо мужчине, закрывая глаза*). У нас с тобой годовщина.

Мужчина смотрит на дорогу.

М у ж ч и н а . Год?

Женщина шпилит на каблук туфли осенний лист.

Ж е н щ и н а. Два.

М у ж ч и н а. А что так грустно?

Листья на асфальте грязные после прошедшего недавно дождя. Туфли женщины очень яркие.

Ж е н щ и н а. А что мне веселиться? Ты разве меня любишь?

Автомобильный гудок.

Сцена шестая

Женщина сидит за столиком в кафе с мужчиной 3 — открытым парнем, которому не везет и никогда не повезет в мегаполисе. Большая сумка опирается на стул женщины.

Ж е н щ и н а. Я тут недавно решила переехать. Может, год назад... Начала в поездах в каждой командировке спрашивать, кто откуда. Где как живут люди. Мне одна пассажирка рассказала про свой город, я название забыла. Очень хочу его найти. Там какой-то писатель родился, есть море, и главное — я записала... ношу в кошельке... слово в слово — она мне надиктовала про свою семью...

Женщина долго ищет что-то в сумке, достает кошелек, из кошелька — смятую салфетку ЖД.

(Читает с салфетки.) Я коллекционирую кукол и марки. А муж с сыном — машинки. А сын — зажигалки и сахарки.

Мужчина 3 слушает женщину, опершись локтями на стол, он ничего не заказывал.

М у ж ч и н а 3. Я о таком месте не слышал, не был.

Ж е н щ и н а. Угу, и я. Вы бы со мной поехали?

М у ж ч и н а 3. Поехали! Честно!

Женщина смотрит недоверчиво. Топит лимон в чашке чая.

Будем ходить по песку, рано просыпаться, сына в честь этого ихнего поэта назовем. (*Нежно берет женщину за выступающее из-под ска-терти колено.*) Что коллекционировать будем? Я могу футбольные мячи с подписями игроков, давно мечтал.

Ж е н щ и н а. А я ошибки могу. У меня их уже очень много.

Женщина пьет чай.

М у ж ч и н а 3. Ты хочешь сказать, эта встреча тоже ошибка?

Женщина улыбается доброжелательно, смиренно смотрит на стол с чашкой чая.

Ж е н щ и н а. Угу, да.

Сцена седьмая

Женщина подходит к полупустой остановке, на которой стоит мужчина. Он в добротном демисезонном пальто. Она одета легко, качается на каблучках.

М у ж ч и н а. Думал, не придешь уже.

Ж е н щ и н а (*плача со всхлипами*). Я так хочу от тебя уйти!

Мужчина хватая женщину игриво перчаткой за опухший от слез нос.

М у ж ч и н а. Заболела? Чего нос красный?

Ж е н щ и н а. Послушай...

Женщина усаживается на холодную лавочку, мужчина остается стоять.

Моя мама лечилась зеленой таблеткой от боли в животе, голове и сердце. Моя бабушка сделала пятнадцать аборт, потому что очень любила деда. У нас в роду здоровые женщины. Я одна от любви плачу.

М у ж ч и н а (*уходя*). Зачем ты мне это рассказываешь? Лучше пойдём.

Женщина, истерично рыдая навзрыд, идет вместе с мужчиной с остановки. Чуть-чуть от него отставая.

Сцена восьмая

Женщина и мужчина 4 сидят друг напротив друга за пустым столиком кафе. Она — нарядная и небрежная. Он — в смешной шапке.

М у ж ч и н а 4. Хотите, я вам погадаю? Дайте левую руку.

Женщина смотрит себе на запястья.

Вы тоже читаете по линиям?

Ж е н щ и н а. Нет, я определяю, где право и лево, по родинке. Она у меня на левой руке.

Мужчина 4 берет женскую кисть в свои руки. Опытно, ища приятного прикосновения.
Женщина никак не отвечает на его близость.

Что скажете?

Мужчина 4 больше не смотрит в ладонь женщины.

М у ж ч и н а 4. Вы право и лево сильно путаете.

Сцена девятая

Женщина стоит на остановке в смешной розовой шубе нараспашку поверх легкой комбинации. Изломанная поза. Курит. Мужчина переминается с ноги на ногу от мороза.

М у ж ч и н а. Искусственная?

Ж е н щ и н а. Этичная.

М у ж ч и н а. Да... Ты думаешь, что ты этичная. А люди видят тебя искусственной.

Ж е н щ и н а. Шуба этичная. Я неэтичная. Курю.

М у ж ч и н а. Когда бросишь?

Женщина присаживается на лавку остановки.

Ж е н щ и н а. Брошу. Курить брошу. Тебя брошу.

М у ж ч и н а. Меня?

Ж е н щ и н а. Тебя. Ты не сказал, что женат.

Мужчина садится рядом. **Женщина** по-прежнему курит. Снег идет.

Сцена десятая

К столику женщины подходит девушка с бордовой розой. Дарит. Женщина принимает цветок и кладет на стол. Девушка присаживается. Ей около двадцати лет, она во всём пока уступает женщине.

Д е в у ш к а. Вы уже сделали заказ? Я вас хочу угостить.
Ж е н щ и н а. Я выбрала десерты.

Женщина открывает меню, тычет пальцем в тирамису. Девушка наклоняется к листам, намеренно задевая ее руку волосами.

Я пригласила вас, не подумайте, я не лесбиянка. Я даже не одинока. Но мои отношения с ним, они не такие, как я бы хотела. Когда мне был год, у меня отец скончался. И я в нем ищу папу. И не нахожу.

Д е в у ш к а. А младшая сестра у вас тоже умерла?
Ж е н щ и н а. Нет, она живет в другом городе.
Д е в у ш к а. А какого тогда?!

Девушка вскакивает. Открывает меню на странице с десертами. Отсчитывает стоимость тирамису, ища мелочь по всем карманам. Оставляет на столе. Уходит. Женщина ожидает десерт. Когда его приносят, ест одна, смакуя каждую ложку.

Сцена одиннадцатая

Немногочисленные люди забились глубоко под козырек остановки. Женщина и мужчина стоят на границе со снегом. Женщина обнимает мужчину за шею, повиснув на нем, подогнув ноги в коленях так, что каблуки торчат наружу, как шипы.

Ж е н щ и н а (*игриво покачивая головой, как будто собирается лизнуть или укусить лицо мужчины*). А ты знаешь, почему я — Лара?

М у ж ч и н а (*немного сторонясь на случай, если женщине взбредет что-нибудь этакое сделать*). Потому что Лариса по паспорту.

Женщина разжимает руки, опускает их.

Ж е н щ и н а. Ты «Доктора Живаго» читал?
М у ж ч и н а. Может, в школе...

Ж е н щ и н а. Не проходят его в школе! Этот роман в списках ходил. Моя мама его одной из первых прочла. И когда я родилась, назвала Ларой.

Женщина возвращает руки на шею мужчине, делает вид, что сейчас лизнет его щеку.

Знаешь, из-за какой фразы?

М у ж ч и н а. Из-за какой?

Ж е н щ и н а (*абсолютно серьезно глядя мужчине в глаза*). «Я — надломленная, я с трещиной на всю жизнь». Это Лара у Пастернака сказала.

М у ж ч и н а. Не выдумывай. Лариса и Лариса.

Женщина отходит в снег неуверенной из-за неудобной обуви поступью.

Ж е н щ и н а. Как ты мог назвать Ларой собаку? Ты же ничего не знаешь об этом имени...

Сцена двенадцатая

Женщина и мужчина 5 разговаривают за столиком в кафе, не трогая приборов.

Женщина держит на столе сжатый кулак с зеленой таблеткой.

Ж е н щ и н а. Вы женатый.

Мужчина 5, не теряя осанки, опускает глаза на правую руку. Кольца нет.

У вас след от кольца. В отпуск с супругой ездили? Подзагорели.

М у ж ч и н а 5 (*тихо, со стыдом*). Мы разводимся.

Женщина смотрит в окно, в сторону автобусной остановки. Разжимает кулак, катает зеленую таблетку между пальцами.

Ж е н щ и н а (*не поворачиваясь к собеседнику*). В театральной школе детям давалось упражнение: перед ними раскидывали произвольно предметы, задачей было с закрытыми глазами пройти от края до края ковра, ничего не задев. Преподаватель говорил, что не стоит рассчитывать на удачу. Нужно прислушаться, постараться понять не зрением, есть ли что-то рядом, и обойти это. Мы переминались с ноги на ногу, растопыривали пальцы рук, дышали ими, пытались учуять рядом свободу или тупик. (*Увлекается, жестикулирует.*) Я подсматривала и корила себя за это. Думала, как же я дальше смогу делать правильный выбор, если я так боюсь ошибиться. Жизнь оказалась очень непохожей на то испытание. Человеку глаза никто не завязывает. Мы всё видим: где некрасивый поступок, где шаг до измены, где прямо по ходу

движения ложь. Люди могут обойти всё это. Но скука толкает их на что ни попадя. Сам человек режется о дверную ручку, сам напарывается на ножки стула, сам калечится о кровать, сам бьется об угол. И, конечно, говорит, что он не увидел.

М у ж ч и н а 5 . Вы это к чему?

Женщина опять собирает руку с таблеткой в кулак.

Ж е н щ и н а . Я для вас — тот самый угол. Обойдите меня стороной.

М у ж ч и н а 5 . А я для вас кто?

Ж е н щ и н а . Вы? Не мой типаж.

Оба нервно смеются. Наклоняются над полными тарелками и чистыми ложками, едят.

Сцена тринадцатая

Женщина и мужчина сидят на пустой остановке. Едят из целлофана батон, кусая по очереди.

Ж е н щ и н а . А жена тебя любит?

М у ж ч и н а (кусая). Конечно, любит.

Ж е н щ и н а . Тогда она на меня похожа.

Мужчина, жуя хлеб, достает кошелек, а из него — фотографию. Женщина смотрит на фотографию в руках мужчины.

М у ж ч и н а . Непохожа.

Ж е н щ и н а . Похожа!

Мужчина неаккуратно убирает фото вместе с крошками в карман.

М у ж ч и н а . Не выдумывай.

Ж е н щ и н а (громко). Похожа! У нее лицо удивленное, как у меня. Мол, почему всё так нелепо. Несправедливо. Зло.

Мужчина берет женщину за локоть, наклоняется поцеловать.

М у ж ч и н а . У тебя красивое лицо.

Женщина принимает поцелуй рассеянно.

Ж е н щ и н а. И у нее красивое. (*Старается улыбнуться сквозь затуманенные слезами глаза.*) Такое красивое, что ты ее фото в кошельке носишь.

М у ж ч и н а (*подавая батон*). Она сама вставила.

Ж е н щ и н а. Но, если бы я вставила, ты бы его убрал, а ее носишь...

Мужчина кусает батон. Снег валит каскадом.

Сцена четырнадцатая

За столиком кафе женщина и мужчина 6 с тщательной стрижкой в стиле Backstreet boys. Едят.

Ж е н щ и н а. Я верю только в очень взрослые отношения. Без разговоров. Когда люди смотрят друг на друга и обо всём у них уговорено. Смущения нет. Люди раздеваются и пару лет потом не расстаются. Это, по мне, и есть любовь.

Мужчина 6 привстает, обрадованный легкой победой.

М у ж ч и н а 6. Я рассчитаюсь.

Ж е н щ и н а. Не так сразу...

Женщина возвращается к еде, не совсем отойдя от мечтаний.

Это в идеале.

Женщина ест с аппетитом, не обращая больше внимания на мужчину 6, сидящего напротив в недоумении и готовности встать в любой момент, сразу, как она доест.

Сцена пятнадцатая

На остановке как никогда много людей. Никто не проявляет большого интереса к мужчине и женщине, все такие же несчастные.

М у ж ч и н а (*кричит, указывая рукой в сторону, где стоят незнакомцы, ждущие своего автобуса*). Чего ты с ними сидишь? Ты думаешь, я ревновать буду?

Женщина хватается мужчину за шарф, удерживая, а не душа.

Ж е н щ и н а. Я хочу нормального отношения.

М у ж ч и н а. Ты думаешь, я к болтовне ревновать буду? Я знаю, что ты с ними не спишь.

Ж е н щ и н а. Не ревнуй, я найду своего человека. Ты это или не ты.

М у ж ч и н а (*перезавязывая шарф*). Сдались тебе эти отношения!

Ж е н щ и н а. Я ищу не отношений, я ищу место в мире. Кто я? Мои бабушки — близняшки. Одна вышла за циркача, другая — за директора ликеро-водочного завода. У них разные жизни, и дело не в деньгах.

М у ж ч и н а. Кто тебя вообще замуж возьмет.

Ж е н щ и н а. Ты... (*Смотрит пылливо мужчине в лицо.*) Ты не возмешь. Ты не мое, ты для меня пустое место. Остановка.

Оба продолжают стоять на остановке. Люди рядом. Машины проезжают мимо.

Сцена шестнадцатая

Женщина сидит за столиком кафе одна, подзывает официанта. Подходит мужчина 1.

Ж е н щ и н а (*опять не узнавая мужчину 1*). Я всё же сделаю заказ. Для себя. Тирамису и чай с лимоном. Я вдруг поняла, что не надо ходить на встречи с людьми, которых ты не ждешь. Вот не пришел человек, и мне всё равно. Значит, пришел бы, и тоже было бы всё равно. Не ёкнуло бы.

Мужчина 1 пристально смотрит на женщину.

М у ж ч и н а 1. Ваш заказ: тирамису и чай с лимоном. Время ожидания десерта: десять-пятнадцать минут.

Ж е н щ и н а (*отворачиваясь к окну*). Это долго. Только чай тогда. Мне, выходит, никто не нужен, если я никого не дожидаясь.

За окном ничего, кроме снега и дня, не происходит.

Сцена семнадцатая

Женщина, замерзшая, одна на темной остановке. Реагирует на каждый звук. Бойтся прохожих, но заглядывает в лица. Перед ней останавливается маршрутное такси. Водитель в черной кожаной куртке, вышедшей из моды десятилетия назад, открывает дверь.

В о д и т е л ь. Сегодня последний шанс.

Женщина не заходит.

Тебе что, платить нечем? Залазь, доведу.

Ж е н щ и н а. Дело не в деньгах, дело в ожиданиях.

Женщина забирается на каблуках в маршрутку.

В о д и т е л ь. По вечерам редко ходим. Но меня дождалась.

Дверь закрывается.

Сцена восемнадцатая

За столиком мужчина 7 — двадцатилетний парень, воспитанный на религиозной литературе, — смотрит деликатно куда-то в лоб женщине. Перед ними по большой кружке кофе со сливками. Женщина тянет напиток через трубочку, играет с ней губами.

Ж е н щ и н а. Знаете, мне сегодня хочется флиртовать. У меня было неприятное пробуждение. Холодное. И я не хочу завтра такого же.

М у ж ч и н а 7. Я бы тоже хотел проснуться в другом мире.

Ж е н щ и н а. О! Я часто думаю о том, какой он — идеальный мир.

М у ж ч и н а 7. С любимым человеком?

Ж е н щ и н а. Да, с любимым человеком и службой доставки кофе в постель «Не чувствуй себя одиноким».

М у ж ч и н а 7. А зачем в одном мире и то и другое?

Ж е н щ и н а. Я никогда не просыпалась рядом с любимым мужчиной. Не выходило пока.

Женщина выдергивает трубочку и кладет на стол. Прячется за кружку, отпивает.

А что вы кофе не пьете? Я сегодня вам его не доставила, но заказала.

М у ж ч и н а 7 (*виновато*). У меня тахикардия.

Женщина зажимает ножку кофейной кружки между указательным и средним пальцами и отодвигает от себя.

Сцена девятнадцатая

Женщина курит, не глядя на рядом стоящего мужчину. Люди где-то поодаль. Кричат дети, не уложенные вовремя спать.

Ж е н щ и н а. Ты знаешь, что я сделала с билетами? *(Затягивается.)* Скурила! Ты не пришел, и я их скурила! *(Нервно посмеиваясь.)* Как эту сигарету, в трубочку и подожгла. И всё-всё в себя втянула.

М у ж ч и н а. Ты дурная? Я не мог. Ты знаешь, что они еще пятнадцать дней действительны. Я специально купон купил... а не в кассе.

Ж е н щ и н а. Почему ты не мог? *(С надеждой смотрит на мужчину.)*

М у ж ч и н а. Говорю: не мог!

Ж е н щ и н а *(поверив, из желания не быть обманутой)*. Я не назло скурила. Я скурила, чтобы почувствовать жар твоих рук. Ты держал эти билеты, носил в кармане брюк. *(Приобнимает мужчину.)* Мне было так одиноко. Я ими грелась.

М у ж ч и н а. Это были не билеты, а купоны.

Мужчина и женщина стоят на остановке в обнимку. Она с сигаретой, которую через его руку подносит ко рту с немигающим взглядом отчуждения. Детские голоса в глубине остановки переговариваются, но женщине и ее любовнику слов не разобрать.

Сцена двадцатая

Женщина в кафе подходит к столику, опоздавшая и взволнованная.

Ж е н щ и н а. Я Лара. Редкое имя.

Мужчина 8, человек с красивым золотым перстнем на мизинце и пробивающейся в черных волосах сединой, пожимает плечами.

М у ж ч и н а 8 *(с расстановкой)*. Александр.

Женщина садится.

Ж е н щ и н а. У моей соседки кошка Лара. У любовника была собака Лара. У первого парня — корова Лара. Они все были готовы ко встрече со мной. А вы?

М у ж ч и н а 8 (*объясняет как маленькой девочке, буквально по словам*). Мне женщина нужна, я собак не люблю.

Ж е н щ и н а. В общем, вы к такой суке, как я, не готовы... (*Истерично смеется.*) Я так и подумала. Вы интеллигентный, вы умный. (*Начинает плакать.*) Извините! Можно я вам кролика подарю, вы его моим именем назовете?

Мужчина 1 ставит тарелку между женщиной и мужчиной 8.

М у ж ч и н а 1. Ваш кролик в винном соусе, овощи гриль.

Сцена двадцать первая

Женщина стоит у двери квартиры, с аккуратной как никогда прической, держит кролика, как младенца.

Ж е н щ и н а. У меня для вас кролик. Он хочет тепла. (*Протягивает животное.*) Ваш муж думает, что вы против кролика. А мне кажется, вы за.

Жена мужчины стоит с другой стороны двери.

Ж е н а м у ж ч и н ы. А как вы узнали, что я замужем? Выгляжу счастливой?

Женщина выпускает кролика на пол прихожей через дверь, видит, как он идет по лаковому паркету.

Ж е н щ и н а. Удивленной.

Ж е н а м у ж ч и н ы. Ну, я вас первый раз вижу, вы кролика предлагаете...

Женщина уходит.

Ж е н щ и н а (*уже со ступенек*). Удивленной не мне, миру. Мы с вами похожи. Извините, мне плохо. Голова... Сердце... Я пойду.

Спускается по лестнице.

Сцена двадцать вторая

Женщина вываливается из подъезда в своей смешной розовой шубе, идет покачиваясь, с затуманенным взглядом. Жена мужчины, красивая и складная, придерживая дверь, чтобы не хлопнула, выбегает за ней в накинутой норке.

Ж е н а м у ж ч и н ы. Вы кролика оставили...

Женщина оборачивается. Смотрит на шубу соперницы.

Ж е н щ и н а. Настоящая... *(Ощупывает, гладит мех. Как тело любимого.)* Каково это — быть настоящей женой?..

Ж е н а м у ж ч и н ы *(не убирая рук Лары)*. Ой, мне кажется, я поняла, кто вы. Мы с вами не похожи... Но вы красивая.

Ж е н щ и н а. Просто любите кролика. Мужчинам всё равно на кроликов. Но нам не всё равно. Нам на кроликов не всё равно.

Женщина обнимает жену мужчины: не как подругу или родственницу, а крепко, как разовую любовницу на прощание.

Сцена двадцать третья

Фигура женщины под фонарем, в отдалении знакомая ей до боли остановка. Женщина достает под светом фонаря из экстравагантного клатча зеленую таблетку. Глодает ее, зажмурившись, без воды. Стоит в свете фонаря. Красивая.

Екатерина Жмырова

Паразит

Действующие лица

Б р а г и н — отец семейства, 38 лет.

Л ю б а — его жена, 37 лет.

В е р о н и к а — дочь Брагина и Любы, 17 лет.

А л е в т и н а П е т р о в н а — мама Брагина, 62 года.

М а р и н а — любовница Брагина, с которой у них
всё кончено, 30 лет.

В а л е р ь я н ы ч — продавец в уличном ларьке.

Ж е н и х М а р и н ы.

Голоса и очертания жителей многоэтажки.

Действие происходит в течение одного дня в спальном районе любого российского города, в пространстве, огороженном тремя типовыми панельными многоэтажками.

Сцена первая

Квартира Брагиных. Утро. Просторная гостиная с незаконченным ремонтом: обои сорваны, часть мебели накрыта пленкой. Дверь в комнату Вероники. Выход в коридор и кухню. В кресле у окна среди строительного разгрома устроился Брагин с книжкой. Люба подметает пол. Вероника в наушниках, с чаем и бутербродом проходит в свою комнату и скрывается там. Люба доходит до Брагина, демонстративно водит веником у его ног. Он не обращает на жену внимания, читает.

Л ю б а. Ноги!

Брагин не реагирует.

Брагин, ноги подними!

Реакции ноль. Люба долго и пристально сверлит глазами мужа.

Глубокоуважаемый господин Брагин, не соизволите ли вы слегка приподнять ноги, чтобы челядь сделала воскресную уборку.

Брагин приподнимает ноги, не отрываясь от книги. Люба продолжает сверлить его взглядом.

Б р а г и н (*откладывая книгу*). Могу я спокойно посидеть в свой единственный выходной, в конце концов?

Л ю б а. Знаешь что, Брагин? А давай-ка ты сам подметай, в конце концов! У меня, между прочим, тоже выходной. И мусор заодно вынеси. Три ведра из-под штукатурки в коридоре с позавчера стоят. Но ты ходишь мимо, будто их там нет. Ты их не замечаешь, Брагин! Слишком для тебя мелко!

Б р а г и н (*рассеянно*). Штукатурки?

Л ю б а. Декоративная штукатурка «Вебер-фасад». Морозостойкая, негорючая, под покраску.

Б р а г и н. О господи! (*Примирительно*.) Люб, ну вот какой сейчас смысл в этой уборке, а? Всё равно же ремонт!

Л ю б а. То есть когда в квартире чисто, ты не видишь в этом смысла?

Б р а г и н. Не вижу.

Л ю б а. Может, ты и в ремонте не видишь смысла? Может, я всё это для себя затеяла, от скуки?!

Б р а г и н (*устало и монотонно*). В своевременном ремонте типовой городской квартиры с периодичностью лет так в пять очень много смысла. Длительный контакт с однообразным интерьером вызывает у человека беспричинное состояние тревоги, вспышки депрессии и бессонницу. Если не оштукатурить стены вовремя, в жилище появляются плесень и грибок. Плесень и грибок могут стать причиной паразитных дерматозов. Но сейчас я просто хочу, чтобы в мой выходной меня ненадолго оставили в покое. Хорошо?

Л ю б а. Сам ты, Брагин, плесень и грибок. Занудная зеленая квартирная плесень...

Б р а г и н. Хочу, чтобы меня не беспокоили хотя бы пару часов. Всего каких-то два часа не дергали. Потом я встану и всё сделаю. Сделаю всё, что ты захочешь. Договорились?

Л ю б а. После того как закончим ремонт. У тебя на сборы полчаса. Нам надо за обоями в «Баумаркет» ехать. Фисташка или тиффани?

Б р а г и н. Что?

Люба. Оттенки твоего любимого зеленого. Наверное, лучше фи-
сташка...

Люба идет в сторону кухни.

Б р а г и н. Давайте без меня, а? Я полностью доверяю твоему вкусу.
Люба (*резко поворачиваясь*). Что???

Б р а г и н. Ну не могу я уже видеть эти строительные магазины!
Не могу, понимаешь? (*Изображает чей-то противный голос*.) Модная
сантехника — находка для гурмана! Сотрудник отдела «Декор», прой-
дите, пожалуйста, в «Линолеум»! Какая от меня польза? Я всё равно
частичный дальтоник. Верку вон с собой возьми.

Люба. То есть я должна тащить восемь рулонов на себе одна,
потому что ты частичный дальтоник?

Б р а г и н. Почему на себе? Ты можешь взять такси.

Люба. Значит, так? Угу. Так, значит?

Люба выходит из комнаты.

Б р а г и н (*ворчит себе под нос*). В ушах от вас от всех гудит! У одной
дрынц-дынц-дынц целыми днями, у другой — ведра из-под негорю-
чей шпаклевки...

Люба (*кричит из другой комнаты*). Штукатурки!

Б р а г и н. Могу я раз в неделю побыть в тишине два часа?! Жалких
два часа из ста шестидесяти восьми... (*Снова принимается за чтение*.)

Люба возвращается с одеждой Брагина, небрежно кидает ему.

Люба. Одевайся!

Б р а г и н. Не буду. Я никуда не поеду. Я объявляю бойкот.

Люба. Голодовку заодно объяви. Сэкономим на продуктах, плазму
новую купим.

Брагин демонстративно скидывает одежду на пол.

Б р а г и н. Которая разрушит последнюю надежду установить взаи-
мопонимание в семье.

Люба. Посмотри, на кого ты похож!

Б р а г и н. А что тебя не устраивает? Интеллигентские кальсоны.
Я у себя дома, между прочим.

Люба а. Интеллигентские кальсоны! Тебе тридцать восемь лет, Брагин! Почти сорокет! И чего ты достиг? Чего добился? Что полезного для общества сотворил?

Брагин. Тебя интересует, оставил ли я след в вечности?

Люба а. Ты даже кандидатскую не защитил!

Брагин. Выходила бы за Черкашина. Он защитил.

Люба а. Господи, да при чем здесь Миша?

Брагин. Действительно, при чем? При чем, а? Хотел бы я тебя спросить!

Люба а. Кончай паясничать, Брагин.

Люба выхватывает у Брагина книжку.

Брагин (*крайне возмущенно*). Книгу отдай!

Люба а. Не отдам!

Брагин. Люб, я кому говорю, верни книгу!

Люба а. Ой, да это же Бунин! Брагин у нас, оказывается, сентиментален! Кто бы мог подумать! Уж точно не жена! (*Листает книгу, с издевкой.*) «Солнечный удар». Да неужели?

Брагин. Отдай, говорю!

Люба а. Что? Что ты говоришь, милый? Я тебя не слышу!

Брагин вскакивает с кресла, пытается выхватить книгу, Люба проворно отскакивает.

Брагин. А ну верни книгу!

Люба а. Ничего не слышу! Ничегошеньки! Кто здесь? (*Читает, с издевкой.*) «Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваем?»

Брагин. Люба, я тебя прошу, не делай этого.

Люба а. А что я такого делаю? А? Цитирую классика мировой, между прочим, литературы. Тебе можно на досуге книжки читать, а мне нельзя? «И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим легким холстинковым платьем после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке». Прекрасный образ! Пробирает до слез! Кстати, Брагин, когда ты вывезешь семью на море? Два года в отпуске не были.

Брагин молчит, злобно смотрит на жену. Люба с вызовом смотрит на Брагина. Повисает пауза, которая еще позволяет что-то исправить.

(*Противно, громко, нараспев.*) «Поручик так порывисто кинулся к ней и оба так испуганно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоми-

нали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой...»

Пауза.

(Хлюпает носом.) Так это у тебя с ней было, да, Брагин? Так? Солнечный удар, наваждение, сплошной экспромт?

Б р а г и н. Ну, давай-давай! Плачь, реви, манипулируй! Закати истерику, расскажи мне, какое я ничтожество, как жизнь тебе испортил, как ты была бы сейчас женой доктора наук и сопровождала бы Черкашина во время заграничных симпозиумов в коктейльном платье и шляпе с пером.

Брагин ходит взад-вперед. Люба плачет.

Как индифферентно отношусь к ремонту в доме, не мою с тобой полы в четыре руки, не участвую в воспитании дочери! *(Подлетает к комнате Вероники, стучит в дверь.)* Дочь, иди сюда!

Л ю б а. Ребенок-то тебе в чем виноват?

Б р а г и н. Ребенок! Да на этом ребенке пахать можно! *(Снова стучит в дверь.)* Эй, Вероника! А ну вылезай из своей норы, из логова своего, из убежища! Отец желает с тобой говорить! Воспитывать тебя желает! А то мать утверждает, что я отлынивал от педагогических экспериментов над живым, между прочим, человеком целых семнадцать лет!

Л ю б а. Оставь девочку в покое, она здесь вообще ни при чем!

Б р а г и н. Она ни при чем, ты ни при чем! А кто при чем? Кто?

Вероника выглядывает из своей комнаты, не вынимая наушников.

В е р о н и к а. Что-то случилось, пап?

Б р а г и н. Эй, дочь, а ну, рассказывай, чем живешь, чем дышишь, какие планы на будущее?

В е р о н и к а. А?

Б р а г и н. Давай, говорю, дочь, с тобой по душам разговаривать!

В е р о н и к а. Давай потом, пап? Я занята.

Б р а г и н. Наушники вытащи.

В е р о н и к а. Что?

Брагин выдергивает у Вероники из ушей наушники.

Б р а г и н. Вот так значительно лучше. Так у нас сейчас воспитательный процесс пойдет значительно быстрее.

В е р о н и к а. Пап, наушники отдай!

Брагин вставляет наушники себе в уши.

Б р а г и н. Та-а-ак. Что это у нас тут за бум-бум-бум? Что за тыц-тыц-тыц? Как еще у нас барабанные перепонки от этой какофонии не разорвало?

В е р о н и к а. Пап, отдай наушники!

Б р а г и н. Не отдам! Наушники, между прочим, куплены на мои деньги, как и всё остальное в этой квартире!

В е р о н и к а. Наушники мне Вадик на день рождения подарил, пап.

Б р а г и н. Вадик? А что это у нас еще за Вадик? Почему отец не в курсе?

В е р о н и к а. Вадик — кто.

Б р а г и н. Лань в манти! Какие-то проходимцы дарят дочери дорогие подарки, а я об этом узнаю через полгода!

В е р о н и к а. Мой день рождения был месяц назад, пап.

Л ю б а. Отстань от девочки, я тебя прошу!

В е р о н и к а. Пап!

Б р а г и н. Ну что тебе, дочь?

В е р о н и к а. Отдай!

Б р а г и н. А ты скажи матери, чтоб моего Бунина отдала!

Л ю б а. Только после раздела имущества!

Вероника с пренебрежением смотрит то на мать, то на отца, отворачивается, возвращается в свою комнату, демонстративно хлопает дверью, врубает музыку на полную громкость.

Ну что, Макаренко? Воспитал?

Б р а г и н. Эгоцентризм, лень, разгильдяйство. Музыкальный вкус ни в какие ворота. Твое пагубное влияние.

Л ю б а. Зато гены твои. Господи, ну почему я не развелась с тобой полгода назад?! Всё ведь уже было решено. Всё! Даже заявление в суд подано.

Б р а г и н. Решили подождать, пока Верке исполнится восемнадцать, забыла?

Л ю б а. Ах, да. Тебе же тогда не надо будет алименты платить.

Б р а г и н. Не в этом дело.

Л ю б а. В этом, Брагин, в этом. И в этом тоже...

Б р а г и н. Ну так еще не поздно всё исправить! Книгу только верни.
Л ю б а. Ты о чем?

Б р а г и н. Ты отдаешь книгу, и я уйду. Навсегда. Без претензий, материальных притязаний и упреков.

Л ю б а. Значит, кроме книжки, тебе от меня ничего не нужно?

Б р а г и н. Именно! Удаюсь, как истинный интеллигент. Босой и с томиком Бунина.

Л ю б а. Слишком жирно.

Б р а г и н. Что?

Л ю б а. Слишком жирно тебе, говорю.

Люба выходит, но почти сразу возвращается, кидает Брагину в ноги спортивную сумку.

Б р а г и н. Что это?

Л ю б а. Интеллигентский набор: бритва, носки, трусы. С такими пожитками эффект, конечно, не тот, но...

Б р а г и н. Без Бунина никуда не пойду!

Л ю б а. Паразит ты, Брагин! Плесень, грибок и паразит!

Люба кидает в сумку книгу. Брагин натягивает брюки поверх кальсон, берет сумку, снимает с крючка легкую куртку, выбегает из квартиры прямо в тапочках, хлопая дверью. Люба садится в кресло. Сидит некоторое время, глядя в пустоту. После встает, берет веник, хочет начать подметать, но вместо этого снова садится в кресло, закрывает лицо руками. Из соседней комнаты стучит по мозгам Вероникино «тыц-тыц-тыц».

Сцена вторая

Улица. Брагин стоит во дворе у ларька с надписью «Учет». Его окружают три одинаковые многоэтажки. Обращается непонятно к кому.

Б р а г и н. Вот скажи мне, Валерьяныч, когда, в какой момент что-то пошло не так? Где, когда и в какой момент? Мне тридцать восемь лет. Что я могу вспомнить? Детство? Хорошего мальчика, который думал, что вырастет и станет хорошим взрослым? Что-то припоминаю, ага, но уж больно смутно. Обрывки какие-то, куски пленки, нарезка. Рыжая меховая шапка с ушами. Я в ней как юный сенбернар. Кидаю две копейки в эту выемку, как она называлась? Слово какое-то противное. Кручу телефонный диск. Кому звоню? Кто бы помнил! Фотокружок во дворце пионеров. Девочка в зеленом платье в горох. Или голубом? Может, даже в этом — фисташковом. Хотя какая, к черту,

разница, у меня всё равно частичный дальтонизм. Мушкетера в тетрадке нарисовал. Арамиса. Или нет, этого — Атоса, он самый умный. От химички влетело. Ситро помню «Буратино», напиток газированный «Байкал». Как первые снежинки на языке тают, помню... (*Стучит в окошко ларька.*) Эй, есть кто живой? Валерьяныч, я же знаю, что ты там! Сигарет хотя бы дай!

Никто не отвечает.

Фотографию помню. Школьную, групповую. Конец первого класса. Нас выстроили в три ряда. В первом мальчишки на корточках, во втором девчонки на стульчиках сидят. В последнем — учительница первая моя. Как же ее звали? И те, кто повыше. Я, конечно, как самый мелкий, в первом, на корточках. И прямо в тот момент, когда фотограф нас собрался снять, ну как там это обычно происходило — а ну-ка, дети, скажите «сыр» и всё такое, — я вдруг вижу: в траве кузнечик сидит. В траве сидит кузнечик, ага. Или это была стрекоза? В общем, жука какого-то узрел, насекомое. Ну и вот, в тот самый момент, когда фотограф нас снимал, я за этим жуком прыгнул. Все дети как дети, сидят ручки на коленочках, лица серьезные, а Брагин за жуком ползет. Только нет у меня этой фотографии. У Грековой, кажется, была. Где же она теперь, эта Грекова? На медсестру, что ли, выучилась или на проводницу... И как ее звали, Инна, что ли? Или Лена? Хорошая ведь деваха была, добрая, в соседнем подъезде жила, за одной партией сидели, а я теперь даже имени ее не помню. Куда всё это делось?

Стучит сначала себе по лбу, потом в окошко. Ответа нет.

Еще гуляли во дворе. Всё детство во дворе. Мать на работе, ключ на шее. Целый день с пацанами во дворе гоняем. Жрали всё, что успело распуститься и завязаться: яблоки, клевер, крапиву. Прутик сунуть в муравейник, потом облизнуть — милое дело. Как не отравились-то, блин, не слегли с дизентерией? Еще орал под окнами: «Мама!» А чего орал-то, зачем? Ну, выглянула бы мать в окно, вышла бы на балкон — и что? Воды скинуть попить? Так не было тогда пластиковой тары, только стекло. Тара, точно! Не бутылки, а тара — стеклотара. Ее сдавали в полуподвал. Тащишь, бывало, авоську с бутылками через два квартала, считаешь в уме: десять молочных по пятнадцать копеек — это рубль пятьдесят, пятнадцать бутылок «евро» — это рубль восемьдесят. Итого три рубля тридцать копеек. Огромные деньги,

целое состояние. А иногда придешь, притащишь эти жуткие, гремящие авоськи, а на окошке пункта приема бумажка висит: «Тары нет!» Вот облом так облом! Ящики эти, в которые бутылки складывали, тоже тарой называли. Их еще по льду возить было здорово. Разгоняешься и...

Снова стучит в окошко.

Эй, у вас тара есть?

Ответа нет.

Зачем же я тогда мать под окнами звал, а? Что спросить хотел? Защитить от хулиганов, стоя на балконе, она меня вряд ли могла. Особенно с учетом того, что я сам главным дворовым хулиганом был. Помню, стоишь под окном, орешь: «Мама!» А Нестеренко вопит еще громче: «Папа картошку привез!» Может, когда мультики начнутся, спросить хотел? «Ну, погоди!» там или про Чебурашку с крокодиллом. Не помню...

Открывается окошко.

Гутен морген, у вас тара есть?

В а л е р ь я н ы ч. Какая еще тара, Брагин? Иди просппись.

Б р а г и н. Два пива и сигареты.

В а л е р ь я н ы ч. Не отпускаем. По закону не положено.

Б р а г и н. Да ну? А то мы не знаем, как вы не отпускаете!

В а л е р ь я н ы ч. Что ты тут уже полчаса околачиваешься зазря? Вон продуктовый через дорогу.

Б р а г и н. Не могу я в продуктовый, Валерьяныч, у меня денег нет. От жены ушел. Навсегда. Видишь, в тапках?

Продавец выглядывает из окошка, без интереса рассматривает тапки Брагина.

Хочешь, я тебе Бунина в залог оставлю, третий том? Единственное нажитое за двадцать лет совместной жизни имущество. Еле отвоевал у теперь уже бывшей супруги.

В а л е р ь я н ы ч. Да иди ты со своим Буниным! *(Исчезает в недрах ларька, снова высовывается с пивом и сигаретами.)* Ты мне и так триста рэ должен.

Б р а г и н *(открывает бутылку зажигалкой, отхлебывает, произносит, подражая какому-то киногерю)*. Запишите на мой счет.

В а л е р ь я н ы ч. Куда пойдешь-то? К Маринке?

Б р а г и н. Ну нет. Только не к Маринке. С Маринкой у нас всё, совсем всё — финита ля комедия...

Сцена третья

Квартира матери Брагина. Планировка в квартире Алевтины Петровны точь-в-точь такая же, как в предыдущей, только на месте комнаты Вероники — комната самого Брагина. Брагин долго звонит в дверь. Наконец мать открывает. Она стройна, обильно напудрена, на голове возвышается шиньон, замысловато обрамленный остатками собственных волос.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Стой тут! Увидишь кимоно мое новое, прям упадешь!

Исчезает, оставляя сына в дверях, но буквально через десять секунд появляется в умопомрачительном черном шелковом кимоно с алыми розами.

Ну? Как тебе? А? Один сегодня прям упал. Молоденький такой! Какой-то распространитель.

Б р а г и н. Мам, дождь на улице, я весь промок. Можно наконец войти?

Алевтина Петровна капризно поджимает накрашенные морковной помадой губы, но отстраняется, пропуская сына. Брагин снимает чавкающие тапки, проходит в гостиную, которая, как и ее хозяйка, давно пережила сама себя и нуждается как минимум в капитальном ремонте. Комната оформлена с претензией на декаданс — старинная мебель, картины, зеленый абажур. Брагин осматривается, расстегивает спортивную сумку, начинает раскладывать свой незамысловатый скарб, ставит в книжный шкаф Бунину.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Что ты делаешь?

Б р а г и н. Оправдываю твои ожидания.

А л е в т и н а П е т р о в н а. ???

Б р а г и н. Планирую прямо с сегодняшнего дня стать хорошим сыном, порядочным человеком и ответственным гражданином своей страны.

А л е в т и н а П е т р о в н а. С чего начнешь?

Б р а г и н. Переквалифицируюсь в управдомы. Возможно, устроюсь начальником химчистки или художником-оформителем в ЖЭК.

Алевтина Петровна невозмутимо садится в кресло-качалку, закуривает сигарету в мундштуке.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Лучше бы роман написал.

Б р а г и н. «Несбывшиеся мечты идиота»?

А л е в т и н а П е т р о в н а. Ну зачем же? Про мир, в котором уничтожают пошлостью и глупостью любой искренний душевный порыв. А что? У тебя в гимназические годы весьма недурно сочинять получалось...

Б р а г и н. Какая гимназия, мам? Я учился в средней школе номер сорок два Солнценского микрорайона. Половина моих одноклассников в тюрьме сидят.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Всё бы тебе драматизировать, Митрий. Всё бы трагедии на пустом месте возводить...

Б р а г и н. Ма, спросить хотел...

А л е в т и н а П е т р о в н а (*перебивает*). Представляешь, Митрий, есть у нас в драмкружке одна такая Светлана Лунная. Псевдоним, естественно. Старушка с оголенным плечом. Рвется на сцену, как бешеный гепард. А этот приезжий вьюноша, этот альфонсирующий молодой режиссеришка дает ей Раневскую!

Б р а г и н. Мам, помнишь, я когда маленький был...

А л е в т и н а П е т р о в н а. Ну что ты мамкаешь, как пятилетний? И прекрати ходить из угла в угол! Возбуждение двигательных нервов?

Брагин садится на диван.

Б р а г и н. Я от жены ушел, ма...

А л е в т и н а П е т р о в н а. И что же тебя так утомило?

Б р а г и н. Несовершенство мира.

А л е в т и н а П е т р о в н а. А Любка-то здесь при чем? Золото, а не девка — тихая, хозяйственная, терпит тебя, паразита, столько лет и даже почти не жалуется.

Б р а г и н. Да не Любка, а график выноса мозга и помойного ведра, расписанный на шесть лет вперед.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Звучит крайне нелепо. Но ты не падай духом, Митрий. Я этот тип женщин хорошо знаю. Погуляешь, перебесишься, обратно придешь — и примет. Поплачет, распишет тебе, какой ты подлец, и будет держать тебя всю оставшуюся жизнь на чувстве вины, как на коротком поводке.

Б р а г и н. Да не хочу я обратно, ма! У тебя поживу. Временно.

Алевтина Петровна встает и плавно движется в сторону кухни.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Я в водевилях не играю, Митенька. Не мой жанр. Кофий хочешь?

Б р а г и н. То есть как, ма?

Брагин ходит по комнате, осматривая отвалившиеся местами обои.

(Бурчит себе под нос.) Криво, криво, всё как-то криво...

Через некоторое время является Алевтина Петровна с серебряным кофейным сервизом на подносе, ставит его на ломберный стол. Мать и сын пьют кофе вместе, но уже не предпринимают попыток установить взаимопонимание, сосредоточившись каждый на своем.

А л е в т и н а П е т р о в н а. А у меня, Митрий, между прочим, тоже не всё гладко... Знаешь, сколько лет Любови Андреевне Раневской?

Б р а г и н. Кому? А... в пьесе не сказано.

А л е в т и н а П е т р о в н а. А ты посчитай! Если ее дочери Ане семнадцать и она сама родила ее в семнадцать... выходит, что Раневской, которую традиционно играют стареющие примы, было тридцать четыре года. *(Вздыхает.)*

Б р а г и н. Не могу я так больше, мам, понимаешь, не могу! Мне тридцать восемь лет. Двадцать из них я хожу туда-сюда, плачú по счетам, покупаю диваны, делаю ремонты. Я просто... Просто хочу положить голову любимой женщине на колени, плакать и молчать. Долго-долго. Но нельзя, не положено, я же у нас мужчина... Луч света в женском царстве...

А л е в т и н а П е т р о в н а. Мужчина... лучшие мужчины были у моих ног... и не надо на меня так осуждающе смотреть, Митрий! К актрисам и поэтам неприменимы мерки абсолютной нравственности!

На лице Брагина нет и намек на осуждение, он вообще смотрит в другую сторону, поглощенный своими мыслями.

Это ты, мой милый, можешь жить под надежной защитой условностей. А я? Кто я? Кто я теперь? Осенняя хризантема на опустевшей даче? Часовой, стоящий на страже брошенной крепости?..

Б р а г и н. Любка хочет дом. До-о-ом. Дом-мавзолей, дом-крепость. Квартиры ей уже мало. Хочет стать землевладелицей, помещицей хочет стать, столбовою дворянкой. Будет сажать сельдерей, базилик и помидоры. Говорит, запах помидорной ботвы такой же жизнеутвер-

ждающий, как запах кофе... Или наоборот — запах кофе такой же жизнеутверждающий, как запах помидорной ботвы? Черт ее разберет...

А л е в т и н а П е т р о в н а. Конечно, я не берусь за роли, в которых нужно сыграть стареющую мать главного героя. Это пошло и унизительно... Знаешь, что мне недавно сказал этот ушлый заезжий режиссеришка? Алевтиночка, в определенном возрасте медведь с трудом учится новым трюкам! Я — медведь! Стареющий цирковой дрессированный монстр, которого через пять лет сдадут в зоосад на дожитие!..

Б р а г и н. А через пять лет Верка убежит с этим или каким-нибудь другим Виталиком. Как раз к тому моменту, когда я... мы... достроим этот до-о-ом. Вот тогда-то и слетят все маски, мишура вся эта, обертки-фантики... И бьюсь об заклад, что никому, и мне в первую очередь, не понравится это побитое временем истинное лицо. Мое, между прочим, собственное.

А л е в т и н а П е т р о в н а (*дотрагивается кончиками намакиюренных пальцев до морщинистых щек*). Ох, Митенька, какой «Шанели» ни покупай, а кракелюр уже не поддается реставрации. Придется под нож...

Б р а г и н. Вот тогда-то Любка наконец поймет, что такое глухота! Космическая глухота! Одиночество глухонемых детей в стерильной пластиковой песочнице...

А л е в т и н а П е т р о в н а. Ладно еще сама операция, слава богу, здоровье позволяет, выдержу, но как представлю эти бантики за ушами! Бантики, Митя! Их же надо будет под волосами скрывать! С цирюльником вот сегодня говорила, и знаешь, что он мне предлагает? Это просто немыслимо, немыслимо! Заказать парик!

Б р а г и н (*вскакивает, хватается за голову*). Господи, мама! Цирюльник, кракелюр! Ты еще почтмейстера вызови и пирамидону у аптекаря закажи!

А л е в т и н а П е т р о в н а. Мой сын так же толстокож, как все мужчины! Абсолютно все! Все без исключения!

Демонстративно встает, подходит к шкафу, берет бутылек с корвалолом, капают в стаканчик, считая.

Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре...

Б р а г и н. Ма, прекрати ломать комедию! Ты не в драмкружке!

А л е в т и н а П е т р о в н а. Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре...

Алевтина Петровна отчаянно выпивает корвалол, подходит к проигрывателю, ставит пластинку. Звучит романс Вертинского. С закрытыми глазами начинает кружиться по комнате и подпевать, словно впад в транс. Брагин некоторое время наблюдает за матерью, потом встает с дивана и ходит вокруг нее, стараясь производить максимально много шума. Алевтина Петровна не реагирует. Брагин топает, хлопает в ладоши, но ничего не помогает. Снова садится на диван. Немного подумав, бросает в сумку свои пожитки. Подходит к книжному шкафу, достает Бунина, но, передумав, снова ставит книгу обратно. Тихо идет к выходу, закрывает за собой дверь. Во время хлопка двери Алевтина Петровна приоткрывает один глаз, но тут же снова впадает в свой спасительный танцевальный транс.

Сцена четвертая

Улица. Брагин ходит туда-сюда по двору.

Б р а г и н. От моего подъезда до Маринкиного подъезда сто шестнадцать шагов. Сто шестнадцать... *(Идет, считая шаги.)* Раз, два, три, четыре... *(Поясняет кому-то.)* Просто хочу положить голову любимой женщине на колени, плакать и молчать...

Резко останавливается, поворачивает и идет в другую сторону, снова останавливается.

Быть одному, в сущности, не так уж и плохо. Просыпаешься, с тобой здороваются фейсбук. Доброе утро, говорит, Дмитрий, не забудьте взять зонтик, сегодня в нашем славном городе ожидаются кратковременные дожди. «Зэ» — забота. При этом ты ничего не должен взамен, никто не обвинит тебя в невнимательности и эгоизме. Когда ты живешь один, начинаешь искать смыслы и идеи внутри, а не развлекать себя за счет другого человека. Знаешь, есть такие люди, они как будто специально носят с собой полиэтиленовые пакетики, чтобы шуршать ими, когда станет тихо. Особенно в театре или ночью в поездах. Привлекать внимание. Эй, я здесь, я существую! Даже если вы меня не хотите видеть, то вы меня всё равно услышите! И я не дам вам спать! Шуршунчики такие — с виду тихоня, а внутри Гитлер. Так вот, я больше не хочу, чтобы рядом со мной кто-то шуршал. Не хочу фанерного этого существования! Слабого, но постоянного тока не хочу! Не хочу входить в абы какую дверь только потому, что она открыта! Лучше годами стучаться лбом в закрытую. Но это будет именно та дверь, в которую я действительно стремлюсь!

Подходит к ларьку, на котором снова висит табличка «Учет». Стучит в окошко.

Два пива! Эй, Валерьяныч! Для ровного счета чтобы!

Окошко медленно открывается.

В а л е р ь я н ы ч. Брагин, что это за приключения тела в замкнутом пространстве? Кончай уже философствовать, иди домой спи!

Б р а г и н. Нет у меня больше дома, я же сказал.

В а л е р ь я н ы ч. К Маринке тогда иди. А то к ней тут хахаль с букетами ходить повадился. Забудет тебя зазноба.

Б р а г и н. Ни за что! *(Объявляет, словно манифест.)* Когда ты живешь один, начинаешь искать смыслы и идеи внутри, а не развлекать себя за счет другого человека!

Продавец ставит на прилавок два пива.

В а л е р ь я н ы ч. Чо???

Б р а г и н. Сколько за пиво должен, говорю?

В а л е р ь я н ы ч. Сто шестнадцать рэ.

Брагин берет одну бутылку, открывает зажигалкой, делает глоток, скачет у ларька, как козлик.

Б р а г и н. Сто шестнадцать, сто шестнадцать, сто шестнадцать...

Сцена пятая

Квартира Марины. Планировка несколько отличается от предыдущих, но лишь потому, что это «однушка». Здесь чисто, светло, накрыт стол со свечами. Брагин долго звонит в дверной звонок. Марина открывает дверь, хочет тут же захлопнуть, но Брагин успевает поставить ногу в проем.

М а р и н а. Меня нет дома.

Б р а г и н. Не ври, у тебя свет горит.

Марина сдается и открывает дверь. Она при полном параде: платье, макияж, прическа.

Как называется то, что у тебя на голове? Бабетта? У моей жены на свадьбе что-то похожее было. Только еще эта... *(Растопыривает пальцы веером.)* Фата! Символ невинности.

Брагин входит, по-хозяйски рассказывает по квартире, рассматривая ее.

Смотрю, у тебя тут косметический ремонт, перестановка. А что, мне нравится! (*Скрежет стену ногтем.*) Декоративная штукатурка «Вебер-фасад»? В огне не горит, в воде не тонет? Ты бы хоть сесть предложила!

М а р и н а. Тебе предложишь сесть, ты сразу на диван ляжешь.

Брагин останавливается у накрытого стола.

Б р а г и н. Угу, всё понятно. Шампанское, «Хенесси», устрашающее количество мегакалорийной еды. Ты же не умеешь готовить?

М а р и н а. В ближайшей кулинарии умеют.

Б р а г и н. Будешь врать, что сама?

М а р и н а. Когда я тебе врала, Брагин? По этой части ты у нас специалист.

Б р а г и н. Мы расстались по недоразумению.

М а р и н а. Мы расстались, потому что ты передумал уходить от жены. Обещал-обещал, а потом передумал. Банальная, в общем-то, история. Как я попалась?

Б р а г и н. Чертова харизма. Я тебя обаял.

Брагин садится за стол и бесцеремонно откупоривает чужой коньяк.

Ну, давай рассказывай, кто он? Должен же я понимать, в чьи руки отдаю такую прекрасную женщину.

М а р и н а. Он прекрасный порядочный человек.

Б р а г и н. И тебе это не кажется подозрительным?

М а р и н а. По-твоему, все люди сволочи?

Б р а г и н. Ну почему же? Я, например, согласно твоей классификации — мудака. А он? Ну, кто на этот раз? Топ-менеджер? Нефтяник? Инструктор по тайскому боксу? Помнится, одно время тебе нравились творческие личности — танцоры, гитаристы, теноры. Если бы внезапно не появился я, ты бы однажды смогла собрать из своих бывших любовников академический ансамбль песни и пляски.

М а р и н а. Где ты был полгода, Брагин?

Б р а г и н. Возвращал семью.

М а р и н а. Вот и возвращайся к своей возвращенной семье.

Б р а г и н. Меня там не понимают. Ты хоть знаешь, что это такое — открыть для себя истинное лицо рядом живущего человека?

М а р и н а. Я тоже тебя не понимаю, Брагин.

Б р а г и н. Раньше понимала.

М а р и н а. Притворялась.

Б р а г и н (*наливает коньяк, выпивает, прислушивается*). Почему у нас слышимость такая в квартирах? А? В этих бетонно-картонных коробках? Ни на секунду невозможно остаться наедине с любимой женщиной! Знаешь, в чем моя проблема, Маринка? В том, что жизнь всех этих топ-менеджеров и нефтяников, всех этих успешных и перспективных мне недоступна. Ну не понимаю я, как они это делают? Эквилибристы, что ли?

М а р и н а. Для меня это не открытие.

Б р а г и н. Мужчине муза нужна, понимаешь? Муза, вакханка, нимфа в венке из полыни. Чтобы было перед кем выпендриваться и от кого ждать похвалы.

М а р и н а. Костюм музы давно съеден молью, Брагин.

Б р а г и н. Не ври, моль боится полыни.

М а р и н а. Раньше боялась, теперь мутировала.

Б р а г и н. Это платьице тоже подойдет, но мне больше нравится фисташковый. Фисташковый сейчас в тренде, знаешь? Выпьешь со мной? Я могу открыть шампанское. (*Тянется за бутылкой.*)

М а р и н а. Не смей!

Б р а г и н. Ах да, шампанское — это же для фиксации знаменательных событий.

М а р и н а. Чего ты от меня хочешь, Брагин?

Б р а г и н. Томного горячего поцелуя.

М а р и н а. То есть моего коньяка тебе недостаточно?

Б р а г и н. Может, музыку включишь?

М а р и н а. Я уже забыла, под мелодии и ритмы какой эстрады ты предпочитаешь бухать.

Б р а г и н (*поднимает рюмку*). За свободу! Тебе еще только предстоит оценить все прелести этого состояния! Правда, осознание приходит постфактум!

М а р и н а. Я не собираюсь отдавать свою свободу в руки человека, который не в состоянии обеспечить то, за что берется. А вот ты свободен от своих обещаний, Брагин. За это и выпьем! (*Марина берет рюмку.*) За свободу! Чин-чин!

Б р а г и н. Сядь, что ты всё время маячишь? Возбуждение двигательных нервов?

М а р и н а (*смотрит на часы*). Брагин, уходи, я тебя очень прошу!

Б р а г и н. Я бы ушел, но фейсбук обещает кратковременные дожди, а у меня нет плаща и калош. Только кальсоны и тапочки. И вообще, у меня дома ремонт и полная разруха, а у тебя чисто, светло, стол накрыт. Мне тут уютно.

М а р и н а. Зачем ты снова явился в мою жизнь, Брагин? С какими намерениями?

Б р а г и н. С грязными. Хочу тебя поцеловать.

М а р и н а. А ему я что скажу?

Б р а г и н. Ему скажешь, что я брат-близнец, с которым тебя жестоко разлучили в детстве. Джимми, Джимми, ача, ача!

М а р и н а. Брагин, ты старше меня на восемь лет.

Б р а г и н. По моему поведению этого не заметно.

М а р и н а. Ну ты и мерзавец!

Б р а г и н. Скажешь ему, что этот подозрительный тип пришел с грязными намерениями, насильно напоил тебя коньяком и воспользовался женской беспомощностью. Скажешь, что я паразит. Я — паразит?

М а р и н а. Ты никто. Случайный прохожий. Человек, не уверенный в собственном существовании.

Б р а г и н. Жестоко.

М а р и н а. Ко мне сейчас придут гости.

Б р а г и н. Их будет несколько? Тебе стали нравиться эксперименты?

М а р и н а. Мудак!

Б р а г и н. А ты красивая, когда злишься.

Брагин целует Марину, она сначала пытается вырваться, но потом сдается.

М а р и н а (*вытирая губы и поправляя платье*). Боже, как же всё это банально! Всё, что ты говоришь, всё, что мы делаем. Каждое слово, каждый жест! Дешевый сериал какой-то. Не понимаю, как я в этом во всём оказалась вообще. Была же хорошая девочка. (*Наливает себе коньяк, выпивает.*) Хорошая милая девочка, у которой вся жизнь впереди и которая не пьет коньяк.

Б р а г и н. Маринка, я от жены ушел!

М а р и н а. Да неужели? Вот так новость! Ну хорошо, Брагин, расскажи мне, чем будешь заниматься? Какие у тебя планы на будущее? Хотя бы на ближайшие пару месяцев.

Б р а г и н. Буду летать по ночам.

М а р и н а. Где-то я это уже слышала.

Б р а г и н. Я не во сне, Маринка, я с моста. Возможно, с крыши. Окно седьмого этажа тоже неплохой вариант. У тебя ведь седьмой этаж?

М а р и н а. Мне тебя не жалко.

Б р а г и н. А я и не жалеюсь.

М а р и н а. Ты давишь на жалость.

Б р а г и н. А ты чертовски красивая с этой бабеттой. Только когда будешь выходить замуж за своего топ-менеджера, фату не надевай. Это больше не комильфо.

М а р и н а. Тебе было со мной нехорошо?

Б р а г и н. С тобой как раз терпимо. Мне с собой как-то не очень.

М а р и н а. И что мне теперь делать?

Б р а г и н. Выходи замуж за своего нефтяника.

М а р и н а. Какой же ты подлец!

Марина всхлипывает, аккуратно, чтобы не смазать косметику, вытирает слезу.

Б р а г и н. Марин, не надо. Ты же знаешь, меня уже давно не трогают женские слезы. Я их с женой за двадцать лет насмотрелся.

Марина резко встает, выходит из комнаты. Брагин, немного подумав, снова наливает и выпивает. Марина возвращается с сухими горящими глазами.

Поразительно! От заплаканности ни следа! Водостойкая тушь?

М а р и н а. Уматывай!

Б р а г и н. Нет уж. Теперь я точно останусь. Сейчас придет твой мужик, врежет мне хорошенько, а потом я очнусь, тебе станет меня жалко, ты омоешь мои раны и бросишь его.

М а р и н а. С чего ты решил, что будет именно так?

Б р а г и н. Интуиция.

М а р и н а. У мужчин нет интуиции. Мужчину мужчиной делают две вещи: серьезное отношение к профессии и нежное — к женщине. У тебя нет ни того ни другого.

Раздаются звонки в дверь. Марина пихает Брагина в сторону балкона.

Прыгай!

Б р а г и н. Ты с ума сошла!

М а р и н а. Прыгай, Брагин, не порть мне жизнь!

Б р а г и н. У тебя же седьмой этаж.

М а р и н а. Ну вот и лети. Попрактикуешься.

Б р а г и н. Это пошло, в конце концов, прятать любовника на балконе!

М а р и н а. А три года подряд клясться, что ты бросишь жену, не пошло?

Б р а г и н. Скажи, что я водопроводчик!

М а р и н а. В тапочках?

Б р а г и н. Скажи, что я водопроводчик-псих!

М а р и н а. Я могу сказать, что ты просто псих. Но придется вызывать ноль три и объяснять, как ты здесь оказался.

Б р а г и н. Что я буду делать на балконе пока вы тут?..

М а р и н а. Декламировать монолог Джульетты. Ты же любишь Шекспира.

Звонки в дверь продолжают. Брагин берет Марину за плечи, старается быть максимально убедительным.

Б р а г и н. Слушай, Маринка, у нас есть последний шанс. Пожалуйста! Пожалуйста, послушай меня! Не открывай этому хмырю! Я тебя умоляю! Ты меня понимаешь, я тебя понимаю. У нас интеллектуальная близость и полная совместимость во всём остальном!

М а р и н а. Слишком много лжи...

Б р а г и н. Я женюсь!

М а р и н а. Ты же только что сам рекомендовал мне выходить замуж за нефтяника!

Б р а г и н. Я бравировал! Набивал себе цену! Я тебя умоляю! Не открывай! Тебя нет дома! Нас нет дома!

М а р и н а. Я дома. У меня свет горит...

Звонки в квартиру не утихают, а даже наоборот — подкрепляются настойчивым стуком в дверь и криком Мариного кавалера.

Ж е н и х М а р и н ы. Марина! Марина, открой! Марина, у тебя всё в порядке?

Сцена шестая

Улица. Уже стемнело. Брагин с разбитой бровью, синяком под глазом и бутылкой пива стоит под окнами дома матери. Его слегка пошатывает от выпитого.

Б р а г и н (*кричит истошно*). Ма-а-ам! Ма-а-ама-а! Это я, Митя Брагин! Митя, Митрий, твой сын!

В окнах загорается свет, появляются очертания жильцов — мужчин, женщин, детей.

Ма-а-ам! Выйди на балкон! Это я, Митя, твой сын! Я тебя в детстве вот так же звал! Помнишь? Что мне надо было спросить! Что-то очень

важное! Очень! Ма-а-ам! (*Засовывает два пальца в рот, свистит.*) Это же что-то очень важное было!

Г о л о с п е н с и о н е р к и. Молодой человек, вы зачем под окнами балагурите? Час поздний. Идите уже домой спать!

Ж е н с к и й г о л о с 1. Полицию ща вызову, хулиганье!

М у ж с к о й г о л о с 1. А ну пшел отсюда, алкашина!

Ж е н с к и й г о л о с 2. Мужчина, перестаньте орать, ребенок спит!

М у ж с к о й г о л о с 2. Щас как выйду! Как покажу тебе кузькину мать!

Одно из окон во втором этаже открывается, на Брагина выливают ведро воды.

Б р а г и н. Ма...

Поворачивается на сто восемьдесят градусов. Хлюпя тапочками, плетется прочь.

Папа картошку привез...

Сцена седьмая

Улица. Окна во всех трех многоэтажках постепенно гаснут. Темно. Мокрый Брагин хлюпает тапочками.

Б р а г и н (*закуривая сигарету*). Облили человека... Вот так вот, взяли и облили живого незнакомого человека. Холодной, между прочим, водой. В сентябре. А у меня с детства хронический бронхит, почти астма... И вообще, мне тридцать восемь лет, с конвейера давно вышел, мышцы ноют, суставы ломит, еще и курю. (*Кашляет.*) Умереть бы. Вот прямо тут, прямо сейчас в этом дворе, где-нибудь поближе к мусорным бакам. (*Озирается по сторонам в поисках контейнеров, но не находит.*) Никаких тебе обязательств, никаких ремонтов, детей, совместных отпусков. А главное — ты сразу, автоматически не мудака! Не подлец, не плесень, не паразит, а хороший, в общем-то, человек. Был. И жил вроде ничего так — правильно, и мог бы еще о-го-го сколько пользы принести, если бы не безвременная кончина... Внезапно выяснится, что дома тебя любили, на работе любили и даже, может быть, хотели квартальную премию дать. Премировать поездкой в Анапу или Крым, например. И там у тебя случился бы прекрасный курортный роман с очаровательной незнакомкой в белом холстин-

ковом платье. Всё бы закружилось, завертелось... полетело в тартарары... (*Закуривает новую сигарету, надолго задумывается.*)

В одной из трех многоэтажек загорается окно. На балкон выходит Марина, следом — ее жених. Они о чем-то разговаривают, смеются. Внезапно Марина замирает, смотрит куда-то вдаль.

М а р и н а. Бедный мальчик... бедный мой мальчик...

Окно в доме Марины гаснет.

Б р а г и н (*грозит кому-то кулаком*). И вот лежу я, значит, в гробу в новом галстуке. И тут приходит она. Бледная, прекрасная и с цветами. Чтобы положить их к моему пьедесталу. Нет — возложить. Что-нибудь такое непретенциозное. Красные гвоздики. Гвоздики, пожалуй, подойдут. Стоит она, значит, рядом со мной. Стройная, заплаканная, вся в черном. И только гвоздики ярким пятном. А у меня галстук новый. Тиффани или эта — фисташка. Что у нас там комильфо в сезоне зима-осень?.. А рядом мать... Увидишь, говорит, кимоно мое новое, Митрий, прям упадешь! А я ей: ма, я же и так лежу... Это не водевиль, ма... Не декорации... Это же настоящий гроб...

Загорается окно во второй многоэтажке. На балкон выходит Алевтина Петровна в своем упомопрачительном, сбивающем с ног юношей кимоно.

А л е в т и н а П е т р о в н а. Бедный мальчик... бедный мой мальчик...

Окно в доме матери гаснет.

Б р а г и н (*прикуривая третью сигарету*). Сидят все по домам, по норам, по щелям. Закрылись за двойными дверями, латунными замками, мерзкими этими домофонами. А я? Вот я, Митя Брагин, тридцать восемь лет. У меня даже ключей от квартиры нет. От моей собственной, купленной, между прочим, в ипотеку квартиры... (*Ежится от холода.*) У каждого из нас есть грань, которую мы вроде бы не можем перейти, но потом вдруг оказывается, что она довольно тонкая — хоп, сам не заметил, а уже перепрыгнул, хоп — и уже по ту сторону... Зажмурился и смог... Сидят и думают, что им тепло. А это же обманная такая температурка, лет пять посидишь, и уже сварился. Всё еще думаешь, что это начало большого пути, но нет, приятель, это уже не начало, это уже потолок... (*Зажмуривается, прыгает туда-*

сюда через воображаемую линию.) Хоп-хоп! Хоп-хоп! Хоп! *(Прекращает скачки, снова грозит кому-то кулаком, тушит сигарету.)*

В третьей многоэтажке загорается окно. На балкон выходит Люба. Она грустна. Закуривает сигарету, смотрит в пустоту.

Л ю б а. Митька, иди ужинать... Я тут голубцов домашних налепила... Компота вишневого сварила... Будешь?

По очереди загораются окна во всех трех домах.

М а р и н а. Расскажи мне, Брагин, чем будешь заниматься? Какие у тебя планы на будущее? Хотя бы на ближайšie пару месяцев...

А л е в т и н а П е т р о в н а. В определенном возрасте медведь с трудом учится новым трюкам...

Л ю б а. Стынет же всё, Митька... Стынет, стынет... Иди уже ужинать...

То ли голова у Брагина идет кругом, то ли это и в самом деле вокруг него кружатся три многоэтажки, в которых он заблудился.

Сцена восьмая

Улица. Двор дома, в котором живет Брагин. Темно. У подъезда на лавке, освещенной фонарем, сидит Вероника. В наушниках так громко орет музыка, что ее прекрасно слышно даже тем, кто не хочет слушать чужую музыку. Подходит Брагин с бутылкой пива, плюхается рядом. Дочь никак не реагирует на появление отца.

Б р а г и н. Я думал, ты с Виталиком гуляешь.

В е р о н и к а *(кричит, вынимая один наушник)*. А?

Б р а г и н. Виталик, говорю, твой где?

В е р о н и к а *(равнодушно пожимает плечами)*. Вадик. Понятия не имею, с Дашкой в кино пошел, наверное.

Б р а г и н. И тебе всё равно?

В е р о н и к а. Что? А, ну да, пофиг... *(Пауза.)* А почему ты мокрый?

Б р а г и н. Под дождь попал.

В е р о н и к а. М-м-м... *(Пауза.)* Так дождь с утра был. Ты бы уже ВЫСОХ.

Б р а г и н. Там, где я гулял, был недавно.

В е р о н и к а *(понимающе)*. М-м-м.

Б р а г и н. Дочь, пива хочешь?

В е р о н и к а *(кричит, вынимая наушник)*. Что?

Б р а г и н. Пиво, говорю, будешь?

В е р о н и к а. А, нет, спасибо, пап, я за ЗОЖ.

Б р а г и н. Что?

В е р о н и к а. Здоровый образ жизни.

Б р а г и н. М-м-м... Ну и правильно. А что это у тебя там в наушниках так орет?

В е р о н и к а. Что ты сказал?

Б р а г и н. Что в ушах за дынц-дынц-дынц, говорю?

В е р о н и к а. Это не дынц-дынц-дынц, пап. Это индастриал.

Б р а г и н. Чего?

В е р о н и к а. Ну, индастриал нойз.

Б р а г и н. Шум завода, что ли?

В е р о н и к а. Можно и так сказать.

Дает Брагину один наушник, из наушников звучит тяжелая электронная музыка.

Б р а г и н. Вы теперь под это на дискотеках танцуете?

В е р о н и к а. Не под любую электронную музыку надо танцевать, пап. Иногда можно просто слушать, вникать, наблюдать за всеми этими перипетиями. И если поймешь, как это устроено, тебя ждет экстаз.

Брагин внимательно слушает, пытается понять, как с помощью Вероникиной музыки словить экстаз. У Вероники с этим проблем явно нет, она кайфует, энергично мотая головой в такт.

Ты не представляешь, как долго я ждала этот альбом, пап! В ру-продакшне вообще нехватка хорошей музыки. У нас же сейчас засилье хипстафилтров и прочих дорнов-теслабоев. А в этом релизе налицо собственный стиль. Слышишь? Дарковый такой лонгплей, да?

Б р а г и н. Чего?

В е р о н и к а. Тьма во всём ее великолепии. Тьма, пропитанная русской тоской. Как у Достоевского. Понимаешь?

Б р а г и н *(неуверенно)*. Вроде бы... кажется, да... угу...

В е р о н и к а. Нравится?

Б р а г и н. Угу... Тьма, пропитанная русской тоской... Сделай, дочь, погромче, что ли...

Брагин и Вероника слушают музыку, подергиваясь в такт. Вероника что-то увлеченно рассказывает отцу, но слов уже разобрать нельзя. В окне третьего этажа из-за занавески Люба наблюдает за мужем и дочерью.

Алексей Еньшин

Угонщица

Действующие лица

К а т е р и н а, Т а т ь я н а, П а в е л — вечно молодые.
С е р г е й, соседи, родственники — по-разному.

Сцена первая

Стук. Кто-то долбится изо всех сил во входную дверь, железную, сваренную еще в девяностые. Может, даже ногами. За дверью — малюсенькая гостинка: вся жизнь на десяти квадратных метрах. В прихожей умещаются кухня с мойкой, тут же дверь в душ-туалет и вход в комнату. В комнате места живого нет, всё заставлено-завалено стопками книг, пачками газет. Посреди на круглом столе кадка с разлапистым растением, в одном углу кровать, в другом — телевизор. За окном утреннее солнце слепит. Обитательница квартиры, грузная Катерина, лет семидесяти или больше, вместо того чтобы к двери бежать и открывать стучащему, занята другим делом: пытается форточку открыть, заклеенную на зиму. Не получается, Катерина утирает пот, дышит тяжело. Удары в дверь продолжают.

К а т е р и н а. Серега, прекрати! Нет денег, откуда они у меня?

Удары прекращаются, за дверью слышен женский голос.

Г о л о с. Катюха? Ты дома, да? Я голос слышала, дома ты! Открой!

Катерина подается вперед, чтобы дверь открыть, но вместо этого тяжело заваливается на стол, кадка с цветком шатается опасно. Шарит по столешнице, находит блистер с таблетками. В дверь снова стучат.

Открывай, угонщица!

Катерина опускается на кровать, кладет таблетку в рот. Пытается встать, но неудачно.

Открой! Нельзя так! Надо что-то делать! Надо подумать вместе, давай? Я могу же, у меня знакомых полгоркома, полмэрии то есть.

К а т е р и н а. Много тебе горком помог в прошлый раз.

Г о л о с. Ты зря так. Ты слышишь? Вот ты зря. Не надо от помощи отказываться. Ты таких делов наворотила, что не надо вот так.

Катерина наконец-то поднимается, ковтыляет к двери.

К а т е р и н а. Ты кого мне щас припоминаешь? Каких делов?

Г о л о с. А то я не знаю. Да я-то чего? Весь город на ушах! Накрутила всех. Да и ладно. Ты сама-то понимаешь, зачем это сделала? Или что, накатила — и вперед?

Катерина резко останавливается возле двери.

К а т е р и н а. Таня! Ты пьяная? Тебя солнышком нагрело? Я-то думала... Знаешь, иди домой, ясно?

Г о л о с. Или всё, что ли? Нельзя тебе? Да? Дверь нельзя открывать? Всё? Запрет? Опечатали? Ошейник этот одели, который на ногу?

Катерина разворачивается, ковтыляет обратно в комнату.

Так правда, да? Молчишь, значит, правда.

К а т е р и н а. Я милицию зову. И дурбригаду тоже. Бешеная баба, скажу, приперлась, может покусать.

Г о л о с. В окно, что ли, позовешь? Или в колокол позвонишь? Нет у тебя телефона. Был бы телефон, я бы у тебя под дверями не топталась бы. Я остальных-то девок обзвонила, одна ты осталась, независимая! В жизни бы к тебе не пошла! *(Тяжелый удар в дверь.)* Да и хер с тобой, сиди, блин, черепаха! В коробке своей. Главное, не в милиции ты, и всё. И сиди тут дальше и квакай, угонщица!

Затишье. Катерина подходит к двери, смотрит в глазок.

К а т е р и н а. Чего это милиция? *(Открывает дверь.)* Какая милиция, ты чего несешь? За что?

За дверью другая тетка. Это Татьяна, ей тоже, наверное, лет семьдесят, а может, немного меньше. Сухая, Катерины на голову выше, запыхалась, из-под платка химия фиолетового цвета выбилась. Татьяна осматривает Катерину.

Ты что про ментовку-то? Какая ментовка?

Т а т ь я н а. Так ведь, кроме тебя-то, больше некому. Все девки кто по дачам, кто с внуками, одна ты...

К а т е р и н а. Ясно. *(Пытается выдать Татьяну в коридор и дверь закрыть, но та сопротивляется.)* А я без внуков, без телефона, дикая, с горы слезла. Таких сажают, что ли, теперь?

Т а т ь я н а. Телевизор смотришь, нет?

К а т е р и н а. Чего смотреть, барахло это? Да и не работает он...

Т а т ь я н а. Ты ж трамвай угнала.

К а т е р и н а. Кто?

Катерина ослабляет напор, Татьяна валит ее и падает сама, старухи возятся в коридоре, пытаются встать.

Т а т ь я н а. Дак ты, больше некому.

Катерина молчит.

Мне внук сегодня с утра позвонил...

Катерина пытается встать, но ей тяжело, она лежит и смеется.

Ка-ать?

К а т е р и н а. Твою-то мать, Танечка. Мы, видать, не зря тебя с бабами Онегиной окрестили. Ты чего ж такая пришибленная на ум, а? Я у тебя мужа увела, так ты меня за сто метров обходить стала. А как трамвай угнала, так ты сразу прискакала. У тебя всё хорошо? У тебя трамвай главнее мужа? Ты чего цокотишь всё? По привычке, что ли? Так всё ведь, нет ни горкома твоего, ни месткома, ни общественников, выдохни уже...

Татьяна резко встает, держится за стенку, идет по коридору от двери Катерины. Останавливается.

Т а т ь я н а. Я ж не потому тебя обходила, что такая духовная. Я тебя убить хотела, Катенька, и убила бы, наверное. Вот и обходила. Лишний раз чтобы не искушаться. А Татьяну Лариной звали, ясно тебе?

К а т е р и н а. Чего ж неясного. Ясно всё как день. *(Пытается встать, не может, тяжело.)* Зря я тебя ждала, значит, тогда. А сегодня, не поверишь, даже обрадовалась. Ну, думаю, набралась Онегина смелости, пришла меня бить. А ты, значит, всегда смелая была.

Пытается встать. Татьяна остановилась, наблюдает за ее попытками.

Т а т ь я н а. А как ты одна-то встаешь?

К а т е р и н а. А я не падаю. И сплю стоя, лошадью была всегда, остался навык. (*С трудом садится, дышит тяжело.*) Видишь, какая я угонщица? Ну-ка подайте сюда трамвай, жас я его... в Австралию угоню.

Т а т ь я н а. Чего смотреть, я знала всегда. Я тебя всю жизнь Угонщицей и звала.

К а т е р и н а. Ага-ага, как в песне, угнала тебя, угнала-а-а... Нет, ты смотри, что творится. Это же сходка. Криминальная Россия. Она убийца, а я угонщица, рецидивистка к тому же. Что там я угнала-то в последний раз?

Т а т ь я н а. Трамвай.

К а т е р и н а. Далеко?

Т а т ь я н а. По маршруту проехала.

К а т е р и н а. Сама видела?

Т а т ь я н а. Внук прислал новость на телефон.

К а т е р и н а. Ох ты ж, а чё не на часы? У меня вот телевизор сломался, а чайник работает, электрический, можно так сделать, чтобы на чайник новость слали?

Татьяна подходит, тянет Катерину вверх, та ругается, но встает. Татьяна достает старенький смартфон из сумочки, что-то нажимает, шуруется, показывает Катерине что-то на экране.

Так вот оно что, понятно.

Т а т ь я н а. Что понятно-то?

К а т е р и н а. Что ты дура понятно, чудо техники тычешь мне, а я телевизор вот в таких очках смотрю, смотрела то есть, а тут что?

Т а т ь я н а (*долго шуруется, наконец читает*). Семь лет тюрьмы могут получить пенсионерки, угнавшие трамвай.

К а т е р и н а. О как, это по-нашему, это наш размер.

Т а т ь я н а. Стало известно, что полиция сегодня задержала двух пенсионерок, угнавших трамвай.

К а т е р и н а. Так, это мы знаем, по семь лет впаяли, что еще?

Т а т ь я н а. По сообщениям правоохранителей, две жительницы нашего города принимали участие в чествовании ветеранов депо. После фуршета, разгоряченные алкогольными напитками...

К а т е р и н а. Вон чё, разгоряченные, значит. И ты меня, значит, такую разгоряченную тут же представила, да? Еду в трамвае, юбкой машу...

Т а т ь я н а. Разгоряченные... они залезли в трамвай, который находился на территории депо, и, пользуясь неразберихой, вывели его на маршрут.

К а т е р и н а. Это так сегодня пьянку называют? Неразбериха?

Т а т ь я н а. Пока одна вела трамвай, вторая обслуживала пассажиров, продав билеты на две тысячи триста семьдесят четыре рубля. После чего...

К а т е р и н а. Да там еще и продолжение было!

Т а т ь я н а. ...после чего они бросили трамвай, купили на вырученные деньги алкоголь и пирожки и стали употреблять их во дворе ближайшего дома. Жители дома пожаловались в полицию на шумящих старушек...

К а т е р и н а. Вот обидно даже, припечатали. Старушка.

Т а т ь я н а (*убирает телефон*). Короче, повязали их, сидят в ментовке.

К а т е р и н а. А кого? Кого повязали? Я вот тут, самая дикая из вас, угонщица, стою на свободе. Все нормальные бабы с внуками на дачах, а ты по городу круги наматываешь. Кто еще-то?

Т а т ь я н а. Да мало ли, не в этом дело. Нельзя же так, на семь лет, они же просто молодость вспомнили. А их к бандитам в КПЗ, к туберкулезникам, я читала в интернете про наши тюрьмы, ужас что.

К а т е р и н а. А и пусть сидят! Вспоминальщицы. Щас им на нарах вообще хорошо вспоминается. Это ж надо, пьяные старухи погнали трамвай по городу! Спасибо, не переехали никого! Нет, всё правильно сделали. Вот я никогда...

Т а т ь я н а. Ой да, никогда, кому ты это... Не при мне хоть, ага? Ты ж с моей свадьбы ровно на маршрут пошла...

К а т е р и н а. А кто гордился, что у тебя комсомольская свадьба была, безалкогольная? Про кого тут все газеты писали?

Т а т ь я н а. Ну так которые писали, они же из твоего чайника не пили. А все остальные пили. Чего ты туда наливала-то хоть?

К а т е р и н а. В чайник? Обыкновенно, беленькую. Хороший чаек был, наваристый. Только я его не пила, мне в рейс надо было. Что, опять я тебя расстроила?

Т а т ь я н а. Чего?

К а т е р и н а. А того. Дура я совсем по-твоему, что ли? Поверю, что ты меня спасти от злой ментовки прибежала? Сорок лет нос воротила, за километр обходила — нате здрастье! Да ты сюда прискакала порадоваться, убедиться, что меня закрыли, что не выпустят, что в КПЗ с туберкулезниками, да? А я нет, я тут, жива-здоровая. И пьяной в рейс

в жизни не ходила, ясно? И шас ты вьешься в коридоре, уйти не можешь, хочешь посмотреть, как я там одна живу, без мужика, без детей, без внуков. А у меня всё в ажуре, ясно? И тебя я туда не пушу, потому что у меня золото-бриллианты горой навалены под потолок, а с потолка люстра три метра, хрусталь чешский.

Т а т ь я н а. И трамвай!

К а т е р и н а. И трамвай тоже! Тоже в золоте. Под кроватью стоит. Я на нем по ночам бомблю, понятно? Доходы у меня нетрудовые. *(Смеется.)*

Т а т ь я н а. Ты больная, Катя, слышишь? Чё ржешь-то? Золото-бриллианты горой, ага, ничегошеньки нет у тебя, никого нет, плакать надо, а ты смеешься!

К а т е р и н а. А не знаю. Всегда так. Как что хорошее, я реветь. А сейчас вот смеюсь больше. С утра особенно. Рано светает сейчас, так я проснусь часов в пять, лежу да ржу в голос. Что солнце, что кровать, что проснулась.

Т а т ь я н а. А не проснешься, так и не узнает никто.

К а т е р и н а. Узнают. Мне соседи раз в неделю продукты носят, так что узнают.

Т а т ь я н а. Хорошие у тебя соседи.

К а т е р и н а. Ну дак! Я ж им карточку пенсионную отдала, чтобы они с ней в магазин ходили.

Т а т ь я н а. И ходят?

К а т е р и н а. Ходят. Сначала, правда, пробухаются, тоже на неделю, но потом ходят регулярно. А как иначе, я ведь год на улицу выйти не могу. По лесенке этой хрен спустишься с моими ногами. Вот и отдала карточку. Это не я такая дура, понимаешь, так вот в жизни получилось. Так что найдут, ты не переживай. И давай иди, спасибо, что проведала, видишь, жива, почти здорова, чего и вам всем желаю.

Катерина хромает к двери в квартиру.

Т а т ь я н а. Так кто угнал-то? Трамвай этот проклятый?

К а т е р и н а. А тебе не один хрен? Живи да радуйся, утром как проснешься — посмейся.

Катерина закрывает дверь. Татьяна остается в подъезде одна. Мнется, что-то бормочет, то порывается к двери Катериной пойти, то к лестнице вниз. Набирает номер на телефоне. Катерина в квартире тяжело садится за стол. Берет блистер, достает таблетку, кладет в рот. Встает, снова пытается открыть форточку.

Т а т ь я н а. Сёмочка, здравствуй, как дела? У меня хорошо. Я чего звоню-то, помнишь, ты мне новость скидывал про пенсионерок?.. Нет... Нет, про трамвай. Да. Там не написано, куда их посадили?

Катерина внезапно прекращает попытки, прижимается к стеклу, смотрит вниз.

К а т е р и н а. Таня? Таня!

Трясет оконную раму с силой, бумага, которой окно заклеено, рвется с треском, в комнату врываются ветер и шум улицы. Распахивает окно, смотрит вниз.

Таня! Таня!

Ложится на подоконник, пытается высунуться подальше в окно. Опираясь о стул, все-таки забирается на подоконник.

(Совсем слабо.) Тань!

М у ж с к о й г о л о с *(сбоку)*. Чё воздыряем, тетя Катя? Чё спать не даем нормальным людям?

Катерина вздрагивает, пытается слезть с подоконника, но ногой задевает стул, тот падает. Катерина ерзает по подоконнику, вжимается в угол.

К а т е р и н а. Здравствуй, Сережа... Я это... Просто окно открыла да... уронила вниз, прошу, чтобы подняли.

М у ж с к о й г о л о с. Чё уронила-то? Паспорт?

Татьяна в коридоре.

Т а т ь я н а. Что? Это как так? Так бывает, что ли? А зачем? Да, скинь.

Возвращается к двери, стучит.

(Кричит сквозь дверь.) Катя! Открой! Неправда всё, Катя, неправда! Катя?

Прислушивается, снова стучит. Открывается соседняя дверь, высовывается человек явно с похмелья. По голосу понятно, что этот тот же тип, что разговаривал с Катериной, Сергей, лысый и бородатый.

С е р г е й. Э, ветераны, хрен ли блажите дуэтом? Я, конечно, седины уважаю, но могу и грубо прервать.

Т а т ь я н а. Чего, простите?

С е р г е й. Чего, блин. Одна на окне сидит блажит, вторая тут орет, вы чё все...

Т а т ь я н а. Кто на окне? Катя? Ой, она же бросится, точно бросится. Ломайте дверь, слышите? *(Стучит в квартиру Катерины.)* Катя, не надо! Катя, не смей, слышишь?

С е р г е й. Теть Катя, что ли, прыгать собралась?

Т а т ь я н а. Ну а чё ей на окне-то делать? Катя! Не надо!

Сергей скрывается за дверью. Катерина в квартире пытается слезть с окна, но ничего не выходит.

К а т е р и н а. Чё ты орешь, бешеная! Изыди! Я не милицию, я ба-тюшку щас вызову!

Т а т ь я н а. Катенька, пожалуйста, я себе не прощу!

Сергей появляется в коридоре с ломиком.

Быстрее! Быстрее!

Сергей примеряется к железной двери в том месте, где должен быть замок, налегает ломом, пытается отжать язычок замка, но вместо этого вдруг от стены отваливается огромный кусок. Катерина кричит.

К а т е р и н а. Вы что творите, гады! Я вас прибью всех, дайте только... Перестаньте, сволочи!

Сергей пытается открыть дверь, опять задевает стену, та еще больше осыпается, дверь теперь свободно болтается на петлях. Катерина рыдает в голос на окне. Татьяна протискивается в квартиру и бросается к Катерине, следом заходит Сергей.

Т а т ь я н а. Слезай, пожалуйста, не надо...

С е р г е й. И снова здравствуйте.

К а т е р и н а. Твари, сволочи, гады... Я как жить-то теперь... Ой, плохо, ой... *(Держится за грудь.)* Таблетки там, таблетки... *(Показывает на стол.)*

Татьяна бросается к столу, хватает все блистеры, которые там есть...

С е р г е й. Ты это, зла не держи, тетя Катя... Мы поправим потом. Отосплюсь, ага, и приду?

Быстро-быстро боком уходит. Татьяна протягивает таблетки Катерине, та выбивает их из рук.

К а т е р и н а. Так не прикончила, теперь отравой этой добить решила... Уффф. В бутылке, вон в той они.

Татьяна протягивает правильные таблетки, Катерина пьет их.

Совсем съехала? Мне как теперь жить-то без дверей? Дальше что? Квартиру спалишь?

Т а т ь я н а. Я думала, ты прыгаешь. Сосед этот сказал, ты на окне сидишь.

К а т е р и н а. Я, может, воздухом подышать решила. Сижу тут как пень, целый год спуститься не могу по лесенке этой. Подышала, зараза. Стул подними, я хоть в комнату вернусь.

Татьяна поднимает стул, помогает Катерине спуститься.

И чего ради ты мне дверь вынесла?

Т а т ь я н а. Ты же прыгала... То есть нет, конечно. Про трамвай всё неправда, оказывается. Никто не угонял. Никто. Шутка это.

К а т е р и н а. Кто пошутил? В милиции? В депо? Сама чего сочинила?

Т а т ь я н а. Да слушай, вот опять внук прислал. *(Читает.)* «А были ли старушки? Как местные блогеры разыграли горожан, полицию и мэрию».

К а т е р и н а. Кто местные?

Т а т ь я н а. Ну, блогеры. Такие люди. Пишут разное в интернете.

К а т е р и н а. Писатели, что ли? Ну понятно.

Т а т ь я н а. Нет, просто пишут, правду всю рассказывают, как жизнь устроена на самом деле.

К а т е р и н а. Какую правду, если про трамвай наврали?

Т а т ь я н а. Ой, всё. Короче. Читаю. *(Смотрит в телефон.)* «Розыгрышем блогеров оказалась история двух старушек, якобы угнавших накануне трамвай. Об этом сообщили сами блогеры, Димон и Ягуар, опубликовавшие опровержение...»

К а т е р и н а. Вот обидно все-таки за старушек, как так припечатать женщин...

Т а т ь я н а. «Напомним, что новость о двух пенсионерках, угнавших трамвай и арестованных полицией, взбудоражила город. Отделение внутренних дел официально заявило, что не задерживало

никаких пенсионерок, однако правоохранителям никто не поверил. В сети появились призывы пикетировать местное ОВД. Однако через несколько часов на ютуб-канале Ягуара и Димона появилась запись видео о том, как они придумали этот розыгрыш...» Вот такая вот бай-день, Катюша, большая шутка.

Катерина сидит.

Катя?

К а т е р и н а. Это что? Это что, я тебя спрашиваю? Это вот так взять и соврать, переполошить всех, и что? Всё придумали? Разыграли нас! *(Встает, ходит по комнате с трудом, ворошит стопки газет.)* Всё они придумали! И трамвай придумали! И старух придумали! И пьянку придумали! Может, они и меня придумали? Может, мы все тут придуманные ходим? Розыгрыш это такой? Сейчас посмеемся. Сейчас попляшем. *(Хватает газету.)* Может, тут тоже всё придуманное?

Т а т ь я н а. Кать, дак это малотиражка наша деповская, тут правды отродясь не было. Как раз тут и про свадьбу мою писали, безалкогольную.

Катерина швыряет газету, пинает стопку газет, чуть не падает сама.

Ты чего вскинулась-то, Кать? Первый раз тебе соврали? Ты сама не врала, что ли? Мне вон сколько крови попортила враньем своим. Что метаясь-то, бардак разводишь?

К а т е р и н а. А это не я тебе врала. Это муж твой тебе заливал, что в дружине ходил, пока меня... у меня... со мной... А я, может, всё тебе хотела сказать, но нервы твои берегла.

Т а т ь я н а. А щас вот свои побереги! Распрыгалась она, за правду-то. Сядь, рот закрой, водички глотни.

Татьяна наливает воды из чайника, подает Катерине. Та пьет. Пауза.

К а т е р и н а. Может, и правда, чего я дергаюсь, всю жизнь во вранье, привычное дело. Но ты ведь правильная у нас, да?

Т а т ь я н а. Ты чего?

К а т е р и н а. Наплевали на тебя эти все блогеры, растерли, бегать заставили, как пигалицу, туда-сюда, правильно это, нет?

Т а т ь я н а. Тебе-то чего?

К а т е р и н а. Мне ничего, а тебе? Хочешь этим всем показать, кого они тут заставили бегать? Ветерана труда? Заслуженную вожатую области?

Т а т ь я н а. Катя, хватит бреда, я пойду!

К а т е р и н а. Пойдешь! Пойдешь и сделаешь всё по правде! Сделаешь правду из того, что они тут наворотили!

Т а т ь я н а. Что?

К а т е р и н а. Мы с тобой, Танюш, угоним этот драный трамвай, ясно? На самом деле угоним! Сделаем сказку былью, всю жизнь про это пели, надо когда-то и сделать, а?

Т а т ь я н а. Ты больная.

К а т е р и н а. Я больная, да, год тут сижу как пень, черепаха в коробке, мох пророс уже. Больная, да, соседи мою пенсию пропивают, а мне булку хлеба да молока пакет подкидывают. Надоело мне, ясно?! Мяса хочу живого поклевать, воздухом подышать, трамвай этот злодольный угнать по правде, ехать, разгоряченная алкогольными напитками, вот как тут у них написано, и юбкой в окно размахивать! Жить хочу! Я ведь толком и не жила, а они мне теперь говорят, что моя жизнь придуманная. А я им докажу, что я живая. Мы докажем, что живые.

Т а т ь я н а. Жила бы как все, нормально, ничего и доказывать не надо. А так расфукала всё...

К а т е р и н а. И что теперь? Помереть, что ли? Не хочу! Дайте мне только до этого трамвая добраться...

Т а т ь я н а. Хватит, Кать, не девочки же. Ни ты, ни я. Куда ты рвешься? Затмение какое-то, что ты думаешь себе? Спуститься по лесенке не можешь, кому ты чего докажешь? Жила как дура, так хоть помри нормально. Всё, мне домой надо, завтра приду, проверю тебя.

К а т е р и н а. Завтра, конечно, так я и поверила. Пока новый трамвай не угонят. Лет через двадцать.

Т а т ь я н а. И скажи спасибо, что вообще пришла.

К а т е р и н а. Да спасибо, конечно, разнесла мне квартиру, спасительница-благодетельница.

Т а т ь я н а. Я тебе квартиру, ты мне жизнь. Вот и квиты.

Татьяна идет к дверям.

К а т е р и н а. Ну забери квартиру. Хочешь? За одну жизнь немного, так ведь и мне много не надо, всего-то день.

Т а т ь я н а. Кать, ты чокнулась. Чего ты вцепилась в трамвай этот?

К а т е р и н а. А за что еще цепляться? Никого же нет, а он железный, надежный.

Т а т ь я н а. Чего это? В смысле, никого нет? Я же вот пришла...

К а т е р и н а. Ну, ты мне помогать не хочешь, только трамвай и остался. Щас вот вспомнила, как на нем ехала, ветер в лицо, рельсы за горизонт, еще немного, и целый мир так объеду. Жить охота, как раньше, хоть на день, хоть на полдня. Ты не понимаешь, ты бегаешь весь день, как электровеник, всё мелькает, а там жизнь, воздух свежий, солнце. Ну помоги мне спуститься и иди потом, бегай дальше. Я тебя ментам не выдам, скажу, что всё одна придумала.

Татьяна почему-то плачет.

Т а т ь я н а. Кать, ты на себя-то посмотри?

К а т е р и н а. А что? Чего не так? Ну, старая, ну, толстая, сажают за это теперь?

Т а т ь я н а. Ты трамвай в халате своем угонять собралась? Чтобы ветер через дырки свистел, значит?

Катерина смотрит на себя в зеркало. Смеется.

Сцена вторая

Коридор дома, полутемный, видны с десятков дверей в другие «малосемейки». Татьяна ждет Катерину у лестницы, та наконец выходит из дверей своей квартиры, на ней старое осеннее пальто. Катерина хмурится, оглядывая свою одежду.

К а т е р и н а. Дожила. Ничего не нашлось, а в пальто взопрею, пока дойду, может, где мне платье по дороге купим? Черное с люрексом...

Т а т ь я н а. Ты сначала давай спустишься, потом уж платье.

К а т е р и н а. Ну, это мы сейчас решим. *(Стучит в соседнюю дверь.)* Серега! Серега! Это Катерина Ивановна, слышишь?

За дверью что-то грохочет, падает, будто звенят бутылки, кто-то громко матерится.

С е р г е й *(из-за двери)*. Дайте, мля, нормально выспаться...

К а т е р и н а. Считай выпался, когда мне дверь вынес.

Т а т ь я н а. Ты нормальная — алкашей злить?

С е р г е й. Ну так я же со зла, я тебя спасал.

Дверь открывается, высовывается Сергей.

К а т е р и н а. Ты чисто чечен, Серега, запустил себя как не знаю что. С е р г е й. Чё случилось-то, тетя Катя? Я ж сказал, вечером дверь почию...

К а т е р и н а. Хочешь карточку мою совсем себе забрать?

С е р г е й. Чё случилось? Чего ты? Не надо, ментов, что ли, позвала?

К а т е р и н а. Ухожу я, Сережа, в монастырь. Там денег не надо. Так что забери карту себе.

Т а т ь я н а. Ничего она не уходит никуда!

К а т е р и н а. Ты тоже уходишь, но домой. А я совсем ухожу, Сережа.

С е р г е й. Ну ладно, чё, типа проводить надо, да? По-человечески, ага?

К а т е р и н а. Ты давай вот что, с мужиками своими меня по лестнице спусти. В смысле помоги спуститься. А потом хоть упровожайся.

С е р г е й. Так это ща. *(Исчезает за дверью, слышен шум, мат, что-то снова падает.)*

Т а т ь я н а. Ты чего делаешь, домой иди! Он щас выйдет с молотком...

К а т е р и н а. И что? Не боюсь. Представляешь? Не страшно! Сколько живу, всё его боялась, а теперь вижу — пацан он, дурной, но ничего мне не сделает.

Т а т ь я н а. Я дурку вызываю.

К а т е р и н а. Что ты телефоном трясешь своим? Хотела бы — вызвала давно, а раз не вызываешь, значит, интересно тебе. Сама, значит, хочешь трамваем порулить.

Из Серегинной двери выходят сам Серега и еще двое таких же лысых бородатых мужиков в полурастегнутых рваных рубахах и трениках. Будто в одном магазине затаривались.

Справитесь?

П е р в ы й м у ж и к. Я вчера пианину таскал без лифта с пятого и обратно. Ты поменьше будешь.

Сцена третья

Пролет лестничной клетки, мужики стоят, кто за спину держится, кто руки разминает, Катерина и Татьяна рядом.

К а т е р и н а. Ну ничего, еще три пролета, и доставили меня к боженьке.

Первый мужик. Не, тетя, ты как та пианина!

Катерина. Ну вот, не зря, значит, щеки наедала. Всё, взялись!

Сергей. Стопэ, тетя Катя, еще отдышаться! Я чё тут слышал, две старухи трамвай угнали, говорят, на Первой набухались, завели и поехали. И еще пассажиров везли. Ты ведь в депо работала, тетя Катя, ничего не слышала?

Татьяна. Врут всё.

Катерина. Всё правда. Это я была.

Мужики резко выпрямляются.

Сергей. Еж ты мля! А как ты... Сама, что ли, спустилась тогда?

Катерина. У меня сообщники были. Их поймали. А я вот на вторую ходку пошла.

Второй мужик. Куда?

Катерина. За вторым трамваем! Понравилось мне. Рецидивистка я, парни.

Татьяна. Ненормальная ты.

Катерина. Тоже верно. Нормальные с внуками на даче. А ты чего не на даче?

Сергей. Ну, если не врешь... Слышь, тетя Катя, да я тебя донесу до депа, если ты там и правда трамвай подломишь!

Катерина. Ну, подписался тогда, так у вас говорят?

Татьяна. Давай еще по фене начни говорить, чтобы уж совсем криминал был!

Сергей. Всё, мужики, навалились, трамвай идем угонять!

Сцена четвертая

На улице хорошо, тепло, солнце светит, ветерок листья колышет. Катерина стоит, жмурится, улыбается, дышит глубоко. Рядом два мужика курят. Татьяна места себе не находит, то присядет на край крыльца, то пройдет, то к дереву прислонится.

Катерина. Не мельтеши! Домой иди. Не годишься ты на такие дела, сильно правильная.

Татьяна. А ты, значит, всё, пробу негде ставить?

Катерина. Ну а кто, кроме меня? Никому не жалко. Дачи нет, детей нет, мужа не было...

Татьяна. Чужих мужиков не уводила бы, может быть, однажды нормального бы встретила.

К а т е р и н а. А ты бы своим не бросалась, может, тоже не одна бы жила.

Т а т ь я н а. А я и не одна, у меня и сын, и дочь, и внуков толпа.

К а т е р и н а. Ну вот и топай к ним, заждались бабулю.

Т а т ь я н а. Да никто особо не заждался. Пока маленькие были, бежали, конечно, в гости, а сейчас... кому нужна старуха?

К а т е р и н а. Ну, вон новости на телефончик шлют. Такие интересные, что аж даже до меня добралась.

Т а т ь я н а. Да я так-то и раньше заходила. Пару лет назад.

К а т е р и н а. А чего я не помню? Не достучалась, что ли? Или новость была так себе, не трамвай?

Т а т ь я н а. Да я думала, померла ты.

К а т е р и н а. Нет, это не трамвай, трамвай интереснее.

Т а т ь я н а. Писали, что нашли женщину в вашем доме, жила одна, никто не хватился, так полгода и пролежала. Ну, я и подумала, что тебя нашли. Решила, что надо все-таки прийти, по-человечески проститься, опознание, похороны опять же...

К а т е р и н а. А. Это в соседнем подъезде было. Снаряды ложатся всё ближе.

Т а т ь я н а. Ну, я сходила сюда, увидела, что не твой подъезд, и опять такая злость взяла, всё-всё припомнила, что даже к дому подходить мерзко было. Так и пошла обратно.

К а т е р и н а. Добрая ты душа, Танюшка. Самое время тебе трамвай со мной угнать.

Из магазина напротив дома выходит Сергей, перед собой толкает телегу, на которой товар перевозят.

С е р г е й. Я ж не говорил, что прям на себе понесу. Но руками толкать буду.

К а т е р и н а. Это что за разврат такой? А что Светка сказала?

С е р г е й. Я ей сказал про трамвай, так она тоже пойдет.

Следом за Сергеем выходит женщина в халате продавца, запирает за собой дверь.

Ж е н щ и н а. Чё, вы за полчаса-то управитесь, тетя Катя?

Мужики помогают Катерине забраться на тележку. Катерина вдруг ойкает, хлопает себя по карманам пальто.

Т а т ь я н а. Кать, ты чего? Что?

К а т е р и н а. Таблетки мои. В квартире остались, вот ведь голова дырявая.

С е р г е й. Сейчас парней сгоняем... Кто тут самый молодой?

К а т е р и н а. Да и хрен с ними, Серега. Я ведь только сейчас поняла, у меня не болит ничего, как из дома вышла. *(Смеется.)* Ой, а я ведь еще и дверь не заперла, представляете?

Сцена пятая

Толпа человек двадцать идет по улице, Сергей впереди толкает телегу, на которой сидят Катерина и Татьяна. В толпе люди разные, от Серегиных корешей до подростков. Всем охота посмотреть, как две чокнутые бабки будут трамвай угонять. На очередном перекрестке дорогу процессии перегораживает полицейская машина. Из матюгальника доносится хрипло: «Всем участником несанкционированной акции разойтись! Ваша акция не разрешена администрацией города!»

Сцена шестая

Вечереет. Трамваи заходят в депо на стоянку. К воротам депо крадутся Катерина и Татьяна.

К а т е р и н а. Что творится, а? Сто лет досюда ходила пешком за полчаса, а что сейчас? Кружили-кружили, тут всё по-другому стало. Там частный сектор был, тут вообще пустырь, а щас понатыкали своих высоток.

Т а т ь я н а. Мы, может, и быстрее бы дошли, только полдня еще в кустах отсиживались от милиции. Надо ж было им ляпнуть про трамвай-то!

К а т е р и н а. А это старый закон. Пусть уж лучше шьют криминал, чем политическое.

Т а т ь я н а. Да где ты набралась-то? Какое политическое?

К а т е р и н а. Дак митинг же несанкционный! Раз-два — и десять лет, а за трамвай хоть семерик светит.

Т а т ь я н а. У тебя точно телек сломался? Прямо в курсе всего!

К а т е р и н а. Серега любит телек на полную смотреть. Для всего этажа политинформация.

Т а т ь я н а. Ну, щас долго не посмотрит, наверное.

К а т е р и н а. А чего с него взять-то? Завтра выпустят. Ты давай лучше говори, как мы на территорию попадать будем?

Т а т ь я н а. Да как раньше, через проходную.

К а т е р и н а. А кто на проходной?

Т а т ь я н а. Да как раньше.

Катерина то ли кричит, то ли скрипит, пятится от забора депо.

К а т е р и н а. Вредитель ты! Какой тут трамвай, каши не сварить, всё испортишь...

Т а т ь я н а. Не надо угонять, ты с ним просто поговори, он и сам хочет.

К а т е р и н а. Так хотел, что не пришел ни разу. Ну прям как ты, одно слово парочка. Нет, обойдется без разговоров, а я вот под забором пролезу, раскопаю только побольше и пролезу.

М у ж с к о й г о л о с. Куда тебе под забор, телеса-то отъела, вытаскивай тебя потом с экскаватором!

Татьяна и Катерина оглядываются, за забором на территории депо стоит Павел, тоже далеко не молодой, может, даже обеих бабок старше будет. Павел явно под градусом, глаза смотрят куда-то вдаль, сквозь людей и дома.

П а в е л. Ну, прилетела, птичка моя! Так я ждал тебя, так ждал!

К а т е р и н а. Ты, Паша, определись уже, телеса или птичка.

П а в е л. А я, змеища, не тебе это, ясно? Приползла уж, дак молчи, делай свое черное дело, как всегда.

К а т е р и н а. Я смотрю, очень он хотел со мной поговорить. Прям нажрался от радости.

П а в е л. Это стресс. Стресс я снимал!

Т а т ь я н а. Ты ж обещал! Не притронусь, говорил.

П а в е л. Дак я и не так чтобы прямо вообще. Я свою меру знаю. Еще не вся черемуха. Осталось там еще, это так, стресс, говорю же.

К а т е р и н а. А ты ему когда сказала, когда успела?

Т а т ь я н а. Позвонила, пока в кустах сидели.

К а т е р и н а. Лучше б ты там и осталась, в кустах, на свежем воздухе. Ты давай пропускай нас.

П а в е л. Это вам шиш. Я тут на охране, я тут за всё отвечаю, а ты меня под криминал хочешь подвести со своим трамваем, так? Мало ты мне жизнь попортила?

К а т е р и н а. Сам ты ее попортил, сидел бы при жене и ко мне не бегал бы, всё бы у тебя было в ажуре.

Т а т ь я н а. Паша, давай пусти нас. Мы ничего не будем угонять, куда нам, я в этих новых трамваях вообще ничего не понимаю.

К а т е р и н а. Нет, я угоню и в речке утоплю, а этого пусть тоже посадят. Будет наша славная семья снова в сборе.

П а в е л. Злая ты, Катя, потому и ушел от тебя.

К а т е р и н а. Нет, это я такая злая, потому что ты от меня ушел. А вот трамвай заведу и снова доброй сделаю, как в молодости. Помнишь, какой я в молодости была доброй?

Т а т ь я н а. Хватит уже через решетку-то, Паш, не по-человечески.

К а т е р и н а. Это он тренируется. Когда посадят, только через решетку и будет говорить.

П а в е л. Тра-та-та, понеслась по рельсам, не заткнуть теперь!

К а т е р и н а. Ой, Тань, всё ты испортила, кто просил ему про трамвай говорить?

Т а т ь я н а. Ну так его дежурство-то, совпало так, судьба, значит.

К а т е р и н а. Хитрожопая судьба какая! С блогерами-шмогерами, с новостями, всякими опровержениями, и это всё, чтобы мы к твоему мужу в коленки пали, что ли? Так в итоге? Может, это не судьба, а ты мне всё тут наплела, про разгоряченных старушек? Унижений моих захотелось?

Т а т ь я н а. У тебя Серега еще и сериалы на полную смотрит? Про страшную месть? Сорок лет я ждала, чтобы страшно отомстить, чтобы ты в ножки нам пала и просила о прощении? Клинит тебя, Катя, от старости.

П а в е л. А мне идея понравилась. Будешь падать, Катюх? В ножки? Как раньше? Может, и пушу.

К а т е р и н а. Да пропадите вы оба!

В депо совсем стемнело, зажигаются фонари. Один фонарь ровно над старым трамваем загорелся, трамвай на постаменте стоит.

Чего тут у вас свет зря переводят?

П а в е л. Это тут музей у нас, под открытым небом.

К а т е р и н а. Смотри, «татра» прямо как наша. Слушай, а может, она наша? Тоже пенсию дали, ага?

Т а т ь я н а. Да не может быть, чтобы наша!

К а т е р и н а. Да точно наша! Помнишь, как их привезли? У нас же всё до этого областного завода трамваи были. Танковый завод их делал, ну они такие и были, как танки.

Т а т ь я н а. Да гробами мы их звали, чё уж, так и говори.

К а т е р и н а. Ну да, похоже было, а еще гремели они — просто страх, полдня потом в ушах звон стоит после смены. А «татрочки»

привезли, такие красивые, ладные, легкие, на руках бы носила! Ну, тесно в кабине, да, зато надыхала быстро и не холодно зимой. Паш, посмотри ее номер, а? Мне не видно. Просто скажи, мой это вагон или нет, и я пойду уже от вас.

П а в е л. Да хрен бы знал, какой твой номер, заходи да смотри.

Т а т ь я н а. Чего вдруг-то?

П а в е л. Ничего. Рассопливила опять. Бывает, как скажет чего, так всё, никакой воли против нее нет. Гипноз, не иначе. Только бухать и остается. Чтобы стыдно потом не было. Иди смотри, змеища, я через турникет пропущу.

Т а т ь я н а. А сразу нельзя было так-то?

К а т е р и н а. Если бы можно было, я бы так и сказала, а не лаялась с ним тут под забором. По приказу у меня не получается.

Т а т ь я н а. Не продается вдохновение, понятно.

Сцена седьмая

Татьяна и Катерина стоят возле трамвая-памятника.

Т а т ь я н а. Ну что, он это?

К а т е р и н а. Да хрен бы его знал, как твой мужик говорит. Не помню я номер. Может, и мой.

Т а т ь я н а. Ну ясно, военная хитрость, пробралась на вражескую территорию, теперь будешь диверсии устраивать? Угонишь все-таки?

К а т е р и н а. Конечно, ты только помоги мне к нему рельсы проложить. И поедем, и помчимся на трамвае утром ранним.

Т а т ь я н а. Опять ты за свое, опять мне нервы мотать? Все мозги проела своим угоном, а сейчас что?!

К а т е р и н а. А не знаю. Не думала даже, что дойду. На лестнице кончусь, и всё. Зато с мечтой.

Т а т ь я н а. Вечно ты о херне какой-то мечтаешь, то трамвай угнать, то Пашку увести. Ну теперь-то дошла, всё, не померла на лешенке и на улице живая осталась, дальше-то что?

К а т е р и н а. А вот знаешь, ты щас про Пашку напомнила... Он, когда от тебя пришел с чемоданом ко мне жить, я стою в коридоре, смотрю на него и думаю: «И что мне с тобой делать? Всю жизнь теперь об тебя спотыкаться? Одно дело на пару часов прибегал, а теперь всё время тут будешь?» А я ведь так хотела его, аж дрожало всё, когда видела. А что делать, когда он моим станет, вообще не представляла. Потому, наверное, ничего у нас и не вышло с ним.

Т а т ь я н а. Ты такая добрая сегодня. Всё тупым ножичком норю-вишь по старым ранам.

К а т е р и н а. Так видишь, накопилось же. Жизнь вот так прожили, ни разу «здрасьте» не сказали за сорок лет, а теперь вот за сорок лет и выговариваемся.

Т а т ь я н а. А я с тобой наговорила. Мысленно. Прямо ругалась с тобой, у себя в голове, до трясушки. Думаю, попадись мне — точно прибулю. Всё тебе высказывала, и в таких выражениях... Не икалось тебе?

К а т е р и н а. Кто знает, дело давнее.

Т а т ь я н а. Ну всё, повспоминали, душу отвели, теперь вперед.

К а т е р и н а. Куда?

Т а т ь я н а. В трамвай. И поехали.

К а т е р и н а. Таня, ты чего? Ты перегрелась? Куда его угонять, он же памятник. У него же вон колеса в бетон вмуровали.

Т а т ь я н а. И что? Не помешает тебе это ни разу! Я тоже думала, что моя жизнь железобетонная, а ты прикатила и всё разметала. Хватит. Наслушалась. Наплакалась. Теперь пора за свои слова отвечать. Не знаю, что ты будешь с ним делать, колдовать там или бетон из колес выковыривать, но только ты его щас угонишь. Всё как мне обещала!

Татьяна снимает с бока трамвая старый ломик и привычным движением отжимает дверь в кабину водителя.

Садись давай, Угонщица!

К а т е р и н а. Таня...

Т а т ь я н а. Ну что Таня, что, я не знаю, что меня Таней звать? А как тебя звать? Угонщица! Угонщица! Я ведь знала, что добром не кончится. Ни разу не кончалось, а ведь опять тебе поверила. Жизни она хотела настоящей! Денечек порадоваться! Как ты это делаешь? Правду, что ли, Пашка говорит, гипноз какой-то? Поверила, поверила опять... Не знаю как, а сядем и поедем. Рельсы вырастут, движок починится, провода протянем, не знаю, только хотела ехать и юбкой в окно размахивать. А ты опять за свое! Садись в кабину, а то... *(Машет ломиком.)* ...замотивирую щас.

К а т е р и н а. Таня, ты спокойно, волноваться вредно, сейчас сядем, поедем.

Катерина втискивается в кабину, усаживается в кресло.

(Пока залезает в кабину.) Что, по какому маршруту поедем-то? Через центр? Чтобы все нас видели, да? Ну, когда мы юбками в окно-то... Или, может, по Черёмушкам? У нас же там дом стоял родительский, может, туда?

Катерина щелкает на приборной панели трамвая чем-то, чем надо по инструкции, но трамвай, конечно же, не заводится. Татьяна бросает лом, садится на ступеньку трамвая, плачет.

Т а т ь я н а. Родительский дом, да, начало начал. Снесли его, когда эти самые Черёмушки строили.

К а т е р и н а. Дак я помню место...

Т а т ь я н а. Ну, память хорошая, замечательно. Толку-то. Чуда не случилось, факир был пьян. А ты меня опять обманула.

К а т е р и н а. Я ведь правда хотела, Тань. Жить не могла уже в этой коробке, взаперти, куда угодно из нее. И справедливость эту самую восстановить хотела. Аж трясло всю, чтобы всё по правде было.

Т а т ь я н а. И Пашку ты хотела, аж трясло. Может, тебя просто с бодуна колотило, нет? Или вот давление от погоды скакнет, так тоже руки трясутся и ноги подкашиваются. Не любовь вовсе, не страсть, а просто болела ты? Сорок лет... Ладно хоть мама до такого позора не дожила, вот бы я ей тогда объясняла, как старшая сестра у младшей мужа увела.

К а т е р и н а. Маму она вспомнила, в кои-то веки, умерла она вовремя, надо же. Много ты знаешь, как она умирала. Кто с ней сидел после инсульта, с парализованной? Ты, что ли? Ты в это время с Пашкой женихалась, а Катя одна, ей никуда не надо, не ждет никто. А только она и тогда тебя больше любила. Всю жизнь говорила: смотри, какая Танечка такая правильная, хоть младшенькая, а всё вперед тебя успевает, бери пример.

Т а т ь я н а. Так вот это что, страшная месть, что ли? Ты, что ли, жертва теперь, оказывается?

К а т е р и н а. Ну и кто из нас «Санта-Барбары» посмотрелся? Нет, по всем фронтам я виновата, Катя-Угонщица. Да какая, на хер, Угонщица, с каким-то трамваем не справилась. Приехали!

Т а т ь я н а. И правда приехали. Хватит дурью маяться. Вылезай давай, мы с Пашкой тебя домой отвезем.

К а т е р и н а. Ага, на трамвае, что ли?

Т а т ь я н а. Чё ты несешь? Сейчас Кате позвоню, она на машине...

К а т е р и н а. Кому?

Т а т ь я н а. Ну, дочери моей... *(Пауза, улыбается.)* А что, я тебе не говорила, что младшую назвала... Ну да, Пашка ушел когда, я сама еще не знала, что беременная. А потом уже... Дуры мы.

Катерина и Татьяна смеются. Катерина встает, чтобы выйти из кабины, но внезапно тяжело опирается руками на приборную панель трамвая. Трамвай также внезапно звенит. Катерина подскакивает, руки с панели отдергивает.

Катя? Катя? Ты чего?

К а т е р и н а. Ты слышала, да? Как это у него голос-то остался? Отключили же.

Т а т ь я н а. Кать, какой голос, блин? Что с тобой, таблетки надо? Давай скорую?

К а т е р и н а. Не мельтеши. Нормально всё. Устала просто. Весь день тут бегаю как коза. Вот посижу, с силами соберусь...

Катерина тяжело опускается обратно в водительское кресло.

Т а т ь я н а. Катя, погоди, не надо, дыши глубоко. Я сейчас, я Пашку приведу, мы вместе тебя, я сейчас... Сиди спокойно и дыши, ясно?

К а т е р и н а. Да куда уж мне...

Татьяна ковыляет к проходной. Катерина смеется, гладит панель трамвая. Трамвай снова звенит.

Смешной ты. Не можешь ничего, только орешь громко. Как я же. Только тебя добрые люди от всего отключили, чтобы на память тут стоял, а я сама себя из жизни выдернула. Да вот на какую такую память? Кто меня будет помнить? Кроме вас, ведь у меня никого не было, ты, да Танюха, да Пашка. И от всех я избавилась. *(Нажимает снова что-то на панели, трамвай снова звенит.)* Надо бы как-то поаккуратнее, а то перебудим здесь всех. *(Пытается устроиться так, чтобы не нажимать на звонок.)* Щас-щас, немного поспать, как на кольцевой, правда? Чуть-чуть поспать... вздремнуть, потом чайку... и снова в рейс...

Катерина что-то бормочет еще, потом затихает. Трамвай вдруг снова начинает звенеть, никак не может остановиться. И никто внутри не может его остановить. Полночный звон разносится далеко, кажется, что он никогда не закончится. Из подсобки выбегают Татьяна и Павел, бегут к трамваю, машут руками, кричат что-то человеку внутри кабины, плачут.

Анна Гейжан

Сезон закатов

Драма на берегу моря в 12 закатах

Действующие лица

О л ь г а — певица, 27, 35 и 53 года.
Н и к о л а й — муж Ольги, 65 лет.
И г о р ь — сын Николая, 7, 15 и 33 года.
Л и з а — дочь Ольги и Николая, 15 лет.
А ю н а — жена Игоря, 32 года.

Время действия — август. Место действия — город у моря.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена первая

Тип: *здесь и сейчас.* Берег моря. Крики чаек, шум прибоя, суровый осенний ветер с моря. Ольга кричит с обрыва.

О л ь г а. Обними меня. Я соскучилась. Обними меня! Обними!

Крик Ольги заглушают нервные чайки.

Сцена вторая

Тип: *давно.* Старый сад. Игорь, 15 лет, идет по саду, отгибая ветви, чтобы не били по лицу. Он находит Ольгу (35 лет) в гамаке под деревьями.

И г о р ь. Оля.

Она не шевелится.

Оля.

Она слегка поворачивает к нему голову.

Я завтра уеду. Ты будешь по мне скучать? Ну хоть немного?

О л ь г а. Немного буду.

Игорь садится рядом, прислонившись к дереву, на котором висит гамак.

И г о р ь. Я выучусь, разбогатею, приеду и женюсь на тебе.

О л ь г а. Дурак. Хватит уже. Забудь. Не женишься ты на мне. Никогда. Я жена твоего отца.

И г о р ь. Он состарится и умрет. И ты выйдешь за меня замуж.

О л ь г а. Я тоже состарюсь.

И г о р ь (*убегая*). Нет. Никогда. Я люблю тебя, Оля-а-а-а-а...

Сцена третья

Титр: август. Веранда дома с садом. Первый закат. В кресле-качалке сидит Лиза, девочка-подросток 15 лет, угловатая и полупрозрачная, уже красивая. Ее отец, Николай Иванович (65), стоит и смотрит на море. Теплый августовский вечер.

Н и к о л а й. Где мать?

Л и з а. Выгуливает Гамлета.

Н и к о л а й. Ясно. Что ж, он хотя бы не грызет обувь.

Л и з а. Потому что он не существует.

Н и к о л а й. Дочь, ты подрастешь и поймешь: не всё, что мы видим, существует. И наоборот, не всё, что существует, — мы видим!

Л и з а. Пап, думаешь, мама сошла с ума?

Н и к о л а й. Нет. Ей просто скучно. Значит, закат сегодня вдвоем?

Л и з а. Выходит, вдвоем.

Н и к о л а й. Ну и ладно. Красиво сегодня. Такая дымка фиолетовая. И море совсем лазоревое.

Лиза фотографирует закат на телефон.

Л и з а. Пап, а тебе не надоедает смотреть на море?

Н и к о л а й. Нет. Я не могу без моря, ты же знаешь. Старому моряку без моря никуда. Смотри, какое облако красивое.

Л и з а. По-моему, это слон. Розовый закатный слон.

Сцена четвертая

Берег моря. Ольга (53) прогуливается вдоль моря. Она замечает большой валун, садится на него. На берегу сидят парочки, они тоже смотрят на закат.

О л ь г а. Гамлет, иди погуляй. Только не убегай, как в прошлый раз.

Мимо бежит Игорь (33) в наушниках, кроссовках и спортивном костюме. Он уже пробежал мимо Ольги, но оборачивается, останавливается и бежит обратно. Подходит к ней, снимает наушники. Немного мнетя. Наконец заговаривает.

И г о р ь. Вечер добрый.

О л ь г а. Гамлет, противный пес! Иди сюда! Куда ты опять делся!

Игорь оглядывается по сторонам, никакой собаки он не видит.

И г о р ь. Добрый вечер.

О л ь г а. Вы не замечали, что никто не ходит к морю поговорить? Все ходят послушать море.

И г о р ь. Хорошо. Давайте слушать. Я присяду? Ваш пес меня не загрызет?

О л ь г а. Он может.

И г о р ь. А где он, кстати? Не вижу.

О л ь г а. Послушать море.

Сидят, какое-то время молчат.

И г о р ь. Оль, как там папа? Не болеет?

О л ь г а. Значит, мне не показалось.

И г о р ь. Я вот тебя сразу узнал.

Ольга только сейчас смотрит на него в первый раз.

О л ь г а. Мужик.

И г о р ь. А ты не изменилась.

О л ь г а. Льстишь. Научился.

И г о р ь. Про папу ответишь?

О л ь г а. Здоров.

И г о р ь. Обо мне вспоминает?

О л ь г а. Лиза напоминает.

И г о р ь. А, сестренка. Как она?

О л ь г а. Замуж собирается.
И г о р ь. Не рано ли? В пятнадцать лет.
О л ь г а. Собираться никогда не рано.
И г о р ь. Ты не удивлена что-то совсем.
О л ь г а. Я давно ничему не удивляюсь.
И г о р ь. Где твоя собака-то?
О л ь г а. Вот же, на камне лежит.
И г о р ь. Не вижу. Где?
О л ь г а. А ты включи воображение.
И г о р ь. А-а-а. Клевый пес. Лабрадор?
О л ь г а. Такса. Зайдешь к нам? Заходи. Отец будет счастлив.
И г о р ь. Зайду. Завтра зайду. Куда?
О л ь г а. Парковая, двенадцать.
И г о р ь. В шесть вечера?
О л ь г а. Лучше полседьмого. Гамлет, пойдем домой. Уже стемнело.

Ольга встает и уходит. Игорь еще какое-то время смотрит в сторону моря.

Сцена пятая

Веранда дома с садом. Лиза уносит в дом чайные принадлежности. Ольга заходит с улицы. Николай сидит с планшетом в руках.

О л ь г а. Во всех нормальных семьях дети сидят с планшетами.
Л и з а. Мам, ты же сама говоришь — в нормальных.
Н и к о л а й. Оля, твой Гамлет сгрыз мой новый теннисный мяч.
О л ь г а. Гамлет не мог. Он вообразаемый. Этим и хорош.

Лиза хихикает. Ей нравится этот тонкий способ пикироваться, принятый в семье.

Н и к о л а й. Что там новенького на пляже?
О л ь г а. И г о р ь.
Н и к о л а й. Игорь? Мой Игорь?
Л и з а. Игорь? Он здесь? Мама, где он?
О л ь г а. Да, Игорь, твой сын.

Николай волнуется. Хочет схватиться за сердце, но понимает, что это слишком театрально.

Н и к о л а й. Ты с ним говорила? Он с тобой говорил? Что он сказал?
О л ь г а. Придет завтра. Полседьмого.

Л и з а. Уррра! Брат! Мой брат! Мам, обещай, ты меня с ним сфотокаешь! Обязательно снимешь, и чтобы несколько фоток разных. И надо будет прямой эфир сделать. Ну офигеть! Брат приехал!

Н и к о л а й. Что еще он говорил?

О л ь г а. Ничего.

Н и к о л а й. Ты ничего у него не спросила? Как он здесь оказался?

О л ь г а. Завтра сам всё спросишь. Я пошла спать.

Н и к о л а й. Подожди. Какой он?

О л ь г а. Как ты в молодости. Одно лицо.

Ольга уходит. Лиза запрыгивает на отца.

Л и з а. Пап! Он правда придет?

Н и к о л а й. Не знаю, Лиз. Надеюсь.

Л и з а. Слушай, я ведь уже взрослая!

Н и к о л а й. Уже какая-то местами слишком взрослая. И?

Л и з а. Расскажи мне, почему он не приезжал к нам столько лет?

Н и к о л а й. А я не знаю, дочь.

Л и з а. Ты врешь. Ты же сам подтвердил, что я взрослая. Мне уже можно рассказать. Пап, ну серьезно, я пойму.

Н и к о л а й. Я правда не знаю. Просто он тогда уехал учиться в Америку и больше не приезжал. Поначалу звонил, а потом и звонить перестал.

Л и з а. И ты его никогда не спрашивал?

Н и к о л а й. Как? Он же не звонил. Я думаю, он сильно обижен на меня. Потому и не общается.

Л и з а. Я так никогда не сделаю. Потому что я тебя очень люблю, пап. И никогда на тебя так не обижусь!

Н и к о л а й. И я тебя, Лизонька, очень люблю.

Сцена шестая

Типр: **новый день.** Веранда дома с садом. Следующий день. Второй закат. Лиза нарядилась как могла. Николай заметно волнуется. Они с Лизой накрывают стол и постоянно смотрят на часы.

Н и к о л а й. Лиз, ты новые тарелки ставишь? А фрукты помыла?

Л и з а. Ты ж сказал, что надо новые, я новые и ставлю. Фрукты мыла.

Ольга выходит на веранду, с грохотом ставит на стол бутылку вина.

О л ь г а. Всё, я накрыла стол. Достаточно.

Лиза хихикает.

Н и к о л а й. Лиза, принеси мой планшет, он на втором этаже.

Лиза уходит, понимая, что ее выставили.

О л ь г а. Ну?

Н и к о л а й. Оля, обещай мне, что не будешь над ним издеваться? Пусть он вернется к нам? Он мой сын, понимаешь? Он мне нужен.

О л ь г а. Обещаю. А я над ним издевалась? Меня во всем винишь?

Н и к о л а й. Нет. Но ты же смеешься надо мной.

О л ь г а. Я любя. Исключительно любя. Перестать?

Н и к о л а й. Нет. Продолжай, а то я решу, что ты меня разлюбила.

Николай целует Ольгу, он всё еще ее любит. На веранду возвращается Лиза с планшетом в руках. Из сада появляются Игорь и Аюна (33). Игорь подходит к отцу, протягивает тому руку. Отец жмет руку, потом прижимает по-мужски сына к себе.

Сынок. Здравствуй!

И г о р ь. Привет, пап.

Л и з а. Игорь! Ура! Привет!

И г о р ь. Лиза-егоза?

Л и з а. Дурак!

Лиза тут же обижается.

И г о р ь. Да ладно тебе, иди ко мне, сестренка, обнимемся.

Лиза тает, как снег в мае. Прижимается к брату.

Н и к о л а й. Представь нам свою спутницу?

И г о р ь. Аюна, иди же сюда! Знакомьтесь все, это Аюна, моя жена.

А ю н а. Здравствуйте.

Н и к о л а й. Как жена? Ты женат?

И г о р ь. Пять лет уже.

Н и к о л а й. Я не знал. Надо же. Приятные новости. А дети у вас есть?

И г о р ь. Нет пока. Но будут! Аюна, это мой отец, Николай Иванович.

А ю н а. Очень приятно.
Н и к о л а й. Зовите просто Николай. Обойдемся без Ивановичей.
И г о р ь. Это моя младшая сестра, Лиза. А вот это Ольга, жена моего отца, но не моя мать.

О л ь г а. Приятно познакомиться. А она по-русски понимает?
Н и к о л а й. Оля!

А ю н а. Конечно, понимаю. Я же из России.

О л ь г а. Ой... я думала, вы из Америки. Там же много китайцев.

И г о р ь. Мы действительно познакомились в Штатах. Но Аюна из России. И она не китаец. Она бурятка.

Николай смотрит на Ольгу осуждающе.

О л ь г а. Вы не обижайтесь. Что-то я... неважно! Будем знакомы, Оля.

Н и к о л а й. Проходите на веранду.

Л и з а. Садитесь скорее. Сейчас уже начнется.

И г о р ь. Что начнется?

Л и з а. Ну как что? Будем смотреть крутую телепередачу! Прямо зе бест!

Н и к о л а й. Ага. Местное телевидение.

И г о р ь. И что там? Новости? Сериал?

О л ь г а. Местное телевидение — лучшее из возможных. Все выносят вечером стулья на берег и смотрят на море, корабли и закат.

Л и з а. А мы можем ничего не выносить, с веранды и так всё видно!

А ю н а. Потрясающе!

Все рассаживаются. Николай смотрит на Ольгу, считывает ее взгляд, наливает ей вина.

Н и к о л а й. Что будете пить? Чай? Вино? Можно принести виски.

И г о р ь. Я что покрепче.

А ю н а. Я тоже выпью вина. Как и Игорь.

Лиза вскакивает и наливает им вино.

Н и к о л а й. Расскажешь о себе? Мы же ничего о тебе не знаем.

Аюна окунает палец в стакан и разбрызгивает вино на четыре стороны — делает подношение духам.

И г о р ь. Да что там рассказывать. Живем в Штатах, в Калифорнии. У меня своя небольшая фирма.

А ю н а. Он скромничает. Фирма приличная. Оборот миллионный.
И г о р ь. По сравнению с каким-нибудь «Фейсбуком» небольшая.
В общем-то, как все. Нормально живем.

Н и к о л а й. А здесь вы как оказались?

И г о р ь. Да... обычно, приехали отдохнуть. Как-то мы в Америке и на Карибах всё изъездили, а здесь и не были никогда.

А ю н а. Да-да, решили посмотреть, что тут и как.

Лиза включает видеосъемку на своем телефоне.

Л и з а. Привет всем! У меня тут вообще офигеть что происходит. Сейчас сами всё увидите! Вот это мой брат, Игорь. А это его жена, Аюна. А как вы познакомились?

Н и к о л а й. Лиза!

А ю н а. В самолете. Рядом сидели.

Л и з а. Как романтично. Пап, махни рукой! Пап, давай тоже куда-нибудь полетим?

Н и к о л а й. И что? Рядом с тобой в самолете будем сидеть мы с мамой.

Лиза выключает эфир.

Л и з а. Так я замуж никогда не выйду.

И г о р ь. Зачем тебе замуж? Не рано ли?

Л и з а. А ты не рано женился?

И г о р ь. Мне тридцать три, женился в двадцать восемь, так что нормально.

Лиза подходит к Игорю и делает с ним селфи.

О л ь г а. У нее план из десяти пунктов. Она хочет поскорее выполнить пункт «Замуж» как самый малопрогнозируемый.

Л и з а. Спасибо, мам, но я и сама бы объяснила. Короче, вот пункт «Получить высшее образование» — тут всё просто: сдаешь ЕГЭ, поступаешь, четыре-пять лет, и выполнено. Или план «Родить двоих детей», тут тоже всё легко. В крайнем случае, есть банки спермы.

О л ь г а. Умна не по годам.

Л и з а. Mam, мне уже пятнадцать вообще-то. Сейчас все такие. Еще вот есть план купить машину. Жду восемнадцати, получаю права, останется накопить денег. Если в месяц откладывать по двадцать тысяч, а при средней зарплате специалиста с высшим образованием...

О л ь г а. Лиза, не грузи Игоря, а то он снова от нас сбежит.

И г о р ь. Почему же?

О л ь г а. Да если б я тебя не встретила случайно, ты, может, и не пришел бы.

И г о р ь. Неправда. Я бы пришел сам, мы знали, что вы здесь, и собирались зайти. Лиза, мне интересно, продолжай.

Л и з а. В общем, выйти замуж, увы, в одиночку не получится, тут слишком многое зависит от другого человека. Поэтому чем раньше я озбочусь выполнением этого пункта, тем больше шансов его выполнить.

И г о р ь. Лиз, я думаю, тут всё несколько иначе устроено.

Л и з а. Всё устроено одинаково. Теория вероятности, многофакторные модели.

А ю н а. Черные дыры и теория струн.

Л и з а. Ой, подумаешь, я тоже этот сериал про физиков и блондинку смотрела.

И г о р ь. Лиза, любовь нельзя запланировать.

Л и з а. Можно. И запланировать, и перепланировать.

И г о р ь. А если ты влюбишься, а он на тебе не женится?

Л и з а. Тогда я влюблюсь в другого.

И г о р ь. Любовь, если она настоящая, ее из себя можно только вместе с жизнью вытравить.

Л и з а. И что, у вас такая любовь с Аюной? Вот прям до смерти?

О л ь г а. Пойду с Гамлетом прогуляюсь. Что-то он скулит.

Н и к о л а й. Оля...

Ольга встает и уходит.

И г о р ь. Что это с ней?

Л и з а. Ей скучно. Мне вот тоже скучно.

Н и к о л а й. Тебе не может быть скучно. У тебя двадцать тысяч друзей в инстаграме.

Л и з а. Это не друзья, а подписчики, пап!

Н и к о л а й. Ну, раз так, то заведи себе воображаемого друга.

А ю н а. Закат здесь и правда красивый.

Л и з а. И каждый день разный!

И г о р ь. Мы тоже, наверное, уже пойдем. Поздно.

Н и к о л а й. Да мы и не пообщались совсем. Вы еще придете? А где вы живете? В гостинице? Может, к нам переедете?

И г о р ь. К вам? Сюда?

Н и к о л а й. Ну да, дом большой, места всем хватит.

И г о р ь. Да как-то... неожиданно это всё.

А ю н а. Игорь? Хорошая идея, как мне кажется. Если мы вас только не стесним.

И г о р ь. Не знаю. Впрочем, почему бы и нет.

Н и к о л а й. Конечно, переезжайте! Свои же, родные. Не к чужим людям!

И г о р ь. Действительно. Пап, переедем. Завтра соберем вещи, выпишемся из гостиницы и к вам.

Л и з а. Ура! Ура!

И г о р ь. Ну, до завтра. Пока, сестренка. Пап, пока.

Н и к о л а й. До завтра, сынок. Я рад, правда очень рад.

А ю н а. До свидания.

Игорь и Аюна уходят.

Л и з а. Пап, чо-то она у него какая-то некрасивая.

Н и к о л а й. Красивая. Просто внешность азиатская. Другая раса.

Л и з а. Некрасивая.

Н и к о л а й. Она и не обязана тебе нравиться. Она ж его жена, не твоя.

Л и з а. Она мне нравится. Просто дети у них тоже будут некрасивые. Вот если б его жена была похожа на меня, дети были бы очень красивые.

Н и к о л а й. Хватит болтать. Убирай всё со стола.

Сцена седьмая

Берег моря. Ночь. Свет далеких фонарей. Дома с темными окнами. Ольга видит вдали мужской силуэт. Сначала пугается. Затем узнаёт. Игорь подбегает к ней.

И г о р ь. Испугалась? Не боишься тут одна ночами гулять?

О л ь г а. Я с собакой.

И г о р ь. Почему ты не заведешь себе настоящего пса?

О л ь г а. Настоящего придется выгуливать каждый день.

И г о р ь. А этого ты не каждый день выгуливаешь?

О л ь г а. Каждый. Но это необязательно. Зачем ты пришел?

И г о р ь. Я мимо бежал.

О л ь г а. Не пробежал ведь. Как ты нас нашел?

Игорь. Лиза. Она мне всё время пишет в соцсетях. У нее там подробный рассказ о вашей даче на берегу моря.

Ольга. Можно было позвонить. Или написать Лизе.

Игорь. Я не Лизу хотел увидеть. Другого человека. «Она опять выгуливает своего несуществующего пса, достала».

Ольга. Знаю. Коля читает ее странички.

Игорь. Я подумал, буду просто бегать тут каждый вечер. И высматривать тебя.

Ольга. Высмотрел. Что теперь?

Он подходит к ней ближе. Совсем близко. Смотрит в глаза.

Игорь. Ты же сама сказала, я — мужик.

Ольга. Не надо. Мне пора.

Игорь. До завтра, Оля. Мы теперь будем жить у вас.

Сцена восьмая

Аюна и Игорь сидят на чемоданах.

Аюна. На дорожку.

Игорь. Да какая тут дорога, ехать пять минут на такси.

Аюна. Это примета такая. Дороги не будет.

Игорь. Ладно. Сидим. Долго сидеть?

Аюна. А все-таки хорошо, что они нас позвали? Я так рада. Семья для человека — это очень важно. Это корни, понимаешь? Дереву без корней нельзя. Это сила. Сила предков. Я почему бурятские песни пою? Они мне силу дают. Колыбельная матери, песня, которую бабушка пела. Это мой народ, моя семья, мои корни. Это важно.

Игорь. Медвежонок, ну перестань. Знаю я твою эту бурятскую песню про предков. Я всё понял. Видишь, со всем согласен. Мы уже тут. А сейчас насидимся на чемоданах и будем там, все в корнях.

Аюна. Поехали. Ты ничего не забыл?

Встают.

Игорь. Поцеловать тебя забыл.

Аюна. И это тоже. Конфеты взял?

Игорь. Да. Опять будешь их из окна машины кидать?

А ю н а. Ты же знаешь, духов надо задобрить. Ну, спасибо этому дому.

И г о р ь. А это всё точно бурятские обычаи?

А ю н а. Какая разница? Обычай — это то, чему тебя научили родители.

И г о р ь. Меня воспитала школа!

А ю н а. Хорошо хоть не улица.

И г о р ь. Нет, мне повезло. Интернат, затем нахимовское.

А ю н а. Вот ты опять о своей обиде. Понимаю, они отдали тебя в интернат, не растили сами, выкинули из семьи. Но и ты пойми, каждый должен делать шаг навстречу. Обида разрушает, прощение созидает.

И г о р ь. Аюша, мы уже приехали сюда мириться. Но простить такое — непросто. Или ты думаешь, что очень клево оказаться в интернате в шесть лет? И видеть семью даже не в каникулы, а так, несколько дней в году? Я делаю всё, что могу. Разве этого мало?

А ю н а. Если мы хотим детей, придется сделать немного больше. Мы ведь хотим?

И г о р ь. Хотим. Поехали уже.

Сцена девятая

Веранда дома с садом. Третий закат. Лиза раскачивается в огромном гамаке, снимая селфи. Николай рядом в кресле с планшетом в руках.

Н и к о л а й. Пишут, что голоданием можно даже рак вылечить. Тут и видео есть.

Ольга стоит под фруктовым деревом. Она что-то с собой сделала, что стала еще краше. Какое-то другое платье, волосы распущены, помада.

Л и з а. Мать-то наша нарядилась. Мам, ты куда такая пойдешь? Пап, может, Гамлет — это не пес? Может, это армянин какой? Она к нему на пляж и ходит каждый вечер. На свидание.

Н и к о л а й. Ты плохо знаешь свою мать. Ей датский принц недостаточно знатен. Какой уж тут армянин.

О л ь г а. Гамлет, ты заметил? Они обсуждают меня, как будто меня здесь нет.

Л и з а. Мам, давай заведем собаку? Настоящую.

О л ь г а. Еще одну? Нет, двух собак я не потяну. Да и Гамлету твоя идея не нравится.

Н и к о л а й. Оль, подойди ко мне? Ты красивая. Я давно тебе этого не говорил. Ты прости меня.

О л ь г а. Чего это ты вдруг?

Н и к о л а й. Игорь, понимаешь, он мне очень нужен. Я знаю, я виноват перед ним. За многое виноват. И это такой шанс. Я не хочу упустить. Я прошу тебя, будь с ним поласковой.

О л ь г а. Коля, не раскисай. Что-то ты совсем. Ты же знаешь, я это не люблю.

Н и к о л а й. Оленька. Ну хочешь, я...

О л ь г а. Да всё нормально. Я буду держать себя в руках.

Н и к о л а й. Спасибо. Правда, мне очень важно.

Л и з а. Пап, не переживай, я буду за мамой приглядывать. И за Гамлетом! Чтоб не твякнул чего лишнего.

О л ь г а. Кругом одни враги, Гамлет. Уйдем мы от них? Да?

Н и к о л а й. Не уходи. Как же мы без тебя?

Л и з а. Мам, оставайся. Куда ты без нас?

О л ь г а. Умеете уговаривать. Ну и где эти ваши гости? Я есть хочу.

Появляются Игорь и Аюна с чемоданами.

А ю н а. А мы тут!

И г о р ь. Вижу, не ждали!

Н и к о л а й. Что ты! Ждали! Заждались!

Л и з а. Я больше всех ждала. Так, встаньте рядом с чемоданами, надо сфотографировать.

А ю н а. Для истории?

Л и з а. Для инстаграма. Впрочем, в истории тоже можно повесить.

О л ь г а. Пойдемте, гости дорогие, я покажу вам комнату.

Л и з а. Так, мама, поближе к Игорю, улыбнитесь, готово!

Ольга делает знаки мужу, мол, смотри, как я с ними мила. Игорь с Аюной уходят вслед за Ольгой.

Пап, ты чего? Не расклеивайся.

Н и к о л а й. Возраст делает людей сентиментальными. Но ты права, надо быть мужчиной.

Л и з а. Ты ж морской волк, папа! Капитан! Соберись!

Н и к о л а й. Всё-всё, уже.

Ольга возвращается одна.

О л ь г а. Оставила их развешивать вещи в моей спальне.

Н и к о л а й. Ты сказала им, что это твоя спальня?

О л ь г а. Нет, я была хорошей девочкой. Можно мне уже поесть?

Ольга садится за стол и начинает есть одна.

Л и з а (*кричит*). Игорь, иди скорее сюда. И-и-игорь!

Вбегает Игорь.

И г о р ь. Звали?

Л и з а. Ага. Иди скорее, а то ща мама всё съест. Знаешь, сколько она ест? Мы с папой не успеваем готовить!

Н и к о л а й. Мы просто все рады очень. Потому и волнуемся. Садись. Где Аюна?

И г о р ь. Сейчас придет.

Н и к о л а й. Ну, рассказывай.

И г о р ь. Да вроде вчера всё рассказал уже, пап.

Н и к о л а й. Как всё? Ничего ж толком не рассказал. Столько лет...

О л ь г а. Не мучай его. Давай мы расскажем.

Н и к о л а й. Черт. И правда. Что рассказать-то? Когда пару дней с кем-то не виделся, вроде куча новостей. А тут пятнадцать лет прошло, и сказать-то нечего.

И г о р ь. Ты еще работаешь?

Н и к о л а й. О! Вот точно. Нет, на пенсии я. Второй год как меня на землю списали. Молодежь подпирает со всех сторон, сам понимаешь.

И г о р ь. Ну и как тебе? Отдыхаешь?

Н и к о л а й. Да какой тут отдых. То одно, то второе. Сарай надо чинить. Опять же рыбалка тут хорошая. Всё что-то суечусь. Даже книжку почитать некогда толком.

И г о р ь. Так это вроде бы и называется «отдых».

А ю н а. Еще не всё тут съели без меня?

И г о р ь. Без шуток, они грозились.

Аюна ставит на стол большую кастрюлю. Открывает, все с интересом заглядывают внутрь.

А ю н а. Это буузы. Хочу тоже вас угостить. Наше блюдо, национальное.

Игорь. Аюна очень вкусно готовит. Попробуйте.
Аюна. Я воспользовалась вашей кухней.
Никол ай. Конечно! Чувствуй себя тут хозяйкой. Это ты за пять минут наготовила?
Аюна. Нет! Что вы! Только разогрела.

Все жадно поедают буузы.

Лиза. А вкусно!
Никол ай. И правда.
Ольга. Жестокие вы. Я так никогда не похудею.
Лиза. Так не ешь! Мне больше достанется. Хотя нет, мне тоже нельзя поправляться.
Никол ай. Девочки, всё лишнее кладите ко мне в тарелку.
Лиза. Я лучше потом по пляжу побегаю, но делиться ни с кем не буду! Буу-у-у-узы! Моя новая любовь. Надо сфоткать.

Лиза всё фотографирует и висит на брате. Хохочут. Как будто и правда семья.

Ой! Чуть не пропустили! Быстро! Рассаживаемся! Игорь, тащи кресла, они вон там.
Аюна. Что такое?
Лиза. Закат же!

Все начинают усаживаться в ряд.

Игорь. Вы каждый день смотрите закат?
Ольга. Да. У нас ритуал.
Никол ай. Я всю жизнь мечтал, что куплю дом на море и буду вот так вот сидеть со всей семьей и смотреть закат. Господи, спасибо тебе за этот день.
Ольга. У нас этот дом всего два года. Раньше была дача в Подмосковье.
Никол ай. Игорь, ты помнишь нашу дачу?
Игорь. Конечно, пап. Странный вопрос.
Никол ай. Мы теперь, видишь, люди свободные. Я в рейсы не хожу, Оля давно уже никуда не ездит со своим хором. У нас только Лизина школа, больше никаких обязательств.
Лиза. А я давно говорю, давайте переведем меня на домашнее обучение. В наше время всё есть в интернете, можно никуда и не ходить!

Н и к о л а й. Да ты тогда вообще из дома выходить перестанешь. И не начинай.

А ю н а. Ольга, Игорь рассказывал, что вы певица, правильно?

О л ь г а. Да. Правильно.

А ю н а. Может быть, вы нам что-то споете? Если удобно, конечно.

О л ь г а. Неудобно, конечно.

А ю н а. Извините, если обидела. Я не...

Н и к о л а й. Оля не любит петь в компаниях.

Л и з а. Вы совсем не смотрите!

И г о р ь. Смотрим. Потрясающий закат. Так красиво свет расходитсЯ лучами из-за облаков. Оля, а ты совсем теперь не поешь?

О л ь г а. Почему же. Иногда зовут выступить. Но в основном, конечно, судьей на конкурсы приглашают.

Н и к о л а й. Оленька дает частные уроки. У нее есть пара прекрасных учениц.

О л ь г а. Вот да. Перед ними я и выступаю.

И г о р ь. Я что-то не подумал. Пап, если нужны деньги, ты не стесняйся. Я помогу.

Н и к о л а й. Не надо, у нас всё хорошо. Оленька зарабатывает, моя пенсия, еще мы квартиру бабушкину сдаем. Ну и накопления есть. Но спасибо, приятно! Сын! Как я рад!

А ю н а. А я вот всё мечтаю стать художницей. И Игорь меня поддерживает, говорит, увольняйся, иди учиcь всерьез рисовать. Но я пока не решаюсь. Женщина должна быть самостоятельной. Не зависеть от мужа. Так мне кажется. Я откладываю понемногу. Потом смогу себе позволить. Правда, мы вот хотим детей. И это, наверное, помешает наши планы.

Л и з а. Игорь, а давай поедем с тобой куда-нибудь? Можно на парашюте покататься над морем! Давай вдвоем, а? Ваще, я не верю. Бразер! Поедем?

А ю н а. Конечно, поезжайте. Хорошая идея.

О л ь г а. Лиза, ну что ты виснешь на Игоре? Дай ему продохнуть.

Л и з а. Я не висну вовсе!

И г о р ь. Да пусть висит, я не против.

А ю н а. Какие же живописные у вас закаты. Игорь, посмотри, как облако подсвечивается. А море? Какой оттенок! Необыкновенный цвет. Я здесь у вас точно начну рисовать. Интересно, а на рассвете так же красиво? Игорь, давай проснемся завтра пораньше?

О л ь г а. А вот рассветы здесь не впечатляют.

Н и к о л а й. Это правда. Солнце встает за горой, рассвета и не видно.

О л ь г а. Ладно. Мне пора выгуливать Гамлета.
Н и к о л а й. Может быть, сегодня он как-нибудь сам?
О л ь г а. Нет. Не может.
И г о р ь. Оль, можно я с тобой? Хочу пробежаться перед сном.
О л ь г а. Мы медленно ходим.
И г о р ь. Ну ничего, я буду медленно бегать.
А ю н а. Игорь, я думала, мы ляжем спать пораньше.
И г о р ь. Так это недолго! А ты пока обустройствайся в комнате.
О л ь г а. Мы ушли.
И г о р ь. Я переобуюсь и догоню.

Сцена десятая

Берег моря. Вечер. Двое бредут, никто не бежит.

И г о р ь. Оль, дай мне свой номер телефона?
О л ь г а. Зачем? Будешь звонить мне со второго этажа на первый?
И г о р ь. Ага. А иногда с первого на второй.
О л ь г а. Ты меня преследуешь. Это становится заметно.
И г о р ь. Вот потому я и прошу, дай мне свой номер.
О л ь г а. Игорь, твой отец не знает, почему ты пропал. Пусть так будет и дальше.
И г о р ь. Разве я против? Ты же понимаешь, я вернулся не к нему.
О л ь г а. Ничего не изменилось.
И г о р ь. Наоборот. Много поменялось. Оля, мне кажется, прошла уже целая жизнь. Целая моя жизнь без тебя.
О л ь г а. И дальше она будет без меня. Когда-то ты принял правильное решение и уехал. Не понимаю, что заставило тебя передумать. Я была уверена, что ты давно забыл всю эту твою детскую блажь. Мы взрослые люди. То, что можно было простить мальчишке, уже не идет мужчине. Посмотри на меня, зачем я тебе? У тебя молодая жена. Перестань.
И г о р ь. Я смотрю на тебя. И понимаю, что я идиот. Столько лет тебя не видеть.
О л ь г а. Если так, то лучше уезжай. Прямо сейчас собирайся и уезжай.
И г о р ь. Дай мне свой номер.
О л ь г а. Я не знакомлюсь на пляже.

Игорь. Оль.

Ольга. Что ты делаешь?

Игорь. Хочу посмотреть, какого цвета у тебя глаза.

Ольга. Темно.

Игорь. Всё тот же цвет.

Ольга. Не ходи за мной. Уезжай.

Ольга говорит тихо и оттого очень страшно.

Игорь. Не гони. Не огорчай отца.

Ольга. Я его люблю и оберегаю. А вот ты выводишь меня из себя. Больше ко мне не подходи, даже в шутку.

Игорь. Я не уеду от тебя, Оля. Больше никогда.

Ольга. Не ходи за мной.

Где-то далеко и обреченно кричат чайки.

Сцена одиннадцатая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. Вечер. Аюна ждет Игоря, поглядывает в окно. Она достает мешочек с амулетами, часть надевает на себя, остальное раскладывает вокруг. Появляется Игорь.

Аюна. А я тебя жду.

Игорь. Что это на тебе? Ты на елку новогоднюю похожа.

Аюна. Это мне шаман дал. Должно помочь.

Игорь. Аюш, я еще могу поверить в то, что восстановление отношений с родителями поможет тебе забеременеть. Но вот эти побрякушки, думаю, лишнее.

Аюна. Я уже готова любые побрякушки на себя надеть, только бы у нас был ребенок. Раздевайся. Или тебе надо в душ?

Игорь. В душ и спать.

Аюна. Сначала делаем детей, потом спим.

Игорь. Думаешь, уже сработает? Только же помирились.

Аюна. Я хочу использовать любой шанс. Сегодня, завтра, послезавтра.

Игорь. Да ты нимфоманка, Аюна!

Аюна. Я хочу ребенка. И очень устала за эти пять лет неудачных попыток. Ну же, пойдём.

Игорь. Давай завтра? Я не в настроении. Возвращение домой — тяжелая штука. Столько всего нахлынуло, мне надо это пережить. Извини. Не обижайся.

Игорь уходит. Аюна собирает амулеты обратно в мешок, что-то шепчет себе под нос.

Сцена двенадцатая

Веранда дома с садом. Вечер. Ольга застаёт на веранде Лизу.

Ольга. Ты почему не спишь? Поздно уже.

Лиза. Мам, давай тебе инстаграм заведем? Вот смотри, мне тут пишут, что ты красивая.

Ольга. Правда пишут?

Лиза. Да всё время пишут! Сама посмотри.

Ольга. Хорошая фотография.

Лиза. Я хвастаюсь. У меня самая красивая мама и самый сасный брат!

Ольга. Какой брат?

Лиза. Ну, клевый, отличный. Вот смотри, вы тут вместе на фотке. Видишь, это две тысячи человек вам лайк поставили. Кто-то даже подумал, что Игорь твой муж. Правда, смешно?

Ольга. Очень.

Лиза. Мам, ну дай мне свой телефон, я тебе всё сделаю. Тут можно и видео вешать. Можешь что-то петь, и это будут смотреть.

Ольга. Не надо. Зачем это мне?

Лиза. Не спорь. Так надо. Давай телефон.

Ольга протягивает ей телефон.

Ольга. На, только не приставай.

Лиза. Вот смотри, я уже сделала тебе аккаунт. Сейчас повесим твои фото и поставим теги. Всё время надо ставить теги.

Ольга. Это еще что такое?

Лиза. Ставишь решетку, а потом пишешь слова. По ним тебя найдут.

Ольга. Я не хочу, чтоб меня находили.

Лиза. Хочешь! Вон смотри, как здорово, что нас нашел Игорь!

Ольга. Он нас тоже по тегам нашел?

Л и з а. По геотегам. Смешно, мам. Я сейчас пост напишу, отмечу в нем тебя.

О л ь г а. Делай что хочешь, я спать пойду.

Ольга уходит. Лиза кричит ей вслед.

Л и з а. Шас я еще тебя зашерю! Мам, у тебя уже пятнадцать лайков.

Сцена тринадцатая

Веранда дома с садом. Утро. Ольге явно не спалось. Теперь она накрывает стол для завтрака. Тишина, еще никто не проснулся. Она что-то очень тихо напевает. С криками вбегает Лиза.

Л и з а. Мама! Мам, ты прикинь, у тебя уже пятьсот подписчиков! Ты видела? Ну ты видела? Я повесила еще две твои фотки. Одну ту, что с Игорем.

О л ь г а. Ты кашу будешь или яичницу?

Л и з а. Мам, ты меня слышишь? Мне срочно надо сделать с тобой эфир. Вот прям шас давай. Ваще я не думала, что ты у меня такая крутая. Тут тебе какой-то перец пишет, что помнит тебя и любит! Офигеть можно!

О л ь г а. Значит, кашу. Яичницу мне жарить лень.

Л и з а. Мама, это ж суперкруто! Но вообще я на тебя обижена. Или не на тебя, не знаю.

О л ь г а. Что опять?

Л и з а. На тебя Игорь подписался. А на меня он не подписан. Вот как так? Ты можешь с ним поговорить, а? Пусть он на меня подпишется. Мне самой как-то... Ну, неудобняк, короч.

О л ь г а. Я не хочу с Игорем говорить. И вообще, я думаю, Игорь скоро уедет.

Л и з а. Никуда он не уедет! Я его не отпущу. Мама!

Входит Николай. Он уже при полном параде, сказываются годы службы.

Н и к о л а й. Кого ты не отпустишь?

Л и з а. Игоря! Вот сейчас я вам зачитаю. Это же обхохочешься. «Какой у вас молодой и красивый муж! Я всегда была уверена, что у кого и должны быть молодые мужья, так у таких невероятных женщин, как вы!»

Н и к о л а й. Какой еще муж? Дорогая? Я что-то пропустил.

О л ь г а. Глупости. Не слушай.

Л и з а. А у мамы инстаграм. И вообще, такой хайп! Пап, пятьсот подписчиков за ночь. Мне уже страшно, что будет дальше.

Н и к о л а й. Что за муж? Вместе с аккаунтом в инстаграме мужей выдают? Тогда мне тоже надо, вдруг жену дадут.

Л и з а. Ха-ха, старперские шуточки. Я повесила фотку, где мама с Игорем. И все, прикинь, решили, что он ее муж. Нет, ну, не все. Мои-то подписчики знают, что он мой брат.

О л ь г а. Сложные родственные связи на просторах интернета. Без чашки кофе тут не разобраться.

Н и к о л а й. Всё ясно. Не выспалась?

О л ь г а. Выспалась.

Н и к о л а й. Непохоже. Пойду будить молодежь.

О л ь г а. А зачем тебе новая жена?

Н и к о л а й. Она мне совершенно не нужна. Но если дают бесплатно, надо брать, я так считаю.

Аюна заходит одна, без Игоря.

А ю н а. Доброе утро! Ой, я хотела помочь с завтраком. А уже всё готово. Не думала, что вы так рано встаете. Пойду позову Игоря.

Н и к о л а й. Не надо. Я уже за ним!

Сцена четырнадцатая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. Всё то же утро. Игорь сидит в ноутбуке. Услышав шаги, он срочно его захлопывает.

Н и к о л а й. Игорь, можно?

И г о р ь. Да, пап, заходи.

Н и к о л а й. Вот пришел тебя позвать на завтрак. А ты что тут?

И г о р ь. Да так, почту проверял.

Н и к о л а й. Ну...

И г о р ь. Ты что-то хочешь сказать?

Н и к о л а й. В общем-то. Ну, не знаю. Как бы это... я не спрашиваю тебя, что произошло тогда. Почему ты уехал. Ты не подумай. Не хочешь, не говори. Но если ты хочешь...

И г о р ь. Ничего не произошло. Так как-то жизнь... знаешь, закрутился, то да се. Учеба сложная. Потом еще и бизнес всё время отнимал.

Так бывает. Времена такие. (Молчат.) Вы-то тут как? Живете? Всё нормально?

Н и к о л а й. Да живем уж. Тяжко, конечно, бывает. Но я не про деньги. Я так не привык. Быть ненужным, что ли. Всю жизнь ответственность такая огромная была, служба. Целое судно на мне. А теперь вот никому не нужен. Не понимаю пока.

И г о р ь. Ну как это никому не нужен? А Оля и Лиза? Ты им нужен. И мне ты тоже нужен. Сейчас мы с Аюной тебе внуков нарожаем, будешь нянчить.

Н и к о л а й. Это я с удовольствием... но всё же это другое. К тому же у Лизы своя жизнь. Я пытаюсь вот, слежу, что она там в этом интернете делает. Но многое, как они выражаются, не догоняю. Другие времена сейчас, ты прав. А Оля... с Олей тяжело. Она же после рождения Лизы так и не выступает. Вернее как. Всё кончилось еще до рождения Лизы, иначе б у нас и Лизы не было.

И г о р ь. Пап, я правда могу помочь деньгами.

Н и к о л а й. Нет, нет, Игорь, я вовсе не о деньгах. И что я тут разнылся? Всё же хорошо. Мы все вместе. Но ты... если Оля что-то не то, ты не обращай внимания. Я очень тебя прошу.

И г о р ь. Конечно, не переживай. Всё будет хорошо, обещаю тебе.

Вбегает Лиза.

Л и з а. Вы чего не идете? Чего вы тут?

Н и к о л а й. Уже идем.

И г о р ь. Вот и правда, Лиза-егоза.

Л и з а. А там маме кто-то огромный букет цветов прислал, представляете?

Н и к о л а й. Кто?

Л и з а. А мы не знаем.

Вслед за Лизой все возвращаются на веранду, всё пространство которой занял букет.

И г о р ь. Пап, а ты говорил, вы тут скучно живете.

О л ь г а. Это раньше было, до вашего приезда. А теперь с каждой минутой всё веселее. Ешьте. Я ушла.

И г о р ь. Ты куда?

О л ь г а. На пляж.

А ю н а. А мы с вами. Можно?

О л ь г а. Со мной не надо.

Ольга уходит. Игорь и Аюна растерянно провожают ее взглядами.

А ю н а. Это она из-за нас?

Н и к о л а й. Нет, что вы.

Л и з а. Мама загорает с нудистами. Голая. Нас она тоже с собой не берет.

Н и к о л а й. И правда, раздеваться перед чужими куда приятнее, чем перед своими. Мы-то не оценим.

Л и з а. Да вы не парьтесь, я с вами пойду на обычный пляж.

А ю н а. Мы точно ее не раздражаем? Она всё время уходит.

Л и з а. Она уходит, чтобы не взрываться. Мама у нас взрывоопасная.

Н и к о л а й. Это правда. Ей надо выдыхать. Такой человек. Иначе...

Л и з а. Бьет посуду. Натурально бьет посуду! У меня даже пара видосов есть, вы только ей не говорите.

А ю н а. Может, ей как-то с этим бороться? Сходить к врачу? В Америке все чуть что бегут к психотерапевту.

Н и к о л а й. Мы не в Америке. И посуда помогает ей лучше врачей. Не надо, не трогайте ее. Мы не можем ничего сделать. Ей нужно внимание, поклонники, сцена. Мы потерпим.

Л и з а. Так, хватит жрать, пойдем на пляж!

И г о р ь. Вы идите, а мне надо поработать.

А ю н а. Ну Игорь!

Л и з а. Ну Игорь!

Н и к о л а й. Девочки, пойдёмте, я с вами. Оставьте его, пусть работает.

Сцена пятнадцатая

Титр: давно. Старый сад. Игорю 15 лет. Мальчишка.

И г о р ь. Оля, а научи меня целоваться?

О л ь г а. Дурак, иди уроки делай.

И г о р ь. Какие уроки? Лето же! Ну Оля! Не в школе же мне этому учиться?

О л ь г а. Еще слово, и я расскажу обо всём этом отцу.

И г о р ь. Не расскажешь.

О л ь г а. Расскажу.

И г о р ь. Не расскажешь. Раньше ты меня всё время целовала.

О л ь г а. Но не так. Игорь, ты уже взрослый, не делай вид, что тебе по-прежнему семь лет.

И г о р ь. Один поцелуй, и я ушел!

О л ь г а. Нет. Уходи. Это уже не шутки и не игры! Это вовсе не смешно.

И г о р ь. Я и не смеюсь.

О л ь г а. Исчезни.

И г о р ь. Оля?

О л ь г а. Отстань.

Сцена шестнадцатая

Титр: август. Веранда дома с садом. День близится к вечеру. Игорь сидит с ноутбуком, но вовсе не работает. Ольга тихо подходит сзади и какое-то время следит за действиями Игоря.

О л ь г а. Откуда у тебя столько моих фотографий?

И г о р ь. Ты меня напугала.

О л ь г а. Что ты еще скрываешь?

И г о р ь. Хочешь, я расскажу тебе всё?

О л ь г а. Валяй.

И г о р ь. Но за это тебе придется меня поцеловать.

О л ь г а. Если ты не уедешь, я всё расскажу отцу.

И г о р ь. Не расскажешь. Давно бы уже рассказала.

О л ь г а. Чего ты хочешь от меня?

И г о р ь. Чтобы ты голая варила кофе на моей кухне.

О л ь г а. Ясно. Цветы твои?

И г о р ь. Нравятся?

О л ь г а. Нет.

И г о р ь. Выброси.

О л ь г а. Выброшу. Зачем ты приехал? Чего тебе не сиделось в Америке?

И г о р ь. А я довольно часто бываю в России.

О л ь г а. Что-то я тебя тут не видела.

И г о р ь. Зато я тебя видел. Каждый приезд сидел в машине под твоими окнами и ждал, когда ты пройдешь.

О л ь г а. И?

И г о р ь. И ты проходила.

О л ь г а. Ты! Да ты псих! Маньяк! Забирай свою китайскую девочку и убирайтесь.

Игорь. Бурятку. Она бурятка.

Ольга. Мне пофиг. Чтобы завтра духу твоего тут не было. Или я... заявлю на тебя в полицию. Скажу, что ты меня преследуешь.

Игорь. Я не уеду. Я никуда от тебя не уеду.

Ольга. Ты ничего не добьешься. Ты мне элементарно не нравишься. Ты урод.

Игорь. Я не урод.

Ольга. Ты моральный урод.

Игорь. Ты будешь моей.

Ольга. Ни-ког-да.

Заходят Николай, Лиза и Аюна. Увидев их, Ольга уходит, кидая молнии по сторонам.

Николай. Игорь, что такое? Что вы кричите?

Игорь. Всё нормально. Просто королева не в духе.

Николай. Понятно. Сейчас опять пойдет гулять с Гамлетом.

Аюна. Гамлет — это кто? С кем она всё время гуляет?

Игорь. Это ее воображаемая собака.

Аюна. Собака? Воображаемая? Вы шутите?

Игорь. Да какие тут шутки. Такса.

Лиза. Сомневаюсь, что это такса. Как минимум бультерьер.

Николай. Ха, я вообще думаю, что там лев или тигр, не меньше.

Лиза. А может, даже дракон! Так, расходимся, закат через час. Не опаздывайте, солнце вас ждать не будет.

Сцена семнадцатая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. За занавесками.

Игорь. Не хихикай.

Аюна. Всё. Прости. Не буду больше.

Игорь. Не могу расстегнуть.

Аюна. Я сейчас. Вот.

Игорь. Тише. А то сейчас весь дом сбежится посмотреть, как мы тут детей делаем.

Аюна. Ты просил не хихикать.

Вздохи. Ольга поет, поет громко и нервно, спустив с цепи всех своих тигров, львов и драконов.

А ты кого хочешь?

Игорь. Не знаю.

Аюна. Я хочу мальчика. Такого же умного и красивого, как ты.

Игорь. Надо встать и идти. Скоро закат.

Игорь выходит из комнаты и сталкивается в коридоре с Ольгой.

Ольга. Дай мне свой телефон.

Игорь. Восемь, девятьсот...

Ольга. Не номер, сам телефон.

Игорь. Зачем?

Ольга. Дай.

Игорь. На. Что ты делаешь?

Ольга. Теперь ты дружишь в инстаграме с Лизой.

Игорь. Ты умеешь пользоваться инстаграмом?

Ольга. Мне пятьдесят лет, а не сто пятьдесят. Конечно, умею.
Не обижай ее.

Игорь. Хорошо. А ты не будешь меня обижать?

Ольга. Я буду. Но это я. Сделай мне одолжение?

Игорь. Какое?

Ольга. Оставь меня в покое. Раз и навсегда оставь меня в покое.

Игорь. Хорошо. Если ты так хочешь, конечно. Извини, больше
не буду тебе надоедать.

Ольга. Прекрасно! Ты обещал!

Сцена восемнадцатая

Веранда дома с садом. Четвертый закат. Игорь с Аюной пришли первыми.

Аюна. И куда мы так спешили?

Игорь. Можно ради разнообразия прийти первыми. А то пока
всех твоих шаманов удовлетворишь, потеряешься во времени.

Аюна. Это только мне надо?

Игорь. Хорошо, молчу.

Аюна. Не молчи, скажи мне лучше, сколько лет твоей мачехе?

Игорь. Ольге. Не называй ее так. Пятьдесят три.

Аюна. Ничего себе. Я думала, лет сорок от силы. А отцу? Шесть-
десять?

Игорь. Шестьдесят пять.

А ю н а. Так вроде небольшая разница. Но выходит, женился на молодой.

И г о р ь. Я тебя тоже не старенькой взял.

А ю н а. Я не об этом. Я тебя всего на год младше. Твоя мама, она ведь старше Ольги была?

И г о р ь. Они с отцом со школы были вместе.

А ю н а. Она сильно болела? Долго умирала?

И г о р ь. Я не знаю. Я был у бабушки, на даче. Но сердце... инфаркт, наверное, быстро. Не надо, не хочу об этом.

Входят Лиза и Николай.

Л и з а. Пап, ну ты посмотри, все места уже заняли. Понаехали к нашему морю! Ну ок, тогда я сяду к Игорю на коленки!

Н и к о л а й. Лиза, это неприлично.

И г о р ь. Да ладно, пусть сидит. Ну, что расскажешь, егоза?

Л и з а. У меня дня через три в инстаграме будет двадцать тысяч подписчиков. Ну это я так, примерно прикинула.

Н и к о л а й. А я думал — уже.

Л и з а. Ой, папа, как будто ты ко мне в соцы не заходишь. Не прикидывайся. Короче, я думаю, надо это дело отметить. Может, видос какой-то прикольный запилить? Или там торт испечь и на нем написать «двадцать тысяч»? Я тут один клевый туториал видеела, как испечь торт за полчаса.

И г о р ь. И потом никогда его не съесть.

Л и з а. Да ну тебя, не издевайся.

И г о р ь. Не дуйся, егоза. Аюна очень вкусно печет, думаю, она тебе поможет.

А ю н а. Да не вопрос, конечно, помогу. Испечем что-нибудь.

Л и з а. Еще вот можно выложить галькой цифру двадцать тысяч. Но мне кажется, это уже избито.

И г о р ь. А можно знаешь что?

Л и з а. Что?

И г о р ь. Ничего не делать! Вообще не обратить на это внимания. В современном мире безразличие ценится очень высоко.

Л и з а. В этом у нас мама профи. Ей это удастся лучше всех. Но не, так нельзя. Понимаешь, они меня читают, лайкают, надо их поблагодарить, даже если не хочется. Еще можно замутить что-нибудь типа двадцатитысячному подписчику подарю свою обнаженную фотку.

Н и к о л а й. Лиза? Ты издеваешься?

Л и з а. Да шучу я, пап, чо ты сразу? Можно подумать.

Н и к о л а й. Я очень надеюсь, что у тебя есть голова на плечах.

Л и з а. У вас вон сколько голов на плечах, а двадцать тысяч подписчиков будет только у меня.

И г о р ь. Я тебя расстрою, но нет никакой связи между подписчиками и коэффициентом интеллекта. Вот такая ерунда, Лиза-егоза.

Лиза обнимает брата.

Л и з а. Чо-то я так тебя люблю.

Наконец-то появляется Ольга. Можно было бы выглядеть красивее, но некуда. Женщины мстительны и самолюбивы. Но что самое страшное, они противоречивы.

А ю н а (*шепотом*). Офигеть, какая красивая.

Н и к о л а й. Мать, что-то ты хорошеешь на глазах! А что за платье? Прошлогоднее из Парижа?

О л ь г а. Умеешь ты надеть комплиментов. Еще вопросы есть?

Н и к о л а й. Молчу-молчу.

Л и з а. Так, мне срочно нужно фото с лучшим братом и лучшей мамой. Давайте вместе.

О л ь г а. А давайте не будем?

Л и з а. Ну мам! Дай я хотя бы тебя сфоткаю. Ну для инстаграма же!

О л ь г а. У меня там уже две тысячи подписчиков. Скоро я тебя обгоню.

Л и з а. О! Вошла во вкус! И не мечтай!

Лиза фотографируется с Игорем, а затем с Ольгой.

О л ь г а. На мой тоженими.

Л и з а. Да, брателло, ты у меня красавчик.

А ю н а. Вообще Игорь не муж, а мечта. Вы даже не представляете!

И г о р ь. Аюша!

А ю н а. Нет-нет, я расскажу, пусть знают, какой у них прекрасный сын и брат. Каждый понедельник он дарит мне цветы. Вот уже пять лет каждый понедельник! На день рождения — всегда сюрприз. В прошлом году мы летали на Багамы. Роскошнейший отель, бунгало прямо у воды. Боже, как там было красиво и романтично.

И г о р ь. Да-да, все уже поняли, какой я волшебный муж.

А ю н а. Так, не мешай мне. Я не знаю, как он это делает, но он предугадывает все мои желания! На прошлое рождество он устроил вы-

ставку моих рисунков на Манхэттене. В одной очень известной галерее. Позвал туда всех наших друзей и знакомых! Я ничего не знала!

О л ь г а. Надо же. Вот это забота. Он, видимо, вас очень любит. Кстати, а какой сегодня день недели? Не понедельник?

А ю н а. Я даже представить себе не могла, что кто-то может так обо мне заботиться! Думаю, он будет лучшим папой на свете.

Н и к о л а й. О! Вас можно поздравить? Да?

А ю н а. Нет-нет, еще нет. Но мы над этим усиленно работаем.

О л ь г а. Лиза, закрой уши.

Л и з а. Мне пятнадцать. Я отлично знаю, откуда берутся дети. Я знаю даже больше!

И г о р ь. У меня нимб уже видно?

О л ь г а. Что-то такое проступает. Не то нимб, не то рога.

И г о р ь. Рога — это мелочь.

О л ь г а. А что не мелочь тогда?

И г о р ь. Не мелочь? Вот, бывает, смотришь на женщину, которая тебе нравится, очень давно нравится, и вдруг замечаешь, что у нее широкие лодыжки. Такие, знаете, некрасивые толстые лодыжки. Изъян. И она уже не такая идеальная. И дальше ты пытаешься не смотреть на эти ее лодыжки, никогда. Не замечать их. Но, как назло, глаза всё время впиваются в них. Или вот локти, острые, колючие локти. Самое ужасное — короткие толстые пальцы. Женские руки — это вообще очень важная вещь. Иногда можно полюбить женщину за одни только тонкие и чувственные пальцы. Простить ей неудачный нос, торчащие уши. Но вот как простить некрасивые руки? Этого я пока никак не могу понять.

Все тайком посматривают друг на друга, пытаются понять, о ком же всё это.

А ю н а. Это ты о ком?

Н и к о л а й. В моей семье все женщины идеальные. Без изъянов. Я проверял.

Ольга победно задирает ноги на кресло, в котором сидит Николай.

И г о р ь. Я не о вас. Я вообще. Да и не о лодыжках я вовсе.

Л и з а. Игорь, а у меня знаешь что есть?

И г о р ь. Что же у тебя такое есть? Сестричка.

Л и з а. Видео твоего выступления с лекцией про новые технологии для малого бизнеса и эти, как их, криптовалюты.

О л ь г а. Она сейчас, надеюсь, не матом ругалась?

Н и к о л а й. Кажется, есть шанс, что Лиза поступит в институт. Я-то уж думал, что удачно выдать ее замуж будет лучшим исходом.

О л ь г а. Исход — это у евреев из Египта. А у нас избавление.

И г о р ь. Лиза?! Откуда у тебя эта запись? Ее даже у меня нет.

Л и з а. А вот! Учись пользоваться гуглом, брательничек!

Н и к о л а й. Игорь, ты разбираешься в криптовалютах? Расскажешь мне? Я пытался понять, что за тема. Но никак не осилю.

Л и з а. Ой, ну пап, там всё просто. Мог бы и у меня спросить. Короче, делаешь апгрейд компа, ставишь туда специальную прогу и майнишь.

О л ь г а. Да уж, куда проще. А главное, всё ведь понятно.

И г о р ь. Это всего лишь слова. Пап, я тебе потом всё объясню. Хорошая тема. Скоро это будет повсеместно.

Н и к о л а й. Оля, может, ты тоже хочешь послушать?

О л ь г а. Я лучше Вивальди послушаю. Или Моцарта.

И г о р ь. Вагнера, «Полет валькирий».

О л ь г а. Надо как-то или интеллектуальный градус беседы сбавить или градусов в крови прибавить. А то я диссонирую.

Встает, чтобы налить себе выпить, но Игорь отслеживает ее движение, опережает и очень вежливо и формально наливает ей вина.

Л и з а. А кто такие валькирии?

Н и к о л а й. Бабы с крыльями. Они летают.

О л ь г а. Я б тоже сейчас куда-нибудь улетела. Жаль, но даже у валькирий не было крыльев.

И г о р ь. Это правда. У них кони были крылатыми. Валькирии подбирали погибших воинов и уносили их в Вальхаллу, рай для доблестных воинов. Лиза, почитай «Песнь о Нибелунгах», я в твоём возрасте этой книгой просто зачитывался.

Л и з а. Офигеть, какой ты умный. Мам, он такие слова знает, я пока его лекцию слушала, гугл изнасиловала просто вдоль и поперек.

О л ь г а. Это всего лишь слова. А слова тут крышу не поставишь.

Л и з а. Мам, ты сегодня прям фу.

Н и к о л а й. Лиза!

И г о р ь. У меня вот тоже есть одна редкость. Коллекция записей выступлений Олиного хора за десять лет. Купил у одного сумасшедшего мужика, который ездил за хором по стране и записывал всё на видеокамеру. Пришлось, правда, долго оцифровывать.

Никто не ожидал.

О л ь г а. Я, кажется, знаю, что это за мужик. Надо же, столько лет о нем и не вспоминала даже. А ведь был такой! Ездил за нами.

Н и к о л а й. Игорь, у тебя правда есть эта коллекция? Как интересно. А ты нам сделаешь копию?

И г о р ь. Конечно! Зачем же еще я ее добывал!

Н и к о л а й. Вот это подарок! Королевский подарок! Оля!

О л ь г а. Ну да. У меня, конечно, есть какие-то записи, но не очень много. Не знаю. Даже как-то странно. Я не уверена, что хочу их пересматривать.

Н и к о л а й. Хочешь, не хочешь, потом решишь! Пусть будут! Это какой архив-то! Обалдеть. Игорь, ну удивил! Порадовал! Аюна, вы, наверное, не в курсе. Оленька у нас была солисткой хора. Да что там солисткой, этот хор только благодаря ей знаменит и был. Все приходили послушать, как Оля поет.

О л ь г а. Всё это давно прошло. Поздно уже. Солнце зашло. Давайте расходиться.

А ю н а. Да-да, мы с Игорем вообще любим пораньше ложиться.

Сцена девятнадцатая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. Ночь. За занавесками.

А ю н а. У тебя очень приятный отец. Такой интеллигентный, спокойный, галантный. Он мне прям нравится.

И г о р ь. Я рад.

А ю н а. Но вот Ольга... Не понимаю, что твой отец мог в ней найти. Она же холодная, как ночная степь. Но, в отличие от степи, в ней нет жизни.

И г о р ь. Ты же сама сказала, она красивая.

А ю н а. На одной красоте далеко не уедешь.

И г о р ь. Я думал, ты чего-то другого хочешь. А оказывается, обсудить Ольгу.

А ю н а. Хочу-хочу! И давай старайся. Чтобы сразу двойню.

Шорохи и стоны. Ольга черной тенью отделяется от стены.

О л ь г а. Давно хотела сказать тебе, Гамлет. Не верь людям. Нет, не только мужчинам. Женщинам тоже верить нельзя. А дети, те вообще очень коварные. Никому не верь. Погулять? Ну, пойдём погуляем. Мне тоже что-то душно.

Сцена двадцатая

Берег моря. пляж. Жаркий день. В финале — пятый закат. Игорь, Аюна, Николай и Лиза пришли загорать. Их догоняет Ольга.

О л ь г а. Подождите меня.

Н и к о л а й. Ты с нами?

О л ь г а. Ты просил меня быть милее.

Н и к о л а й. Да, спасибо, Оля.

О л ь г а. Опять полный пляж народа, яблоку упасть негде. А я, между прочим, не яблоко.

Н и к о л а й. Нет. Ты масштабнее.

О л ь г а. Хамишь.

Н и к о л а й. Я исключительно о твоих талантах, дорогая.

Лиза с Аюной накрывают «стол» для пикника.

Л и з а. Чего у тебя имя такое странное?

А ю н а. Не странное, обычное бурятское. Означает «медведица».

Л и з а. Как-то не айс. Чо не коровой назвали? Или там слоном?

А ю н а. Медведица — это не слон и не корова. Это мудрая и сильная, духом сильная, мать и защитница, сила самой природы, дикой природы.

Л и з а. А я просто Лиза. Лиза-егоза, меня так Игорь называл, когда я только родилась. Я не помню, мне мама рассказывала.

И г о р ь. Так, егоза, ты купаться идешь?

Л и з а. С тобой?

И г о р ь. Со мной!

Л и з а. Догоняй!

А ю н а. Как приятно, что Лиза его так любит, хоть и совсем не знает.

О л ь г а. Слишком любит.

Н и к о л а й. Слишком любить нельзя. Это не сахар, любовью не переборщить. Сегодня мы будем любить в меру, а завтра что? Куда укатится этот мир? И чем вообще можно измерить любовь? Где эта линейка?

О л ь г а. Тише, тише. Что это ты?

Н и к о л а й. Не знаю. Не трогай Лизу, пусть висит на Игоре, сидит на нем верхом, что угодно. У нее пятнадцать лет не было брата. Мы ей этого никогда возместить не сумеем.

И г о р ь. Ну что вы тут? Киснете?

Л и з а. Там такие классные волны! И ветер! Вот бы доску с парусом.

Игорь. Не, Лиз, для виндсерфинга и волны маловаты, и ветер слабоват.

Лиза. А ты умеешь? Суперкул! Научи меня.

Игорь. Вот приедешь ко мне в Калифорнию, свожу тебя на пляж! Кстати, я вас всех приглашаю.

Лиза снова повисает на Игоре.

Николлай. Да, мы, конечно, с удовольствием. Оля, поедем?

Ольга. Поедем, если ветер не помешает.

Аюна. Да уж, море тут прекрасное, но вот ветер мне не нравится совсем. Он сбивает меня с толку. Всё время меняет направление. Мне тревожно в этом ветре. Я его не понимаю, не могу с ним поговорить.

Ольга. Ветер с моря, он самый честный, он просто дует. Он ни о чем не шепчет, не рассказывает ничьих тайн, не дает советов. Он просто дует. Лиза, иди сюда, я тебя кремом от загара намажу.

Лиза. Ну мам! Отстань.

Ольга. Лиза, сейчас же.

Лиза вынуждена отлепиться от Игора.

Аюна (*тихо*). А она похожа на твою мать?

Игорь. Ты про Ольгу? Нет, совсем не похожа.

Николлай. Аюна, а вы не рассказали нам, чем занимаетесь.

Аюна. Да так, работаю аналитиком в небольшой компании. Ничего особенного, отчеты, формы, презентации. Но меня ценят, в следующем году должны повысить до старшего аналитика.

Ольга. У меня была подруга, актриса. Гениальная актриса. Но неформатная. Знаете, так бывает, если женщина не слишком красива. Ей в кино всё время доставались только маленькие роли. И тогда она научилась играть эти свои трехминутные роли так, что затмевала основной состав. Исполнители главных ролей возмущались. И в конце концов ее вообще перестали приглашать в кино.

Николлай. Это ты к чему?

Ольга. Да так, просто вспомнилось.

Аюна. А почему была? Вы поругались?

Ольга. Она поругалась с жизнью.

Лиза. Скоро уже закат. Пора домой.

Игорь. Зачем? Давайте прямо здесь его и посмотрим?

Н и к о л а й. И правда. Надо же вносить разнообразие в наши будни.
О л ь г а. Сегодня воскресенье.

Н и к о л а й. Неважно. Остаемся здесь.

О л ь г а. Да и правда. Сколько там этого заката-то? Минут пятна-
дцать всего. Солнце валится за горизонт с такой скоростью, что аж
страшно. Мало того что жизнь короткая, так еще и быстрая.

И г о р ь. Поэтому надо попробовать в ней всё, чтобы было о чем
жалеть. Или хотя бы вспомнить.

А ю н а. Что-то только ты ничего не пробуешь особо. Даже странно
от тебя это слышать.

Н и к о л а й. Может быть, мы чего-то о нем не знаем?

О л ь г а. Или не хотим знать.

И г о р ь. Сейчас опять проболтаем и пропустим весь закат.

О л ь г а. Лично я предпочитаю молчать.

Л и з а. Так, тихо, я видос снимаю.

Каждый учится молчать о своем.

Сцена двадцать первая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. Тихий полдень. Не слышно даже цикад. Только
где-то вдалеке чирикает какая-то птица, а солнце напрасно ломится в окно.

О л ь г а. Пустишь?

И г о р ь. Твой дом. Заходи.

О л ь г а. Все уехали. Коля повез девочек в торговый центр.

И г о р ь. Я знаю.

Молчат.

О л ь г а. Поцелуй меня?

И г о р ь. Правда?

О л ь г а. Да.

Игорь целует Ольгу.

Я... я зашла позвать тебя пить чай.

И г о р ь. Чай? Потом чай.

Снова целует Ольгу. Она капитулировала. Где же ее драконы?

Сцена двадцать вторая

Типр: очень давно. Пруд на старой даче. Игорь (7 лет) плещется в пруду, Ольга (27) стоит на берегу, Игорь выбегает к ней, мокрый, весь трясется.

Игорь. Оля! Ты видела, Оля? Я проплыл! Сам!

Ольга. Да, ты молодец!

Игорь. Оля! Я научился. Я знаешь что? Я сейчас доплыву от мостика до ступенек!

Ольга. Ну давай.

Игорь. Ты смотришь?

Ольга. Я смотрю!

Убегает, но тут же возвращается. Обнимает Ольгу.

Игорь. Оля, ты такая хорошая. Я тебя так люблю.

Ольга. Я тебя тоже очень люблю.

Игорь. А еще ты красивая. Ты мне очень нравишься.

Ольга. Ты мне тоже очень нравишься, милый мой.

Игорь. Можно я буду называть тебя мамой? Мама Оля.

Ольга. Можно.

Игорь. Но только пока я не вырасту.

Ольга. А потом что?

Игорь. А потом я не смогу уже называть тебя мамой. Потом я женюсь на тебе и буду называть тебя жена Оля.

Ольга. Глупый. Я никогда не буду твоей женой. Я жена твоего папы.

Игорь. Я уже всё решил. Я вырасту, а папа станет старенький. И тогда ты будешь моей женой.

Ольга. Я тоже состарюсь. Буду как бабушка. Зачем я тебе такая?

Игорь (*убегая*). Нет. Ты никогда не состаришься. (*Пауза.*) Оля, смотри, я плыву, Оля, мама Оля! Мама!

ДЕЙСТВИЕ II

Сцена первая

Берег моря. Полдень. Ольга загорает, остальные купаются, ни о чем не подозревая.
Игорь садится на песок рядом с Ольгой. На раскаленный песок.

Игорь. Поговори со мной.

Ольга. Молчать так хорошо. Я люблю молчать.

Игорь. Когда люди не могут делать то, что хотят, они много разговаривают.

Ольга. Или просто молчат об этом. *(Встает.)*

Игорь. Ты куда?

Ольга. Ветер.

Игорь. Что ветер?

Ольга. Очень горячий

Игорь. Это не ветер.

Ольга надевает платье поверх купальника, а затем снимает купальник, оставшись в одном платье. Игорь молча наблюдает за каждым ее движением. Он бы хотел стать ветром с моря. Игорь уходит вслед за Ольгой, забыв о приличиях.

Сцена вторая

Дом с садом. За занавесками и на виду.

Ольга. Ты такой мальчик...

Игорь. Ты же сама сказала, что я мужик.

Ольга. Это мне показалось. Мальчик ты. Тебе нужна девочка.

Игорь. Мне нужна ты.

Ольга. Нет, иди к своей медведице, пусть родит тебе медвежат.

Игорь. Зачем ты меня гонишь? Хочешь посмотреть, как я не уйду?

Ольга. Хочу тебя. Чего ты ждешь?

Он больше не ждет. А ветер треплет занавески.

Сцена третья

Веранда дома с садом. Лиза первой влетает на крыльцо.

Л и з а. Я же говорила, они здесь. Где им еще быть-то?
А ю н а. Игорь, ты здесь?

На веранду выходит Игорь. Такое счастье сложно скрыть.

И г о р ь. А? Чего?

А ю н а. Да мы вас с Ольгой потеряли. Вы ушли, никому ничего не сказав.

Из-за спины Игоря появляется Ольга. Из нее актриса всё же лучше.

О л ь г а. У меня что-то голова разболелась. Перегрелась, видимо.

А ю н а. У тебя тоже голова разболелась?

И г о р ь. Нет, что ты. У меня там чугун, болеть нечему. Вот, постучи, слышишь, как звенит?

А ю н а. Слышу. И что же тогда?

И г о р ь. Пошел проводить, открыл компьютер и, как это бывает...

Н и к о л а й. Утонул в пучине интернета. Оля, как ты теперь?

О л ь г а. Уже лучше.

Аюна подходит к Игорю, прижимается, незаметно обнюхивает его, как волчица, запах ей не нравится.

Сцена четвертая

Веранда дома с садом. Еще один закат, шестой. Ольга с Николаем сидят в креслах.

Н и к о л а й. Днем так жарило. И ветер был. А теперь стих совсем. Море как зеркало.

О л ь г а. Будет буря?

Н и к о л а й. Да. Думаю, поштормит. Оля, если я снова уйду в плавание, ты будешь меня ждать?

О л ь г а. Какое плавание? Ты же на пенсии. Не выдумывай.

Н и к о л а й. А что? Я крепкий, сильный, здоровый мужчина. Почему нет-то?

О л ь г а. Ты правда хочешь снова плавать?

Н и к о л а й. Помнишь, как это было? Когда и по телефону не позвонить, не то что по скайпу увидеть. Плаваю полгода, каждую свободную минуту — все мысли о тебе. Смотрю в море — там ты. Во всех портах твоя тень. Приезжаю домой на неделю — у тебя гастроли. Хоть топись!

О л ь г а. Не утопился же. Приехал на гастроли.

Н и к о л а й. Злая ты, Оля. Уплыву я от тебя.

О л ь г а. Я буду скучать.

Н и к о л а й. Ты и сейчас скучаешь. Со мной. А будешь без меня.

О л ь г а. По тебе. Уплывай.

Н и к о л а й. Отпускаешь?

О л ь г а. Я никогда тебя не удерживала.

Н и к о л а й. Поэтому я и не мог от тебя никуда отойти. Ни на шаг.

О л ь г а. Почему ты меня никогда не ревновал?

Н и к о л а й. Я ревновал тебя дико, к каждому мужчине, к морю, к ветру, к каждому ироничному вздоху, даже к каждому бокалу вина. Но я знал, ты не станешь это терпеть.

О л ь г а. Ты плохо меня знал.

Н и к о л а й. Какая же ты красивая. Поцелуешь меня?

Ольга целует его по-родственному.

Ну что это такое? Иди ко мне.

О л ь г а. Нет, не сходи с ума. Сейчас все придут.

Н и к о л а й. А мы уйдем. Имеем право. Вон Аюна с Игорем никого не стесняются.

О л ь г а. Ты тоже слышал?

Н и к о л а й. Я догадываюсь. Пойдем?

Николай пристает к Ольге, спокойно, по-хозяйски. Но она не поддерживает его попыток.

О л ь г а. Сейчас закат будет. Я хочу посмотреть закат.

Н и к о л а й. Да мы каждый день его смотрим!

О л ь г а. Вот именно.

Входят Аюна, Игорь и Лиза. Лиза висит рюкзаком на спине у Игоря.

Л и з а. Мама, собирай чемоданы, я еду в Америку.

О л ь г а. Прямо сейчас? Я не хочу шевелиться.

Л и з а. Нет, потом! Игорь позвал меня в гости! Он мне всё там покажет. И мы сгоняем в Диснейленд.

Н и к о л а й. Я думал, ты выросла, а ты Диснейленд.

Игорь. Да там и взрослым интересно.

Лиза. Игорь, а я красивая? Смотри, какие у меня ноги!

Игорь. Очень длинные у тебя ноги.

Лиза. А брови? Супермодные, между прочим. Мне даже предлагали быть фотомodelью. Нет, ну серьезно. А ты разбираешься в блогах?

Игорь. А что такое?

Лиза. Помоги мне вот тут. Короче, вот эти перцы хотят, чтобы я их прорекламировала в инсте. Спрашивают, сколько денег я хочу или по бартеру.

Игорь. Показывай, давай разберемся, что за перцы.

Аюна. Как сегодня тихо и спокойно. Море будто бы замерло.

Ольга. Это к шторму.

Аюна. Затихше перед бурей? Я про море не очень понимаю. Но есть в нем что-то общее с нашими степями. Вот этот простор, свобода, горизонт. Я люблю степь в любое время.

Ольга. Даже холодной ночью?

Аюна. Ни облачка на небе. Неужели будет буря?

Николай. А я вот без моря жить не могу совсем. Так я и не стал сухопутной крысой.

Ольга. Лиза, оставь Игоря в покое. Дай человеку отдохнуть. Не надоедай.

Лиза. Я ему вовсе не надоедаю, правда ведь?

Игорь. Да всё нормально. Я ее сниму с себя, когда надоест.

Лиза. Эй! Вы чо? Я надоем? Краев не видите!

Аюна. Оля, расскажите что-нибудь? У вас была такая интересная жизнь.

Ольга. Была. А сейчас я хочу молчать. И вообще мы слишком много разговариваем, шумим. Просмотр заката требует тонкой душевной настройки и отречения. И в первую очередь — тишины. Лиза, убери телефон. Вы перестали видеть мир вокруг. Некогда посмотреть по сторонам и в себя, всё только в телефон и смотрите.

Молчат. Отрекаются, заглядывая морю в глаза. После заката все засуетились, ходят туда-сюда, что-то прибирают. Лиза подходит к матери и кладет ей голову на плечо.

Лиза. Мам, я не хочу, чтоб у Игоря был узкоглазый ребенок.

Ольга. Лиза, не говори так, это неприлично. И это Игорю решать, с кем заводить детей.

Лиза. Но мам, зачем он вообще на ней женился? На этой медведихе! Лучше бы жил с нами, мы ж его семья.

О л ь г а. Это тоже не нам решать.

Л и з а. Может, он с ней еще разведется? Бывает же, люди расходятся.

О л ь г а. Она тебе не нравится?

Л и з а. Не знаю, но она какая-то чужая. Нет, я ничего против таких не имею. У нас в классе вообще один парень негр, я с ним дружу. Но жениться, это же другое. Я вот повесила ее фото с Игорем в инсте, и, знаешь, очень мало лайков. А вот та ваша фотка с ним прям бомба, такой хайп был.

О л ь г а. Лиза, мы больше не будем это обсуждать.

Лиза уходит, появляется Николай.

Коля, подожди.

Н и к о л а й. Что?

О л ь г а. Коль, я хочу, чтобы Игорь уехал.

Н и к о л а й. Оля, ты же обещала? Почему?

О л ь г а. Мне не нравится привязанность Лизы к нему. Ничем хорошим это не кончится.

Н и к о л а й. Это какая-то ерунда, Оля. Я не вижу никаких проблем.

О л ь г а. А я вижу. И прошу тебя, пусть уедет.

Н и к о л а й. Нет. Это твоя дурь и каприз. Впервые за долгие годы я по-настоящему счастлив. Ты не можешь это пережить? Не надо всё портить, Оля. Даже не заговаривай об этом больше.

Те ушли, вернулись эти.

А ю н а. Что с тобой происходит? Ты внезапно стал какой-то далекий.

И г о р ь. Да такой же. Ты чего?

А ю н а. Нет. Я чувствую, что-то поменялось. Еще и ветра сегодня, как назло, нет. Не нравится мне это затишье. Хотя и ветер тут мне тоже не нравится.

И г о р ь. Аюш, эти твои...

А ю н а. Скажи мне, что с тобой? Ты даже пахнешь иначе.

И г о р ь. Не придумывай. Всё в порядке. Ну, мне, конечно, немного не по себе. Знаешь, все эти мои обиды, воспоминания, какие-то забытые ощущения вернулись.

А ю н а. Нет, это что-то другое. Не ври мне.

И г о р ь. Я не вру тебе.

А ю н а. Пойдем спать?

И г о р ь. Я думал еще немного побегать.

А ю н а. Тогда я с тобой.

И г о р ь. Я хотел один.

А ю н а. Я сейчас переоденусь, и побегаем вместе. Это не обсуждается.

Аюна уходит. Входит Ольга. Встает напротив Игоря и смотрит на него. Кровь закипает даже у драконов.

О л ь г а. Гамлет, пойдем-ка прогуляемся.

Ольга выходит. Игорь идет за ней, как хищник, не добивший жертву, идет на запах крови. Но вскоре его нагоняет Аюна.

А ю н а. Ну что? Побежали? Оля, хотите побегать с нами?

О л ь г а. Нет. У Гамлета что-то лапа болит. Так что мы пешком.

А ю н а. И все-таки она странная.

И г о р ь. Может, ей надо помочь с Гамлетом?

А ю н а. Ты-то хоть не сходи с ума! Нет, точно что-то с тобой не то. Отвези меня завтра в город.

И г о р ь. Зачем?

А ю н а. Хочу пообщаться с местным шаманом.

И г о р ь. Здесь-то откуда шаманы?

А ю н а. Шаманы есть везде.

Где можно спрятать дракона? Только в прибрежных скалах.

Сцена пятая

Сад. За старым сараем. Ливень. Ольга стоит, прижавшись к стене. Игорь идет мимо, она вжимается в стену, но ей не удается скрыться.

И г о р ь. Я тебя нашел. Ты вся вымокла.

О л ь г а. Это дождь виноват, не я.

И г о р ь. Где ты была? Я весь день тебя ищу.

О л ь г а. На пляже.

И г о р ь. На пляже тебя не было. Там вообще никого не было. Там ливень и шторм.

О л ь г а. На чердаке. На рынке. На луне. Не знаю.

Игорь. Не исчезай, прошу тебя, только не исчезай.
Ольга. Как-то же ты раньше жил без меня.
Игорь. Я писал тебе письма.
Ольга. Ни одного не получала.
Игорь. Я ни одного не отправил.
Ольга. И что в них было?

Игорь достает из кармана телефон, открывает в нем что-то и читает.

Игорь. Сегодня пять тысяч сто тринадцатый день без тебя, Оля. Здравствуй, милая моя. Я всё еще скучаю. Скучаю по тебе. По тому, как ты достаешь ложку из чая, облизываешь и кладешь на скатерть. Как ты поправляешь непослушный локон не меньше трех раз за завтрак. Как в стакан с холодной водой всегда наливаешь немного горячей — бережешь горло. А больше всего я скучаю по твоему взгляду, он острый, как игла, и нежный, как самый мягкий бархат. Я проживаю еще один день без тебя и не могу себе объяснить зачем.

Ольга. Зачем? Зачем ты женился на ней, если так любишь меня?

Игорь. А ничего, что ты уже тридцать лет замужем? Еще и за моим отцом.

Ольга. Ничего.

Игорь. Ну вот и я подумал, вдруг мне понравится.

Ольга. Понравилось?

Игорь. Это уже неважно.

Ольга. Почему же?

Игорь. Потому что теперь я женюсь на тебе.

Ольга. Даже не думай об этом.

Игорь. Я не собираюсь быть твоим любовником и прятаться по углам. Ты нужна мне вся, целиком, и днем, и ночью.

Ольга. Зачем тебе это? Полноценной семьи у нас не будет. Детей я тебе не рожу. А твоя медведица родит.

Игорь. Ничего, будем воспитывать Лизу.

Ольга. Игорь, ты ни слова никому не скажешь о происходящем. Ты понял меня?

Игорь. А то что?

Ольга. Ничего. Ничего не будет. Молчи. И веди себя тихо.

Игорь. Я не хочу так.

Ольга. Иначе не будет никак.

Игорь. Ладно. Я понимаю. Тебе нужно время. Подумать, осознать, привыкнуть. Я-то давно с этой мыслью живу.

О л ь г а. Не подумать. Всё решено. Обещаешь?
И г о р ь. Обещаю. Но от мысли, что ты с ним, я прихожу в бешенство. Я ревную тебя, Оля, даже к тебе самой тебя ревную.
О л ь г а. Не целуй ее у меня на виду.
И г о р ь. Я уйду от нее. Дай мне несколько дней, и я уйду.
О л ь г а. Лучше уезжай. Давай прекратим всё это.
И г о р ь. Привыкай, что я рядом.

Игорь прижимает Ольгу к мокрой стене сарая.

Сцена шестая

Титр: *здесь и сейчас.* Берег моря. Крики чаек, шум прибоя, суровый осенний ветер с моря. Ольга кричит с обрыва.

О л ь г а. Обними меня. Я соскучилась. Обними меня! Обними!

Крик Ольги заглушают обезумевшие чайки.

Сцена седьмая

Веранда дома с садом. Восьмой закат. Все прячутся на веранде от дождя. Свет закатного солнца едва прорывается сквозь пелену черных туч.

Н и к о л а й. Лиза, ставь самовар. Будем пить чай.
Л и з а. Я только лайки умею ставить.
Н и к о л а й. Тогда включи чайник.
А ю н а. Хотите, я сделаю вам бурятский чай? Для этой погоды самое оно.
И г о р ь. Мне он нравится. Но ты всё же скажи, что в нем.
А ю н а. Зеленый чай, молоко, соль, сливочное масло.
Л и з а. Фу-у-у. И что, это пьют? Только под наркозом!
А ю н а. Это очень вкусно.
Л и з а. Сорян, но давайте обычного чаю попьем.
Н и к о л а й. Все-таки дождь посреди жары приятная штука. И этот шторм, море показывает нам свою хтоническую силу, всю свою древнюю, неподвластную человеку мощь.

Аюна делает Игорю чай. Достает ложку, мешает ей чай.

Л и з а. Чо? Какую силу?

И г о р ь. Хтоническую. Погугли, сестренка.

А ю н а. Ой.

И г о р ь. Что такое?

А ю н а. Ложка сломалась.

И г о р ь. Обалдеть. Покажи? Вот ты мощь. Хтоническая сила!

Что за ложка такая странная?

А ю н а. Неважно.

И г о р ь. Медвежонок?

А ю н а. Мне ее шаман дал...

На веранду, как на сцену, выходит Ольга. У ее драконов морская болезнь.

О л ь г а. А что вы тут такие кислые сидите? Я сейчас буду петь. Коля, дай мне микрофон. Где он?

Н и к о л а й. Оля, что с тобой? Почему ты так безобразно пьяна? Где ты была?

О л ь г а. Как ты выражаешься! Безобразно пьяна! Я красиво пьяна. И хочу петь. Душа у меня поет. Да, я певица и хочу петь. Имею право.

И г о р ь. Пусть поет. Что такого?

А ю н а. И правда. Я никогда не слышала, как Ольга поет.

Л и з а. Мама красиво поет. Мама, спой.

О л ь г а. Лиза, найди мой диск с фонограммой.

Л и з а. Я тебе с планшета сейчас включу.

Лиза включает музыку. Ольга поет. Поет бурно, то красиво, то вдруг голос истерично срывается. Николай морщится, ему противно смотреть на пьяную жену. Аюна не понимает, как реагировать, — это талантливо, но как-то страшно. У Игоря внутри бушуют те же шторма.

Смотрите, смерч, в море смерч!

О л ь г а. Боже, как прекрасно и как страшно.

А ю н а. Это опасно?

Н и к о л а й. Пока он в море — нет.

И г о р ь. Какое-то морское чудовище.

О л ь г а. Да, сегодня все чудища выбрались наружу. Я вот тоже не стала в комнате засиживаться.

Н и к о л а й. Оля, давай я тебя отведу? Тебе надо поспать.

О л ь г а. Отстань от меня.

Н и к о л а й. Тебе плохо. Пойдем.

О л ь г а. Ты старый и скучный. Вот что. Я буду смотреть закат.

А ю н а. Как-то зловеще сегодня темнеет.
О л ь г а. Боишься? Правильно делаешь.
И г о р ь. Оля, давай я отведу тебя в комнату?
О л ь г а. И ты туда же?
Н и к о л а й. Аюна, извините нас за этот концерт.
О л ь г а. А у меня почему никто не просит прощения?
Н и к о л а й. Прости, Оля, за всё прости.
О л ь г а. Не прощу. Ты меня раздражаешь.
Н и к о л а й. Хорошо, раз так — я тоже напьюсь. Раз такой праздник.
Может быть, тоже вам спою. Или станцую! Яблочко!
О л ь г а. Все лезут на сцену, не протолкнуться.
А ю н а. Игорь, пойдём в комнату, а?
Л и з а. Пап, когда вас всех увезут в психушку, можно я заберу себе твой ноутбук?

Скандал сменяется хохотом.

О л ь г а. Гамлет, за мной. Пойдем, пока эти неблагодарные потомки и тебя не забрали.

Ольга уходит.

И г о р ь. А я побегаю. И пригляжу за Олей.

Тоже уходит.

Л и з а. Я тоже погуляю. Сделаю пару фоточек для инстаграма.

Срывается вслед за Игорем.

Н и к о л а й. Мне кажется, нас уже забрали в психушку. Сразу всех.
А ю н а. Я никуда не пойду. Тут буду, уберу со стола.
Н и к о л а й. Ты хорошая девочка. Игорю очень повезло.

Сцена восьмая

Сад. Мокрые ветки клещут по лицу, но не могут остановить Лизу. Она нагоняет Игоря.

Л и з а. Игорь, подожди. Ну подожди же, мне надо с тобой поговорить.

И г о р ь. Лиза, возвращайся домой.

Л и з а. Послушай же меня!

И г о р ь. Что ты хочешь? Только быстро.

Л и з а. Я думаю, она тебе не пара. Вы друг другу совсем не подходите!

И г о р ь. Ты сейчас о ком?

Л и з а. Как о ком? Об Аюне, конечно!

И г о р ь. Что ты несешь?

Л и з а. Короче, тебе надо с ней развестись. И жить с нами.

И г о р ь. Так, теперь ты меня послушай. Там, в своем инстаграме, ты можешь фантазировать сколько угодно. Но я эти глупости терпеть не буду. Если не хочешь со мной ссориться, сейчас разворачиваешься, идешь домой, и мы забываем этот идиотский разговор. Поняла?

Л и з а. Он не идиотский.

И г о р ь. Лиза, второй вариант — я добавлю тебя в черный список. Ты понимаешь, что это значит?

Лиза злится и плачет от бессилия.

Всё, уходи.

Лиза делает несколько шагов в сторону дома. Дождется, чтобы Игорь отвернулся, и крадется за ним.

Сцена девятая

Берег моря. Ночь. Шторм. Ольга раздевается и заходит в воду, волны сбивают ее с ног. Она плывет, и ей кажется, что вода может смыть ее грехи. Откуда-то издалека доносятся обрывки монотонной песни гор, но шум прибоя не дает слышать слова. Игорь настигает Ольгу в воде и утаскивает ее на сушу, в сторону скал. За всем этим с берега тайно наблюдает Лиза. Она видит, как Игорь покрывает Ольгу поцелуями. Она смотрит и впитывает с болью свой первый серьезный жизненный урок. Не в силах смотреть дальше, она убегает.

И г о р ь. Ты соленая.

О л ь г а. Я же из моря.

И г о р ь. Ты русалка.

О л ь г а. Я твой сон.

И г о р ь. Нет, больше не сон.

О л ь г а. Я тебе снилась?

Игорь. Да. Постоянно.

Ольга. А что еще тебе снится?

Игорь. Наша квартира. Старый подъезд и лестницы. Я пытаюсь вернуться домой, но все пролеты перепутались, лестницы ведут то вверх, то снова вниз, и мне никак не попасть в квартиру.

Ольга. Надо же. Мне тоже это снится. Страшный сон.

Игорь. А еще мне снится мама. Но всегда только ее руки. У нее были очень красивые теплые руки, она меня ими обнимала. Я до сих пор помню это ощущение ее теплых рук.

Ольга вырывается и убегает.

Оля, подожди, что такое? Ты куда?

Ольга. Не ходи за мной. Оставь меня.

Сцена десятая

Веранда дома с садом. Ночь. Заплаканная Ольга вбегает на веранду и сталкивается с Николаем.

Николай. Оля, что с тобой? Что случилось? Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? На пляже? Ну тише, тише, иди ко мне. Расскажи мне, что произошло. Я не смогу тебе помочь, если ты мне ничего не скажешь.

Ольга. Гамлет, он сбежал. Я на минутку отвернулась, поворачиваюсь, а его нет. Я кричу, а он не отвечает. Я всё обошла, понимаешь, а его нигде нет. Его, наверное, украли. Или он упал с камня в воду и утонул.

Николай. Боже... Оля! Ты серьезно?

Ольга. Найди моего Гамлета! Я не смогу без него.

Николай. Оля, ты устала, иди отдохай. Пойдем, я тебя уложу. Тебе надо просто успокоиться и перестать нервничать. Хочешь, сделаю тебе чаю или подогрею молока? Да ты вся дрожишь. Что тебе налить?

Ольга. Ничего. Меня тошнит.

Николай. Это у тебя нервное. Ты выпила лишнего и устала. Пойдем. Попей хотя бы воды.

Сцена одиннадцатая

Веранда дома с садом. День. Лиза пробегает по веранде и хлопает дверью в дом.

О л ь г а. Что это с ней?

Н и к о л а й. Не пойму. Весь день такая. Скандалит, психует. Я уже подозреваю, что это новое биологическое оружие, которое косит нашу семью, женскую ее половину.

Лиза вбегает обратно.

О л ь г а. Милая, что с тобой?

Л и з а. Сидите тут, смотрите свои гребаные закаты, делаете вид, что ничего не происходит! А оно происходит! И отворачиваться бессмысленно!

Н и к о л а й. Лиза, мы тебя любим и хотим знать, что с тобой происходит.

Л и з а. Ха! Любите! Вы все тут постоянно рассуждаете о любви. Вы это слово уже так истрепали, на нем живого места не осталось. Только никто из вас об этой любви ничего не знает. Износилась ваша любовь, стерлась до дыр. И сквозь них такое видно! Фу!

Н и к о л а й. Успокойся. Вдохни глубоко. Иди ко мне. Расскажи толком, что такое?

Л и з а. Не хочу я ничего рассказывать.

Н и к о л а й. Ну а хочешь, мы сейчас поедем в город и купим чего-нибудь вкусенького? Мороженого?

Л и з а. Не хочу! Когда же вы поймете, что я тоже личность. Что я человек, а не ребенок! Я тоже могу и любить, и ненавидеть.

Неребенок убегает в слезах. Все пожимают плечами.

Н и к о л а й. Эпидемия.

Сцена двенадцатая

Комната Игоря и Аюны в доме с садом. Аюна нежной змеей обвивает Игоря.

А ю н а. А не пора ли нам домой? Что-то мы загостились. Да и работа ждет.

И г о р ь. Мне так не кажется. И я прекрасно работаю на удаленке.

А ю н а. Знаешь, у меня какие-то нехорошие ощущения. Думаю, место здесь плохое. Я уже и жертву хорошую духам положила, но всё равно, гнетет что-то, жмет в груди.

И г о р ь. Может, тебе кардиологу показаться? Мне не нравится этот симптом.

А ю н а. Нет, это не сердце, это где-то глубже, в иных сферах. Игорь, давай уедем?

И г о р ь. Да ладно тебе, не бери в голову.

А ю н а. Ты больше не называешь меня медвежонком.

И г о р ь. Медвежонок.

А ю н а. Нет, не так, нежно. Поцелуй меня. И вообще, почему мы перестали стараться?

И г о р ь. Потому что я умею считать женские дни.

А ю н а. То есть секс у нас теперь будет только во имя размножения?

И г о р ь. Не выдумывай. Всё будет, только не прямо сейчас.

Не то жертва духам показалась скромной, не то духи были не в духе.

Сцена тринадцатая

Веранда дома с садом. День. Заплаканная Лиза с огромной сумкой идет к выходу. Но тихо прошмыгнуть ей не удается.

А ю н а. Лиза, а куда это ты направляешься?

Л и з а. Не твое дело.

А ю н а. Хочешь, чтобы я позвала остальных?

Л и з а. Не надо.

А ю н а. Тогда выкладывай. Да поставь ты эту сумку.

Л и з а. Она! Сволочь! Гадина! Так со мной поступить! С папой!

А ю н а. Так, ну, судя по всему, ты про маму. Теперь добавь деталей.

Л и з а. Только ты папе не говори. Нельзя папе говорить. У него сердце слабое. Я не хочу больше жить в этом доме.

А ю н а. Я не скажу.

Л и з а. Черт, тебе тоже это нельзя говорить.

А ю н а. Ну? Говори уже.

Л и з а. Я видела. В общем, мама с Игорем. Там, в скалах, у моря.

А ю н а. Понятно.

Л и з а. И всё? Ты что, ненормальная? Ты почему не реагируешь?

А ю н а. Я знаю про это.

Л и з а. Ты тоже их видела?

А ю н а. Нет. Но я чувствую. Ветер приносит запахи.

Л и з а. И что делать? Я ухожу.

А ю н а. Стой. Куда ты пойдешь? Вот куда?

Л и з а. Не знаю. Да хоть на улицу! Ну к друзьям каким-то поеду, наверное.

А ю н а. Не надо. Это они должны уходить, не ты.

Л и з а. А ты?

А ю н а. А я буду бороться. Он мой, и просто так я его не отдам. Никому.

Л и з а. Ты? Бороться? Да ты умеешь только соглашаться со всем и хлопотать вокруг Игоря. Чтобы бороться, нужен характер.

А ю н а. Характер? Знаешь, какой у меня характер? Моя бабушка очень любила деда, родила ему восемь детей. А он пил и бил ее. Думаешь, она от него ушла? Да она не пикнула! Ни слезинки не проронила. Он ее пьяный побьет, она зубы стиснет и двор метет. А двор был земля да песок. Я весь ваш пляж вымету, но своего никому не отдам. Поняла?

Л и з а. Поняла. Как они вообще могли такое? Он же мой брат! У нас же одна кровь!

А ю н а. У них разная кровь. Но это всё такой кошмар. Ты мне можешь? Я без тебя не справлюсь. Мы можем всё исправить.

Л и з а. Я?

А ю н а. Да, ты.

Л и з а. И что надо делать? Я пляж подметать не буду!

А ю н а. Сначала отнеси сумку обратно в комнату. А после будем делать всё, чтобы они не могли больше встретиться наедине. Скоро я его увезу. Я смогу.

Сцена четырнадцатая

Веранда дома с садом. Девятый закат. Все усаживаются. Последней приходит Аюна, даже на свадьбу она так обильно не красилась.

Н и к о л а й. Аюна, у тебя праздник? День рождения? Что же ты не сказала?

А ю н а. Нет, у меня в марте. Двадцать третьего.

Игорь. Что это ты?
Аюна. Закат красивый, хочется соответствовать.
Ольга. Так планка поднята, не догнать.
Лиза. Красотка! Ваще! Чума!
Аюна. Милый, даже твоя сестра умеет делать комплименты.
Игорь. Ты потрясающая. Так?
Аюна. Так лучше. Когда же утихнет этот шторм?
Николлай. Скоро. Пара дней еще от силы.
Ольга. Гамлет, пойдём гулять, лежебока, не лентяйничай.
Николлай. А он уже нашелся?
Ольга. Черт. Забыла. Пойду поищу.

Ольга уходит через сад.

Игорь. Что-то я тоже засиделся. Вы тут досматривайте, а я побегаю.

Аюна. Ну вот... бросишь меня одну?
Игорь. Не брошу. Побегаю и вернусь к тебе.
Аюна. Игорь, ну как ты не понимаешь.

Лиза вскакивает и запрыгивает Игорю на колени.

Лиза. Брателло, ну ты чо тупишь-то?

Николлай. Игорь, и правда, какая пробежка? Даже мне, старому пню, приятно посидеть рядом с такой красивой женщиной.

Лиза. Я тебя не отпущу. Будешь с нами. Давай лучше рассказывай мне, что ты видишь.

Игорь. Я вижу, как небо краснеет. Не то это солнце так заходит, не то глаза мои наливаются кровью и раздражением.

Аюна. Хочешь, я тебе чаю сделаю? Успокоительного.

Николлай. Посиди с нами. Это так важно, мы же каждый закат все вместе тут.

Игорь. Не пойму только, почему вы Ольгу так легко отпустили?

Николлай. Помнишь, смерч крутился над водой?

Игорь. Ну?

Николлай. Это тебе ответ.

Сцена пятнадцатая

Берег моря. Вечер. Ольга ждет Игоря на берегу. Ждут тигры. Львы ждут. Нетерпеливо харкают пламенем драконы.

О л ь г а. Нет его, Гамлет, нет, как будто и не было никогда. Думаешь, это был дурной сон? Или прекрасный сон. Я хочу проснуться. Я не хочу просыпаться. Где же он? Гамлет, Гамлет, Гамлет! Хоть бы луна показалась. Повыли бы на пару...

Сцена шестнадцатая

Дом с садом. Ольга в ночном безумии бродит по дому, ждет, ищет, сладостно замирает от каждого шороха. И он приходит.

И г о р ь. Ты любишь меня?

О л ь г а. Нет.

И г о р ь. Ты любишь меня.

О л ь г а. Я тебя ненавижу.

И г о р ь. Ты меня любишь. Ты моя.

О л ь г а. Я задыхаюсь без тебя.

А ю н а (голос). Игорь, ну ты где там застрял? Иди скорее.

Он уходит, оставаясь.

Сцена семнадцатая

Комната Ольги в доме с садом. Утро. Лиза заходит к матери и садится рядом с ней.

О л ь г а. Как ты? Прошли твои психи?

Л и з а. Нет.

О л ь г а. Поможешь мне с инстаграмом? Я и представить не могла, сколько народа меня помнит и знает. Давай сегодня сделаем несколько хороших фотографий и повесим там? Поможешь мне?

Л и з а. Мама, блин, какой инстаграм! У тебя роман с Игорем! Я всё видела. И не пытайся меня переубедить.

О л ь г а. Что ты хочешь?

Л и з а. Чтобы это прекратилось. Иначе я всё расскажу отцу.

О л ь г а. Не надо ничего рассказывать.

Л и з а. Ты больше не подойдешь к Игорю, обещаю мне.

О л ь г а. Он сам ко мне подходит.

Л и з а. Мама, чо ты как из детского сада! У тебя с ним больше ничего не будет. Обещаешь? Иначе...

О л ь г а. Ничего не будет. Не говори отцу. Пожалуйста.

Л и з а. Это всё дурное влияние интернета, видимо. А я не верила.

Сцена восемнадцатая

Веранда дома с садом. Лиза качается в гамаке. Мимо в сторону сада проходит Игорь.

И г о р ь. Смотри не вывались, егоза.

Л и з а. Чо, смешные шутки кончились?

Лиза качается дальше. Из дома выходит Ольга, она тоже направляется в сад.

Так, стопэ, ты куда это?

О л ь г а. Не переживай. Я сделаю, что обещала.

Л и з а. Я за тобой слежу.

О л ь г а. ОЗВ, общество защиты взрослых, вы где вообще?! Куда смотрите?

Сцена девятнадцатая

Сад. Ольга тащит Игоря в самый дальний угол. Останавливаются за сараем.

И г о р ь. Почему здесь?

О л ь г а. Я хочу тебе рассказать. Я должна. Это всё поменяет. Про твою мать.

И г о р ь. Не надо ничего менять.

О л ь г а. Нет. Я всё равно так не смогу. Я всю жизнь с этим живу. Всё как-то неправильно. Пойми.

И г о р ь. Любовь не бывает неправильной. Она или есть, или ее нет.

О л ь г а. Послушай меня. Послушай же. Ты тогда на даче был, у бабушки. Мы с твоим отцом познакомились. Я пела у них на корабле, от Москонцерта ездили по военным частям и на флот. Он стал за мной ухаживать. Красивый, статный, интересный. Вот как ты сейчас. Хотя нет, ты другой. Ты безумный мальчишка. Даже сейчас. А он уже тогда

был мужиком. Я не сразу поняла, что он женат. Он взял отпуск, ездил за мной по стране. Месяц ездил. Потом поехал к жене, сказал, что влюбился. Ушел от нее.

Игорь. Я думал, вы только после смерти мамы...

Ольга. Нет. Игорь, она что-то с собой сделала. Не знаю, не убилась себя, но сердце не выдержало. Она же молодая была совсем, откуда сердце? Это я во всем виновата. И Коля виноват. Я сначала не хотела к вам приходить, всё грызла себя. Но Коля меня убедил, что тебе нужна мать, что я должна. Потому ты и думаешь, что мы после смерти. Мы специально не рассказывали. Бедный мальчик. Ты меня даже один раз мамой назвал. Такой был забавный малыш. Хвостиком за мной ходил.

Игорь. Я с первой секунды тебя любил. Как увидел, сразу полюбил. А вы меня отдали. Выгнали.

Ольга. Мы не выгнали. Мы не справились. У меня гастроли одни за другими, у отца рейсы. Не с кем было тебя оставлять. Пойми, я петь хотела. Я и сейчас хочу. Но тогда я была нужна.

Игорь. Ты была нужна мне.

Ольга. Игорь, я думаю, ты путаешь. Ты любишь меня как мать. Это любовь сына. Но я не твоя мать. И что хуже, я виновата в том, что у тебя нет матери.

Игорь. Я люблю тебя как женщину. Не как мать. Это точно. Мне надо побыть одному.

Ольга. Прости. Хотя нет, с чего бы. Не прощай.

Сцена двадцатая

Веранда дома с садом. Закат номер десять. Николай с Ольгой сидят в креслах, молчат. Приходит Игорь и встает рядом с отцом.

Игорь. Папа, нам надо поговорить.

Ольга. Игорь, не надо. Не начинай.

Николай. Не начинай чего? Давай поговорим. Что случилось?

Игорь. Я хочу знать, как умерла мама.

Николай. Ты всё знаешь. Я тебе рассказывал. У нее был инфаркт.

Игорь. Какой инфаркт в тридцать лет? С чего у нее вдруг инфаркт? Может, это ты что-то сделал?

Ольга. Коля, я ему рассказала.

Игорь. Уйди отсюда, не вмешивайся.

О л ь г а. Не повышай на меня голос.

Н и к о л а й. Оля, зачем?

И г о р ь. А я вот не понимаю, почему ты сам мне не рассказал? Струсил? Не такой уж ты и отважный, капитан. Боишься, что придется отвечать?

Н и к о л а й. Я ничего не боюсь. Да, я от нее ушел. Кто угодно может уйти от жены. Это не запрещено законом. И изменять жене тоже законом не запрещено. Да, она умерла. Возможно, из-за того, что сильно переживала. Но я не могу с этим ничего поделать. Ее не вернуть.

И г о р ь. Какая же ты мразь!

Н и к о л а й. Как ты разговариваешь с отцом! Не забывайся!

И г о р ь. Я разговариваю с человеком, который убил мою мать, а меня сплавил жить в интернат. Сам же наслаждался жизнью с красивой молодой женой.

Со стороны моря появляется Лиза, сжимается в комок от криков и прячется за сараем.

Н и к о л а й. Игорь, ты всё выворачиваешь. Ты же знаешь, была бы возможность, ты бы жил дома, с нами. Но бабушка умерла! Я всё время в рейсах, у Оли сплошные гастроли, что нам было делать?

И г о р ь. Надо было просто приложить усилия. Немножко постараться, поджать себя, отказаться от чего-то, а не от меня. Но я же не был тебе нужен. Да и от мамы, повезло, так удачно избавился! Ты спрашивал, почему я исчез? Почему не звонил? Да потому что у меня не было отца, кому мне было звонить? А еще потому, что я люблю твою жену. Да, не смотри на меня так. Вот ее. И у меня для тебя еще одна плохая новость. Теперь она — моя женщина.

Н и к о л а й. Оля, что он говорит? Оля?

И г о р ь. Правду, я говорю правду.

Н и к о л а й. Не подходи к ней.

И г о р ь. А что будет?

Н и к о л а й. Да что ты себе позволяешь! Я твой отец!

И г о р ь. Вспомнил наконец-то.

Н и к о л а й. Не смей так со мной разговаривать!

Николай отвечает Игорю затрещину. Игорь отвечает ударом на удар. Игорь с Николаем сходятся в драке. Ольга застыла и молчит, даже ее драконы покрылись ледяной коркой, будто это всё не про них. Лиза тихо рыдает, зажимая себе рот. На крики прибегает Аюна.

А ю н а. Что здесь происходит?

О л ь г а. Зона военных действий.

А ю н а. И вы так спокойно на это смотрите?

О л ь г а. А что я могу? Я всего лишь слабая женщина. Они же мужчины, самцы, тигры, львы.

А ю н а. Это они из-за вас? Да, я в курсе.

О л ь г а. И из-за меня тоже.

А ю н а. Они идиоты! Прекратите сейчас же! А ну, остановитесь! Быстро все разошлись и сели. Игорь, что это вообще? Сел сюда! Вы как дикари! Что случилось?

Н и к о л а й. Ничего.

И г о р ь. Я тебе потом расскажу.

О л ь г а. А она уже всё знает.

А ю н а. Так, тихо. Что там должно быть? Тишина и отречение? Вот сидим, молчим, отрекаемся, смотрим закат.

И г о р ь. Я...

А ю н а. Цыц! Отрекаемся.

Молчат.

О л ь г а. Мерзну. Осень, что ли, скоро...

Н и к о л а й. Думаю, потеплеет, как только утихнет этот шторм.

О л ь г а. Ты оптимист.

Н и к о л а й. Это закон природы. После любого шторма будет затишь. Любой штить однажды сменится штормом. У каждого заката есть обратная сторона. Там еще светло, небо голубое. Там прячется день. Но и наступление ночи не остановить. Почти стемнело. Я устал, пойду.

А ю н а. Мы тоже пойдем. Игорь?

Игорь молча встает и выходит. Ольга остается одиноким силуэтом в темноте. Лиза, утерев слезы, заходит на веранду.

Л и з а. Где все?

О л ь г а. Все ушли, даже солнце.

Л и з а. А ты чего тут сидишь? Надо включить свет.

О л ь г а. Не зажигай огня, достаточно.

Л и з а. Ты всё испортила. Ничего не хочешь сказать в свое оправдание?

О л ь г а. Нет.

Лиза уходит в дом. Немного погодя Ольга тоже покидает темную веранду.

Сцена двадцать первая

Коридор/веранда дома с садом. Николай стоит под дверью комнаты Игоря и Аюны.

Н и к о л а й. Игорь, выйди.

И г о р ь. Ну?

Н и к о л а й. Пойдем поговорим теперь спокойно, как мужчина с женщиной. У меня была где-то водка.

И г о р ь. Ладно.

Выходят на веранду, садятся выпивать.

Н и к о л а й. Надо как-то всё проговорить.

И г о р ь. Зачем?

Н и к о л а й. Я ничего не понимаю.

И г о р ь. Давай выпьем.

Николай поднимает стопку, затем опускает.

Н и к о л а й. Не знаю, за что пить.

И г о р ь. Не праздник, обойдемся без тостов.

Выпивают залпом.

Н и к о л а й. Расскажи.

И г о р ь. Сначала ты.

Н и к о л а й. Ты уже всё знаешь. Больше и нечего.

И г о р ь. Ну и мне нечего.

Н и к о л а й. Давно вы это?

И г о р ь. Недавно.

Н и к о л а й. Ясно. Пей.

И г о р ь. Чего ты меня допрашиваешь, а не ее?

Н и к о л а й. Она молчит. Закрылась и молчит. Даже не выходит выгуливать своих драконов.

И г о р ь. Гамлет — дракон?

Н и к о л а й. Если не хуже. Ты уехал из-за нее?

И г о р ь. Я уехал, потому что родилась Лиза. Решил поступить благородно.

Н и к о л а й. Нет, не поэтому. Ты понял, что тебе ничего не светит. Что у нас семья!

И г о р ь. Ты ее не любишь.

Н и к о л а й. Люблю! И она меня любит.

Игорь. Теперь она любит меня!
Николай. Даже если она мне с тобой изменила...
Игорь. Без если.
Николай. Это всё блажь. Пройдет.
Игорь. Не пройдет. Я на ней женюсь.
Николай. У тебя уже есть жена. Мою не трогай.
Игорь. Это не тебе решать. Ей!
Николай. А вот пойдём к ней и спросим?
Игорь. А пойдём!

Сцена двадцать вторая

Спальня Ольги в доме с садом. Услышав голоса и шаги, Ольга прячется под одеялом.
Игорь и Николай ломятся в дверь, но Ольга им не открывает.

Игорь. Спит, видимо. Что будем делать?
Николай. Не спит она. Я с этой женщиной почти тридцать лет прожил. Не спит!
Игорь. Тогда давай через дверь!
Николай. Точно! Оля! Поговори с нами!
Игорь. Открой!
Николай. Мы тут обсудили. Оля, короче, как ты скажешь, так и будет. Выбирай! Я или он!
Игорь. Да, выбирай уже! Сколько можно! Оля, я тебя люблю!
Николай. Да! Точно! Я тебя люблю! Мы тебя любим!

Ольга уткнулась в дракона и беззвучно рыдает.

Игорь. Молчит!
Николай. Молчит... Тогда пойдём ещё выпьем.

Уходят.

Сцена двадцать третья

Веранда дома с садом. У старого сарая. Лиза поджигает сигарету. Появляется Аюна.
Лиза прячется, но Аюна ее находит.

Аюна. Что ты делаешь? Ты куришь?

Л и з а. Что хочу, то и делаю. В этом доме все делают только то, что хотят. Традиция такая. Обычай.

А ю н а. Это глупо, Лиза

Л и з а. Ты не куришь?

А ю н а. Нет. И ты не будешь. Это вредно и немодно.

Л и з а. Модно. У нас в школе все курят. Я давно курю, не парься. Я редко. Но, блин, достали. Невозможно!

А ю н а. Ты хочешь поменять мир вокруг себя, а не курить.

Л и з а. Ты чо, такая умная?

А ю н а. Думаешь, мне легко?

Л и з а. Не думаю.

А ю н а. Что у тебя с руками?

Л и з а. Да так...

А ю н а. Покажи?

Л и з а. Нет.

Аюна хватает Лизу за руку и задирает рукав.

А ю н а. Лиза, ты что, пыталась порезать вены?

Л и з а. Дура! Нет, конечно. Так... царапала. Когда больно, это отвлекает от другой боли, понимаешь?

А ю н а. Шрамы же останутся. На всю жизнь шрамы. Глупышка. Пойдем, я намажу тебе руки, чтобы зажило. У меня есть мазь, крутая, шаманская. Не делай так больше.

Л и з а. А как делать?

А ю н а. Не знаю.

Л и з а. А что ты делаешь? Чтобы не было так больно? Пляж метешь?

А ю н а. Молюсь, прошу сил, прошу защиты.

Л и з а. Я не верю в Бога.

А ю н а. Я тоже не верю в Бога. Но природа, мир вокруг нас, он наполнен силами, о которых большинство из нас ничего не знает. Они в ветре, в море, в солнце, на которое вы тут пялитесь каждый день. В наших венах течет кровь наших предков, это огромная сила. Надо только уметь это услышать, разглядеть. Уметь с ними говорить.

Л и з а. Ты умеешь?

А ю н а. Я научусь. Если не сейчас, то когда.

Л и з а. Почему ты не уезжаешь?

А ю н а. Я верю, что всё еще можно повернуть вспять.

Л и з а. Как же я этого хочу!

А ю н а. Это всё злые духи, бесы. Они мучают Игоря. Но я ему помогу.

Л и з а. Зачем вы вообще сюда приехали? Зачем? Зачем?!

А ю н а. Ох. Ладно, слушай. Мы с Игорем пять лет пытались завести детей. Врачи говорили, что мы оба здоровы. Но вот не получается никак. Я всё перепробовала. И однажды в клинике встретила старуху, она тоже бурятка, приехала к внукам. Старуха сказала мне, что надо идти к шаману. Шаман всё знает. А что не знает, может спросить у духов. Я поехала домой, в Бурятию. Нашла лучшего шамана. Трое суток сидела, ждала, когда он со мной поговорит. Потом он меня позвал и сказал, что не будет у нас детей, потому что мы потеряли связь с предками. Не слышим их зова в нашей крови. Сказал, что, пока не восстановим эту связь, ничего не изменится. Но я своих предков не забывала. Хоть и живу далеко. А вот Игорь...

Л и з а. Да, блин, лучше б он не вспоминал.

А ю н а. Я думаю, это все наши предки, они испытывают нас, хотят жертву. Нужно что-то отдать, что-то важное.

Л и з а. Ясно мне всё. Вы все психи. Пойдем. Давай свою мазь. А у нее точно побочки нет? А то помажешь, и будет как у вас, восстановили связь с предками по полной программе.

А ю н а. Это хорошо, что ты шутишь! Не будешь больше курить?

Л и з а. Не знаю. Как пойдет.

Сцена двадцать четвертая

Веранда дома с садом. Одиннадцатый закат. Все приходят и молча рассаживаются смотреть закат. Последней заходит Лиза, оценивает обстановку и произносит.

Л и з а. Чо новенького? Закат смотрите? Молчите. Отрекаетесь? Вы так до конца лета тут молча сидеть собираетесь?

О л ь г а. Мы держимся за это лето, наивные, а оно всё закатывает и закатывает.

Лиза включает запись видео на телефоне.

Л и з а. Всем привет! Давненько не делала прямых эфиров. Вот смотрите, это моя клевая семья. Это мой папа. Это вот мама! А это мой брат. Ну еще он, правда, любовник моей мамы. Но бывает и не такое, поверьте. А это Аюна. Наверное, ей теперь надо стать любовницей

моего отца, и мы тогда снова заживем счастливо. Или, может, это нам с тобой замутить, Аюн? Ну а чего? У нас же современная семья.

О л ь г а. Лиза, перестань сейчас же.

Л и з а. Мама ругается. Мама, тебе стыдно?

О л ь г а. Отдай мне свой телефон сейчас же. Прекрати это.

Л и з а. Всем чао.

Н и к о л а й. Лиза, это неприлично.

Л и з а. Да я самая приличная среди вас. Аюна, скажи им! Что ты молчишь?

А ю н а. Ты зря, так неправильно.

И г о р ь. Зато ты такая правильная. Тошно от тебя. Все эти твои обычаи, традиции, так надо, тут мы конфеты бросаем, тут вино разбрызгиваем, тут надо духов прикормить, а здесь поклониться. Тебе самой-то от этой правильности не тошно? Ты не пробовала хоть раз сделать что-нибудь неправильное?

А ю н а. Зачем мне делать что-то неправильное? Это плохо. Я такая, какая есть.

И г о р ь. Может, ты другая? Ты же ничего о себе не знаешь.

А ю н а. А вы что о себе знаете? Вы, русские, все Ивановы безродные! Нет у вас ни корней, ни уважения к предкам, уважения к старшим, уважения к своему роду! Как можно было так с отцом поступить? Как ты мог переспать с женщиной, которая тебя вырастила? Да даже просто пальцем ее тронуть! Даже просто бросить грязный взгляд в ее сторону? Нас считают дикарями. Нас! Чтобы я хоть грубое слово родителям сказала! Это просто невозможно. Не то что... тьфу!

И г о р ь. Я с тобой развожусь. Теперь это всё не твое дело. Уезжай.

Игорь встает и уходит.

Н и к о л а й. Лиза, проводи меня в комнату. Что-то я себя нехорошо чувствую.

Л и з а. Папа, тебе плохо?

Н и к о л а й. Нет-нет, не волнуйся. Просто проводи меня. Тут сквозняки. Этот ветер с моря. Холодно.

Лиза уводит Николая. Ольга с Аюной остаются наедине.

О л ь г а. Вот ты какая, оказывается. Я думала, ты тихая.

Тигры зарычали.

А ю н а. Если я тихая, то можно спать с моим мужем?
О л ь г а. Где же твое уважением к старшим?
А ю н а. Женщина без чести не достойна уважения.

Древние духи потянулись из углов.

О л ь г а. Хамишь мне?

Львы разинули пасти.

А ю н а. Оставьте моего мужа. Он не ваш.

Степь вздыбилась за ее спиной.

О л ь г а. Мальчик мой. И был моим всегда.

Драконы выпустили пламя.

А ю н а. Я его не отдам. Выгрызу, увезу. Но вашим он не будет.

Песчаная буря накрыла сад.

О л ь г а. Ты опоздала. Опоздала заранее.

А ю н а. Нет!

И сошлись в великой битве древние духи азиатских степей и чудовища женщин северной Европы. И бились они и день, и ночь, и год, и век. И не было в той битве победителей. И не было в той битве проигравших. И лишь валькирии кружили в небесах, да тени ползали по земле. Но все они удалились ни с чем, ибо битва эта вечна, пока помнят люди, кто они и откуда, пока в их жилах течет кровь, а не вода.

О л ь г а. Да.

И наступила ночь, усыпившая всех.

Сцена двадцать пятая

Веранда дома с садом. Ночь. Николай сидит в кресле в темноте. Входит Ольга с пледом и фонарем в руках.

О л ь г а. Ты замерзнешь. Я принесла тебе плед. Ты же сам сказал, ветер, тут холодно.

Н и к о л а й. Я раньше не замечал, какая ты на самом деле жестокая, Оля.

О л ь г а. Я тоже многое о себе не знала.

Н и к о л а й. Сначала я хотел убить тебя.

О л ь г а. Убей.

Н и к о л а й. Потом я хотел убить Игоря.

О л ь г а. Его не надо.

Н и к о л а й. М-да... Было у отца три сына. Это в сказках. Когда три сына, можно послать двоих на войну, а потом радоваться, что есть еще и третий. Но у меня сын только один. Тут не разбежишься.

О л ь г а. Я не знаю, чем оправдаться.

Н и к о л а й. Да чем это можно оправдать? Оля, я очень тебя люблю. И вовсе не хочу с тобой расставаться. Но и воевать с сыном я не хочу. У меня, кроме тебя, сына и дочери, никого и нет. Вы моя семья. Значит, надо быть мудрым. Надо себя как-то. В общем, я решил. Если вы хотите быть вместе, значит, теперь будет так. Я, дочь, сын и жена сына, а не моя. Так уж вышло. Я думаю, мы как-то привыкнем, сможем. Обещай только, что не оставите меня одного. Это единственное мое условие.

О л ь г а. Коля...

Н и к о л а й. Не надо ничего говорить. Просто иди. Я всё за всех решил. Пусть хотя бы тут я буду главным. Всё же я капитан.

О л ь г а. Я тебя очень люблю.

Н и к о л а й. Я знаю. Иди. Уходи. Иди к нему. Мы же цивилизованные люди, Оля, мы будем вести себя прилично, мы справимся. Подожди, секунду подожди. Ты позволишь время от времени держать тебя за руку?

О л ь г а. Да.

Сцена двадцать шестая

Спальня Аюны и Игоря в доме с садом. Лиза тихо заходит в спальню, где беззвучно рыдает Аюна.

Л и з а. Привет. Чо ты тут? А, ревешь. Ну понятно.

А ю н а. Что тебе понятно?

Л и з а. Бабка-то твоя сильнее была.

А ю н а. Была. Сама-то как?

Л и з а. Сказала бы, что бывало и говеннее, но нет, не бывало. Игорь теперь переехал к маме?

А ю н а. Да.

Л и з а. И чо ты теперь?

А ю н а. Уеду. Он сказал, что я должна уехать.

Л и з а. Черт. Жопа какая. Слушай, такая тема, хочу у тебя спросить.

А ю н а. Спрашивай. Не мнись.

Л и з а. Короче, ты траву курила когда-нибудь?

А ю н а. Лиза!

Л и з а. Да ладно тебе, расскажи лучше.

А ю н а. Нет, не курила.

Л и з а. Даже в молодости?

А ю н а. Даже тогда. Это очень вредно, Лиза. И опасно.

Л и з а. Да нифига. Траву даже врачи выписывают. От нервов.

А ю н а. Нет, ну, у нее, конечно, есть расслабляющий эффект, успокоительный. Это известный факт.

Л и з а. Вот, короче, я тут принесла нам с тобой успокоительное.

Лиза вытягивает вперед кулак, разжимает, на ладони лежит маленький пакетик.

А ю н а. Это что? Откуда это у тебя? Это трава?

Л и з а. Т-с-с-с! Ага!

А ю н а. Лиза, ты с ума сошла?

Л и з а. А что, у меня был другой вариант? Блин, что ж мне не рассказали! Я б не сходила.

А ю н а. Ну-ка, дай сюда сейчас же. Ты где вообще это взяла?

Аюна забирает траву у Лизы.

Л и з а. В школе, где ж еще. Один чел подогнал. Ну, он в меня типа того, влюбился, короче.

А ю н а. Ты принимаешь наркотики?

Л и з а. Нет, конечно. Ты чо?! Я нормальная. Ну, была. Теперь уже не знаю. Чо ты занудничаешь? Давай попробуем. Говорят, это весело!

А ю н а. А если тебе станет плохо? Или мне?

Л и з а. Хуже уже не станет... Ну чо ты? Никто не узнает! А даже если и узнает, пофиг!

А ю н а. Это неправильно.

Л и з а. А вот это вот всё, что тут происходит, правильно? Нам надо это как-то пережить. Набухаться вреднее. Я хотела, но передумала.

Аюна смотрит на Лизу, затем берет траву.

А ю н а. Сигареты есть?

Л и з а. Ага, ща принесу.

А ю н а. И спички или зажигалку. Лиза, подожди. Давай не будем.

Л и з а. Я могу и без тебя. У меня еще есть.

А ю н а. Ладно, неси сигареты. Будем считать, что я за тобой при-
сматриваю.

Л и з а. Будем считать, что в медицинских целях.

Сцена двадцать седьмая

Веранда дома с садом. Николай сидит один в кресле, курит.

Н и к о л а й. Вот, Гамлет, такая фигня случилась. Но мы ж с тобой старые морские волки, мы и не такие шторма переживали, еще и в море, не то что на берегу. Ты не морской волк? Ну да, и правда, ты сухопутный волк. А может быть, даже тигр. Хочешь, расскажу тебе один секрет? Лиза думает, что ты дракон. Это да, эта новость поинтереснее будет, чем то, что моя жена ушла к моему сыну. Ты ведь не расскажешь ей, о чем мы тут секретничали? Молодец. Дай лапу? Ну дай же лапу! Эх, зверюга ты невоспитанная. Что, противен я тебе, да? Да я и себе самому такой противен. Капитан тряпка.

Сцена двадцать восьмая

Спальня Ольги в доме с садом. Ольга с Игорем сидят рядом, но между ними стена.

И г о р ь. Как-то я себе всё это иначе представлял.

О л ь г а. Как?

И г о р ь. Не знаю. Взвалить тебя на коня и мчать во весь опор.

О л ь г а. Вот только на капоте «мерседеса» я еще не каталась. Или что у тебя там?

И г о р ь. Как у всех, «форд».

О л ь г а. Дождь, кажется, утихает.

И г о р ь. Иди ко мне.

О л ь г а. Не надо. Нет настроения. Тошно мне.

И г о р ь. Хочешь, погуляем?

О л ь г а. Нет. Ничего не хочу.

И г о р ь. Завтра будет новый день.

О л ь г а. Новый тяжелый день.

И г о р ь. Оля, дождь утихает, шторм утихает, всё утихнет. Разве ты не этого хотела?

О л ь г а. А ты?

И г о р ь. Я хотел тебя. Сколько себя помню, я хотел тебя.

О л ь г а. И вот ты меня получил. Счастлив?

И г о р ь. Счастлив. Но ты права, всё это больно.

О л ь г а. Вы все думаете, что я монстр. Шутите про драконов. А я всего лишь слабая женщина. Почему этого никто не видит? Я не знаю, как всё это пережить. Слышишь? Просто не знаю! У меня нет сил.

И г о р ь. Я помогу тебе. Мы все это переживем. Вместе. Иди, давай просто будем спать.

О л ь г а. Хорошо.

Ольга ложится рядом, свернувшись в клубок. Потом прижимается к Игорю. Но кровь вскипает вопреки рассудку, и скорбь уступает место звериной страсти.

Сцена двадцать девятая

Спальня Аюны и Игоря в доме с садом. Аюна с Лизой лежат на полу и хохочут. Из колонок играет ритмичная музыка.

Л и з а. Блин, я не хочу больше видеть твое лицо. Шесть глаз, ты представляешь, шесть глаз. Шестиглазка ты моя.

А ю н а. У меня тоже всё немного двоится! Но мне пофиг.

Л и з а. Посмотри на потолок. Ты видела, что там? Я не могу, это очень ржачно. Блин, ща попробую встать.

Лиза встает, пошатываясь делает несколько шагов, садится.

Не, капец, пол бежит с такими скоростями, я не успеваю.

А ю н а. Ща я попробую. Нормально всё, стою. У тебя правда пол плывет?

Л и з а. Ну так, немного шатает.

А ю н а. Если тебе плохо, ты сразу мне говори.

Л и з а. Мне хорошо. Чо ты кипишуешь?

А ю н а. Не боишься ты меня совсем.

Л и з а. А чего тебя бояться?

А ю н а. Ну, я взрослая.

Л и з а. Да ну. Я никого не боюсь.

А ю н а. А еще я дочь степей. Хочешь, станцую тебе шаманский танец? Вот смотри, я страшный старый шаман с огромным бубном.

Аюна пританцовывает и бьет рукой по чайному подносу. Лиза хохочет.

Смеешься надо мной? Сейчас я тебе покажу!

Аюна сливается в танце с ритмом музыки. Вот уже по комнате вместо девушки крутится темный вихрь, тени разбегаются по стенам, откуда-то доносится вой степного ветра. Лизе становится не по себе, будто перед ней и правда шаман, впавший в древний транс. Внезапно Аюна останавливается.

Ну, здравствуй, милый мой. Какой ты красивый.

Л и з а. Это ты с кем?

А ю н а. Я совсем тебя не боюсь. Надо же, ты белый, как молоко белый.

Л и з а. С кем ты говоришь?!

А ю н а. С моим оленем. Ты увезешь меня отсюда? Не сейчас? Ну ладно, я подожду. Я буду слушать ветер, обещаю, буду хорошо слушать ветер. Не уходи, побудь со мной еще минутку. Подари мне что-нибудь? Какой красивый цветок. Зачем он? Сама пойму. Ушел...

Л и з а. Где цветок? Покажи?

Аюна показывает Лизе невидимый цветок в своих руках.

Нет ничего у тебя.

А ю н а. Есть. Теперь есть.

Л и з а. У тебя глюки.

А ю н а. Это не глюки. Это был мой тотем. Тотемное животное. Оказывается, у меня белый олень.

Л и з а. Это типа ангела-хранителя?

А ю н а. Ну, можно и так сказать.

Л и з а. А у меня такое есть?

А ю н а. У каждого есть.

Л и з а. И кто же у меня?

А ю н а. Не знаю. Может, лисица.

Л и з а. Ну, у мамы-то, понятно, дракон. А вот папа? Кто-то из моря, наверное.

А ю н а. Мне кажется, у него дельфин.

Л и з а. Точно! Дельфин! А Игорь, наверное, волк.

А ю н а. Не знаю. Я, оказывается, его совсем не знаю.

Л и з а. А ю н, как нам дальше жить-то?

А ю н а. Будем слушать ветер.

Л и з а. Я не умею.

А ю н а. А я теперь и сама не понимаю, что умею. Но чувствую, что многое могу.

Сцена тридцатая

Веранда дома с садом. Утро. Все завтракают за большим столом.

Н и к о л а й. Оля, мои удочки в сарае?

О л ь г а. Да. Ты собрался на рыбалку?

Н и к о л а й. Вот подумываю. В интернете пишут, что в Китае нашли русалку. Может, и я себе такую поймаю.

Л и з а. Папа! Прекрати читать всякую чушь.

Н и к о л а й. Ну а что? Идеальная женщина. Надоела — выбросил в море.

О л ь г а. Ты всё шутишь.

А ю н а. Игорь, мне надо обратный билет поменять. Ты съездишь со мной в город?

И г о р ь. Да. Мне тоже туда надо. Сдать мой билет.

Н и к о л а й. Наконец-то море улеглось. И мне сразу как-то спокойнее, что ли.

Л и з а. Пап, хочешь, я с тобой на рыбалку?

Н и к о л а й. Не надо, милая. Я хочу порыбачить один.

О л ь г а. Вечером надо съездить за продуктами.

И г о р ь. Мы вернемся, и я в твоём распоряжении.

Л и з а. Давайте жарить шашлык? Тыщу лет не жарили шашлык. Или рыбу. Если папа наловит.

О л ь г а. Ну а почему нет? Коля, ты уже пошел?

Николай встает, чтобы уйти. Затем останавливается и вдруг произносит:

Н и к о л а й. Да. Кстати, а вы заметили, как много людей теперь попало под поезд?

О л ь г а. Это где?

Н и к о л а й. Вообще. Везде.

Сцена тридцать первая

Веранда дома с садом. В креслах сидят Игорь, Аюна и Лиза. Они смотрят двенадцатый закат.

А ю н а. Я взяла билет на завтра.

И г о р ь. Если что, ты мне пиши. Я чем могу.

А ю н а. Если что — что?

И г о р ь. Ну, если вдруг скучно там или грустно. Или что-то надо.

А ю н а. Скучать я буду, да. По местным закатам. Это зрелище стоит того, чтобы по нему скучать. Знаешь, буду старой, куплю себе дом на берегу с видом на закат. Надо только не ошибиться стороной, не перепутать с рассветом.

Л и з а. А по-моему, рассветы — это тоже клево. Только на рассвете я всегда сплю.

А ю н а. Я хочу впитать в себя это место. Выпить до капли весь этот закат. Чтобы запомнить всё то, что здесь произошло. Потому что больше этого в моей жизни не будет никогда. Всё будет иначе.

И г о р ь. Жалеешь, что приехала?

А ю н а. Нет. Теперь я точно знаю, что у меня будут дети. Пусть и не с тобой. Я нашла то, что было потеряно. Оно во мне.

И г о р ь. Я рад за тебя. Правда. Сегодня всё в легкой дымке. Давно я не видел таких насыщенных малиновых цветов.

Входит Ольга без лица. Она садится рядом с Игорем.

А ю н а. Море практически спокойное, будто и не было вчерашнего дождя и шторма.

И г о р ь. Да, природа изменчива.

А ю н а. Не только природа, но и люди.

И г о р ь. Я понял. Сейчас время валькирий. Ведь буря — это битва. А после битвы наступает их черед.

О л ь г а. Как назывался этот рай? Вальхалла?

И г о р ь. Да. Дворец павших в небесном чертоге.

О л ь г а. Красиво звучит. Думаешь, им там было хорошо?

И г о р ь. Скажу даже больше, они туда стремились. Нет ничего почетнее для воина, чем гибель на поле боя. А вот у буддистов рая нет, только вечное перерождение.

А ю н а. Неправда. Есть рай. Но о нем не рассказывают всем подряд. И он не для воинов.

Л и з а. Дельфины! Смотрите же скорее! Дельфины!

Игорь. Где?

Лиза. Вон же, прямо! Два дельфина! Так и плывут парой. Как красиво! Мама, ты видишь?

Ольга. Вижу.

Лиза. У них, наверное, любовь. Надо же, я никогда раньше не видела дельфинов в море. Где мой телефон? Блин, не успела сфотографировать.

Ольга. Ничего. Когда-нибудь ты увидишь их снова.

Лиза. А где папа? Жаль, он не видел дельфинов. Хотя он, наверное, тыщу раз видел их в море.

Ольга. Лиза, принеси мне, пожалуйста, папин планшет.

Лиза. Зачем он тебе?

Ольга. Не спрашивай. Принеси, я тебе говорю.

Лиза. Я же всё про вас всех знаю. Можете говорить при мне.

Ольга. Лиза!

Лиза, обиженная, уходит.

Николай утонул.

Игорь. Что?

Аюна. Как?

Ольга. Утопился. Лодка перевернулась. Не знаю. Утром сказал, поплывет рыбачить. Позвонили — нашли тело. Вынесло на берег.

Аюна. Так, спокойно. Не надо паниковать. Надо ехать на опознание. Может, они ошиблись.

Ольга. Не ошиблись. Я его уже опознала.

Игорь. И ты так спокойно об этом говоришь?

Ольга. Я больше не могу. Если бы не Лиза...

Аюна. Надо сказать Лизе.

Ольга. Я не смогу.

Игорь. Я скажу.

Игорь уходит.

Аюна. Вы не женщина, вы атомная бомба. Вокруг вас сплошная смерть и хаос.

Ольга. Я воронка после взрыва.

Аюна. Из-за таких, как вы, развязываются войны и гибнут миллионы. Елена прекрасная, видимо, была вашей прабабкой. И этой крови вам уже не смыть.

О л ь г а. Чужих миллионов мне не надо. Вся моя кровь на мне. И мне с этим жить. Не вам. Забирайте вашего мальчика и уезжайте. А ю н а. Он уже не мой.

О л ь г а. Ваш. А мой утонул. Уезжайте. Ничего не случилось. Это всего лишь конец света.

Вдалеке слышен страшный чайный крик Лизы.

Сцена тридцать вторая

Веранда дома с садом. Опять на чемоданах.

А ю н а. Ну, как говорится, спасибо этому дому.

Л и з а. За что спасибо-то?

И г о р ь. Так принято. Обычай. Традиция.

Л и з а. Уже можно вставать?

А ю н а. Можно. Ну, мы пойдем.

Л и з а. Я вас провожу.

И г о р ь. Вы идите. Я тут сейчас.

Аюна с укором смотрит на Игоря.

Мне надо. Идите.

Аюна с Лизой уходят, оставляя Игоря с Ольгой. Ольга сидит, драконы легли у ее ног. Молчат.

Это банально прозвучит. Но не стоило мне приезжать.

О л ь г а. Да. Не стоило.

И г о р ь. Я не знаю, как с этим жить. Надо как-то научиться, видимо. Пойду к психотерапевту. В Америке все ходят к психотерапевту.

О л ь г а. Сходи.

И г о р ь. А ты не чувствуешь своей вины?

О л ь г а. Я ничего больше не чувствую.

И г о р ь. Оля. Я боюсь за тебя.

О л ь г а. Я всё осознаю. Не бойся. Уезжай уже.

И г о р ь. Лиза. Она просится к нам в Америку. Я думаю, это хороший шанс. Там прекрасное образование. Я оплачу ей пансион.

О л ь г а. Она не хочет жить со мной.

Игорь. Она еще ребенок.

Ольга. Нет, уже нет.

Игорь. Оля, я о ней позабочусь. А ты позаботься о себе.

Ольга. Уезжай. Всё кончено.

Игорь. Скажи одно слово, и я останусь.

Ольга. Убирайся. Ты мне не нужен. Мне никто не нужен.

Игорь. Ты не женщина, ты ведьма. Ты меня приворожила.

Ольга. Теперь расколдовала. Можешь ты наконец убраться отсюда? Я больше никогда не хочу тебя видеть.

Игорь. Да, ты права. Расколдовала. Извини, я вряд ли буду писать. Если что — передавай через Лизу. Прощай.

Ольга молчит. Драконы молчат. Львы и тигры молчат. Даже Гамлет безмолвствует. Игорь уходит. Ольга поет. А может, это стонут тигры, львы и драконы? Или просто какая-то чайка потеряла дорогу домой? Даже у волков в лесу песни веселее.

Сцена тридцать третья

Тип: сентябрь. Веранда дома с садом. Опять чемоданы. Ольга смотрит в одну точку. Лиза стала страшно взрослая.

Лиза. Я буду писать. И звонить.

Ольга. Угу. Пиши. Звони.

Лиза. Ты тут это... не знаю что. Береги себя, что ли.

Ольга. Ты тоже.

Лиза. Мам, может, тебе к врачу сходить? К психотерапевту? Это нормально. В Америке все ходят.

Ольга. Схожу.

Лиза. Ты прости. Я правда не могу больше здесь. А там, Игорь говорит, там хорошее образование.

Ольга. Это важно.

Лиза. У меня уже есть друзья в новой школе. Там клево. И Игорь живет недалеко, я в гугле посмотрела, там до него автобус ходит, всего четыре остановки.

Ольга. Это хорошо.

Лиза. Ну, ты мне тоже пиши, звони,

Ольга. Обязательно.

Лиза. Мам, ну, я пошла. Такси уже приехало.

Ольга. Ага. Иди.

Лиза встает. Ольга так и сидит. Лиза уже почти уходит, но вдруг Ольга вскакивает и бросается к Лизе. Обнимает ее, заливаясь слезами. Нет у нее никаких драконов.

Л и з а. Ну всё, всё. Я буду скучать. Ну пока, мне пора.
О л ь г а. Ты стала такая взрослая.
Л и з а. Мама, такси ждет. Пока.

Лиза уезжает. Ольга остается одна. Совсем одна. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, короче, все вымерли. Что это за звук? Он в телефоне.

О л ь г а. Ольга, поздравляем, у вас теперь пять тысяч подписчиков. Разместите праздничное фото, чтобы отметить это событие.

Срывается в пропасть.

Сцена тридцать четвертая

Титр: здесь и сейчас. Берег моря. Крики чаек, шум прибоя, суровый осенний ветер с моря. Ольга кричит с обрыва.

О л ь г а. Обними меня. Я соскучилась.

Крик Ольги заглушают отчаявшиеся охрипшие чайки. В нескольких метрах от нее стоит Игорь. Хоть он и за спиной, Ольга точно знает, что он там. Он подходит поближе.

(Тихо.) Обними же меня.

Игорь подходит к ней. Обнимает.

Ничего не говори. Молчи. Просто обнимай меня крепче.

Так и стоят. Любят.

ОБ АВТОРАХ

Анна Гейжан — драматург, сценарист. Окончила ВГИК. Автор пьес для театра, сценариев полнометражных и короткометражных игровых фильмов, теле-сериалов, анимационных фильмов. Участник лаборатории «Пространство драмы». Пьесы, написанные в рамках лаборатории, поставлены в Центре драматургии и режиссуры. Пьеса «Сезон закатов» в 2018 году попала в лонг-листы конкурсов «Ремарка», «Литодрама», «Авторская сцена», стала лауреатом конкурса «Автора на сцену». Участник лаборатории «Исторические лица» в Театре Российской армии.

Алексей Еньшин родился в 1980 году в Свердловске. В 2007 окончил Екатеринбургский государственный театральный институт (мастерская Николая Коляды). Публиковался в журналах «Урал», «Большая медведица», Za-art, сборнике пьес молодых драматургов «Транзит». Пьеса «Угонщица» в 2018 году одержала победу на Волошинском конкурсе.

Екатерина Жмырова родилась в Тамбове. Окончила сценарный факультет ВГИКа (мастерская Л. Нехорошева). В разные годы пьесы входили в лонг-и шорт-листы конкурсов «Время драмы», «Исходное событие». Лауреат Международного конкурса современной драматургии «Евразия-2018».

Анна Кизицова родилась в Екатеринбурге в 1998 году. В 2016 поступила в Екатеринбургский государственный театральный институт (мастерская Николая Коляды). Участник многих лабораторий и проектов: Вторая и Третья театральные лаборатории Удмуртской школы драматургии, Сценарная лаборатория в рамках фестиваля «Кинопроба», фестиваль-лаборатория «За!Текст», марафоны читок и др. Пьеса «Перемать» вошла в основную программу фестиваля «Любимовка-2017». Читки пьес проходили на сценах Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга.

Алексей Макейчик родился в 1985 году. Пьесы в разные годы входили в шорт-листы конкурсов «За!Текст», «Евразия», «Любимовка», «Ремарка», фестиваля современной белорусской драматургии WriteBox. Живет в Белоруссии.

Марта Райцес — драматург, сценарист. Основатель и методист проекта «Книжныйгид.org». Шортлистер Независимой международной премии неправительственной драматургии «Ним-2018», конкурсов «Исходное событие» и «Маленькая ремарка», лонглистер конкурса «Кульминация», победитель конкурса «Действующие лица» (номинация Льва Яковлева «Пьеса без действия»). Отмечена жюри конкурса «Любимовка». Спектакли по пьесам автора поставлены в театрах Красноярска, Тулы, Ханты-Мансийска, Томска, Уфы. Читки текстов проходили в Хабаровске, Волгограде, Москве.

Алексей Синяев родился в 1986 году в городе Кизел (Пермский край). В 2018 году окончил Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «литературный работник» (мастер Николай Коляда). Пьеса «Тракторина» заняла второе место на конкурсе «Евразия-2017», читка-эскиз была показана на фестивале «Коляда-Plays» в 2017 году, вошла в шорт-лист конкурса «Действующие лица — 2017», в 2018 году была особо отмечена ридерами конкурса «Любимовка». Пьеса «Эринии» вошла в шорт-лист конкурса «Ремарка-2018», лонг-лист Волошинского конкурса 2018 года.

Павел Соколов — журналист, писатель, драматург. Участник Всероссийского семинара драматургов (мастерская Сергея Коковкина). В 2016 году окончил курсы в Creative Writing School (мастерская Михаила Угарова). Автор пьес Homo communalis, «Трабахарка», When Ivan comes marching home и других работ. В 2018 году пьеса «Поминки по Филу» вошла в число призеров конкурса «Баденвайлер», а также попала в шорт-лист «Авторской сцены» и в лонг-листы «Ремарки» и «Евразии». Читки прошли в Штутгарте, Риге, Москве и Челябинске.

Тоня Яблочкина — драматург и сценарист. Родилась в 1988 году. Окончила филологический факультет РУДН, сценарный курс Михаила Дурненкова и Евгения Казачкова (РГГУ) и мастерскую Михаила Угарова. Работала копирайтером, журналистом. Первая пьеса «Любовница» стала участником фестиваля «Любимовка-2015». Публиковалась в журнале «Современная драматургия». Пьеса «Юра» вошла в шорт-листы фестивалей «Любимовка-2017», «Евразия-2018», лонг-лист фестиваля «Баденвайлер-2018»; поставлена в Воронеже, Ижевске и Санкт-Петербурге. Живет в Москве.

Содержание

Родион Белецкий, Александр Железцов	
Пьеса как мотор	3
Аня Кизикова	
Я и мои собаки	5
Тоня Яблочкина	
Юра	18
Алексей Синяев	
Взломанный	52
Алексей Макейчик	
Обживая бетон	74
Павел Соколов	
Поминки по Филу	113
Марта Райцес	
Остановка	151
Екатерина Жмырова	
Паразит	166
Алексей Еньшин	
Угонщица	190
Анна Гейжан	
Сезон закатов	212
Об авторах	285

Союз писателей Москвы

Литературно-художественное издание

Настоящее время. Драма

Проект «Путь в литературу»

Составители:

Белецкий Родион Андреевич

Гейжан Анна Андреевна

Исаева Елена Валентиновна

Железцов Александр Федорович

Руководитель проекта:

Сидоров Евгений Юрьевич

Подготовлено к печати
издательством «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
издатель А. Переверзин

редактор: В. Лебедева
корректор, технический редактор: О. Тузова

Подписано в печать 15.05.2019.
Формат 90х60/16. Усл. печ. л. 18.
Тираж 1000 экз.

Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

18+

ISBN 978-5-6042671-2-7

